

М 527690

Г. А. АХМЕДЖАНОВ

4
СОВЕТСКАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ
ПРИСОЕДИНЕНИЯ
СРЕДНЕЙ АЗИИ
К РОССИИ

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. И. ЛЕНИНА

Г. А. Ахмеджанов

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1989

В монографии анализируется международное значение включения Средней Азии в состав России, дается характеристика экономических и социальных последствий присоединения для среднеазиатских народов, определяется роль этого фактора в международных отношениях второй половины XIX в., в политике колониальных держав, в сближении местного и русского населения, что способствовало формированию основ совместной классовой борьбы.

Для историков, обществоведов, студентов гуманитарных факультетов вузов.

Ответственный

редактор

доктор исторических наук Г. А. ХИДОЯТОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук И. Г. НИЗАМУТДИНОВ,

доктор исторических наук Д. Я. ОЧИЛЬДИЕВ,

доцент Ш. М. АБДУЛЛАЕВ

А 05030203 0—15
М355(04)—89 14 - 89

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1989 г.

ISBN 5—648—00544—X

ВВЕДЕНИЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила народы Российской империи от социального и национального гнета, обеспечила экономический и духовный прогресс всех наций и народностей. Ранее отсталые в экономическом, социальном и культурном отношении народы обрели развитую промышленность, вышли на уровень передовой культуры, хотя раньше некоторые из них не имели даже своей письменности. Коммунистическая партия провела в этой области гигантскую преобразующую работу, результаты которой обогатили советское общество, мировую цивилизацию.

Все нации и народности, населяющие нашу страну, внесли вклад в становление и развитие социалистической Родины, вместе защищали ее свободу, независимость, ее революционные завоевания от нашествий врагов. Все это нельзя не признать.

«Наше государство не удержалось бы, если бы не произошло фактическое выравнивание республик, если бы не возникло сообщество на основе братства и сотрудничества, уважения и взаимопомощи»¹.

Но наши достижения не означают беспроблемности национальных процессов. Противоречия свойственны всякому развитию, возникают они и при социализме. К сожалению, раньше мы занимались в основном лишь констатацией действительно больших достижений в решении национального вопроса, оценивали положение с помощью торжественных слов. А ведь это живая жизнь во всем ее многообразии, во всех ее сложностях, «тем более, что здесь еще не изжито и порой болезненно заявляет о себе стремление к национальной замкнутости, местничеству»².

В условиях перестройки, гласности, возрождения демократии в нашей стране предметом особой заботы и внимания являются вопросы межнациональных отношений.

¹ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 118.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.; Политиздат, 1986. С. 53.

Это заставляет с особым вниманием относиться к изучению истоков демократического, революционного движения в России, проходившего в период ее империалистического развития, когда она превратилась в огромный конгломерат социального и национального угнетения. Именно во второй половине XIX — начале XX в. соединились судьбы народов Средней Азии с судьбами других народов России — русского, украинского, белорусского, грузинского, армянского, азербайджанского и т. д.

Более века назад, в 1888 г., Ф. Энгельс предсказывал, что со временем, когда Россия перестанет стремиться к завоевательным планам, она выступит как носитель прогресса на Востоке. Подчеркивая международную роль русского народа после свержения царизма, он указывал, что в этом случае «благородная великорусская нация будет стремиться уже не к завоевательным химерам на пользу царизма, а выполнит свою подлинно цивилизаторскую миссию по отношению к Азии»³. «Материальным воплощением великой созидательной роли русского народа являются выдающиеся достижения ленинской национальной политики. И народы нашей страны отдадут дань глубокого уважения русскому народу за его бескорыстие, подлинный интернационализм, несоценный вклад в создание, развитие и укрепление социалистического союза свободных и равноправных республик, в экономический, социальный и культурный прогресс всех народов Советской страны»⁴.

В этой связи важное значение приобретает изучение и освещение истории присоединения Средней Азии к России — процесса, растянувшегося на три десятилетия — 1865—1895 годы, затем абсолютного колониального господства царизма на протяжении еще немногим более двух десятилетий. Весь этот период, таким образом, охватывает чуть более половины столетия — с 1865 по 1917 г. Он оказал огромное влияние на исторические судьбы всех среднеазиатских народов.

С установлением российского господства в Средней Азии в результате ее присоединения к России во второй половине XIX в. видоизменились формы социальной эксплуатации, были созданы новые институты политического господства.

Многовековая история среднеазиатских народов полна свидетельств смены одного режима тирании другим: господство ахеменидов, хорезмшахов, походы Александра Македонского, арабские завоевания, кровавое господство сасанидов, саманидов, газнеvidов и сельджукидов, варварское вторжение и тиранию татаро-монгольских полчищ, изуверства Тимура и тимуридов, междоусобную деспотию трех ханств — Бухары, Хивы и Коканда. Поэтому среднеазиатские народы, выработавшие в себе иммуни-

³ Энгельс Ф. Письмо к румынскому социал-демократу И. Нэдежде.

⁴ 1 января 1888 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 5.

⁴ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М.: Политиздат, 1987. С. 37.

тет классовой борьбы против своей и иноземной эксплуатации, восприняли завоевание края русским царизмом, с одной стороны, как очередную заготовку формы господства, с другой — они вскоре почувствовали, что оказались в составе той России, над которой «стали вспыхивать первые зарницы революции»⁵. В стране, справедливо называвшейся «тюрьмой народов», национальный вопрос стал одним из первоочередных при разработке стратегии и тактики партии большевиков, которую возглавил В. И. Ленин.

Таким образом, признание колониального положения дооктябрьского Туркестана, Бухары и Хивы не означает необходимость пересмотра достижений советской исторической науки, обвиняемая в «ползучем эмпиризме, в теоретической анемии и антиисполнении»⁶.

Следует твердо придерживаться того понимания, что нельзя сводить историю России и Средней Азии 1865—1917 гг. только к активным действиям царизма, царской бюрократии и русской буржуазии, не следует игнорировать или недооценивать историю народов, рабочего класса, крестьянства, прогрессивной демократической интеллигенции. В конце XIX — начале XX в., в период безраздельного господства империализма, Россия превратилась в центр мирового революционного движения, где началось свержение царизма — могучего оплота не только европейской, но и азиатской реакции. Свою главную задачу — свержение царизма русский пролетариат не мыслил без правильного решения национального вопроса, т. е. без обеспечения равенства и свободы всех народов и национальностей российской империи.

Выражая сокровенные мысли и чувства русских рабочих, русского народа, Ленин писал, что «нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилием, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты»⁷. Вместе с тем В. И. Ленин всегда указывал на то, что гнет и насилие «вызывали отпор» со стороны русского народа, что со времен Радищева и декабристов в России началось революционное движение, а в новую эпоху «великорусский рабочий класс создал... могучую революционную партию масс»⁸, партию нового типа, партию большевиков. Возникший на марксистской теоретической основе большевизм подчеркивал В. И. Ленин, имел к 1917 г. пятнадцатилетнюю практическую историю, «которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете»⁹.

Страстный поборник свободы народов, Ленин еще в 1905 г. в

⁵ См.: Доклад Ю. В. Андропова «Шестьдесят лет СССР» на совместном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР 21—22 декабря 1982 г. // 60 лет образования Союза Советских Социалистических Республик. М., 1983. С. 10.

⁶ См.: Введение к сборнику «Материалы по истории присоединения Средней Азии к России». Ташкент, 1969. С. 5.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 107.

⁸ Там же.

⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 8.

связи с началом русской революции провозгласил: «Русский народ не может завоевать себе свободы, не борясь за свободу других народов»¹⁰.

Своеобразие исторической роли русского народа, его пролетариата заключается в том, что только в России в результате огромных усилий лучших сынов и дочерей народа, объединенных в марксистско-ленинскую партию, требование о равноправии наций, их праве на самоопределение и самостоятельное существование исходило от партии рабочего класса господствующей нации. Исторически сложилось так, что непосредственное вхождение народов Туркестана в состав российского государства усиливало влияние русского народа на общее развитие края, способствовало подъему культуры, росту революционного рабочего, крестьянского и национально-освободительного движения.

Революционные события в России не носили изолированный, замкнутый характер, они находили в Туркестане, как и во всех национальных окраинах империи, активный и широкий отклик. В 1917 г. пролетариат Ташкента встал во главе революционного движения в Туркестане. Буквально через неделю после победы Октября в Петрограде и Москве 1 ноября 1917 г. был взят последний оплот Временного правительства в Туркестане — военная крепость, и в городе установлена Советская власть. Отсюда она начала победное шествие по краю. Это было впрочем великих прогрессивных революционных последствий присоединения Средней Азии к России, началом исторического рубежа. Среднеазиатские народы вместе с другими народами национальных окраин бывшей Российской империи образовали затем Союз Советских Социалистических Республик, что явилось одним из важнейших переломных моментов всемирной истории.

Вынужден косвенно признать это один из авторитетных западных политологов, ученый-историк, лауреат Нобелевской премии Арнольд Тойнби, писавший советскому академику Н. И. Конраду: «Ваша страна состоит из стольких различных народов, говорящих на стольких различных языках и унаследовавших столько различных культур, что она является моделью мира в целом, а соседним культурных, языковых различий с экономическим, социальным и политическим единством на федеральной основе вы показали в вашем Советском Союзе, чем может стать мир, чем он, надеюсь, в будущем станет»¹¹.

В свете вышеизложенного становится ясным, что проблема, связанная с прогрессивными последствиями присоединения Средней Азии и Казахстана к России возникла в советской марксистско-ленинской историографии, и изучение ее связано с дооктябрьским периодом нашей страны, с условиями военно-феодалного

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 171.

¹¹ Высказывание А. Тойнби приводится в беседе корреспондента УзТАГ с секретарем Ташкентского обкома партии Э. И. Фазыловым // Правда Востока. 1988. 6 октября.

империализма. Эта проблема не имеет ничего общего с апологией колониализма, с идеализацией положения двойной эксплуатации и угнетения, которое создалось в результате политики царского самодержавия, капиталистов, помещиков и их опоры в крае — местных феодальных эксплуататоров и других приспешников колониальной администрации.

Сущность проблемы состоит именно в том, что прогрессивные последствия присоединения проявлялись в условиях колониального режима, пробиваясь сквозь тернии колониальной политики российского империализма, который, правда, по мере нарастания революционной ситуации и в условиях первой мировой войны осуществлял и в Средней Азии, перефразируя К. Маркса, менее полные, менее развитые, но как раз поэтому более безопасные формы классового господства¹².

Присоединение Средней Азии к Российскому государству стало рассматриваться как прогрессивное явление в историографии в послеоктябрьский период, что вполне закономерно. «Ничего нет удивительного в том, — указывал В. И. Ленин, — что в России, как и в других странах, различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма, ...что не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит *преобладание интереса* к той или другой стороне»¹³.

И эта совокупность исторических условий для разработки проблемы прогрессивности присоединения, как правильно подчеркивал П. А. Ковалев, стала складываться с того времени, когда В. И. Ленин поставил вопрос о помощи со стороны русского пролетариата народам Востока с тем, чтобы они могли преодолеть экономическую и культурную отсталость и, минуя капиталистическую стадию развития, перейти к социализму¹⁴.

Во всей же полноте и широте проблема прогрессивности присоединения перусских народов к России была поставлена после победы советского народа над фашистской Германией и милитаристской Японией¹⁵, когда так зримо и весомо выявилась созида-

¹² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 146—147.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 128.

¹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 241—247.

¹⁵ Первой и смелой попыткой привлечь внимание исторической мысли страны к комплексной разработке проблемы присоединения нерусских народов к России было совещание историков в ЦК ВКП(б), проходившее в мае-июле 1944 г. Созыв совещания был результатом обращения к секретарям ЦК ВКП(б) советского историка А. М. Панкратовой, одного из редакторов и основных авторов коллективного издания «История Казахской ССР» (1943 г.). Важным позитивным результатом совещания, подчеркивает Ю. Ф. Иванов, осуществивший интересную публикацию — «Письма Анны Михайловны Панкратовой» (Вопросы истории. 1988. № 11. С. 54—79), явился постепенный отход от сталинской трактовки истории присоединения народов окраин к общей российской территории как «наименьшего зла». Возможно, именно поэтому, как представляется, не была тогда осуществлена публикация стенографического отчета этого важного совещания видных советских историков в ЦК ВКП(б) или другой информации о нем. Поэтому материалы, связанные с этим совещанием и письмами

тельная и освободительная роль русского народа в исторических судьбах народов нашей многонациональной страны, всего мира и всего человечества.

Понимание созидательной и освободительной роли русского народа, которому всегда была чужда идеология «национального превосходства», в исторических судьбах народов нашей многонациональной страны, всего мира имеет важное значение для народов, борющихся за подлинно демократическое переустройство жизни, отвергающих капиталистический путь развития. Это понимание подкрепляется тем, что «неизменными остаются солидарность КПСС с силами национального и социального освобождения, наша линия на тесное взаимодействие со странами социалистической ориентации, с революционно-демократическими партиями, с движением неприсоединения»¹⁶.

В Программе КПСС записано, что наша партия будет неустанно работать над тем, чтобы в советском человеке любовь к родине Октября, к земле, где родился и вырос, осознание исторических свершений первого в мире социалистического государства сочетались с пролетарским, социалистическим интернационализмом, чувством классовой солидарности с трудящимися братских стран, со всеми, кто борется против империализма, за мир и социальный прогресс¹⁷. Патриотическое и интернационалистское воспитание советских людей связывается партией с высокими задачами все более полного приобщения масс к сокровищам духовной культуры, искоренению пережитков прошлого в сознании и образе жизни людей.

В связи с этим необходимо всестороннее исследование недавнего прошлого народов нашей страны, освещение истоков их духовного сближения, их революционного братства и единения. Это особенно необходимо в свете задач, которые наметила республиканская партийная организация перед деятелями науки и культуры, подчеркивая, что «нам предстоит предельно внимательно, объективно изучить страницы истории и культуры, восстановить, где это необходимо, историческую справедливость»¹⁸.

Проблема присоединения Средней Азии и юга Казахстана во второй половине XIX в. к России достаточно глубоко и всесторонне разработана в советской историографии, причем определенный вклад в ее разработку внесли историки среднеазиатских республик. Их вклад был бы более весомым, если бы не выдвинутый в 1959 г.¹⁹ некомпетентный императив, которого более двух десятилетий придерживались некоторые ученые вместо углубленной научной разработки проблемы.

А. М. Паикратовой, должны стать предметом специального историографического исследования.

¹⁶ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 74.

¹⁷ См.: Там же. С. 164.

¹⁸ Нишанов Р. Н. Творческие силы научной и художественной интеллигенции — на службу перестройке//Правда Востока. 1989. 3 февраля.

¹⁹ Коммунист. 1959. № 10.

Пожалуй, основным недостатком советской историографии по проблеме присоединения является то, что в ней больше внимания уделялось колониальному ее аспекту, чем национальному. Между тем прогрессивное значение вхождения среднеазиатских народов в состав России определяется именно национальным аспектом, освещение которого в историографии даст возможность разработать ее с классовых, партийных позиций²⁰.

Следует отметить, что национальный аспект проблемы присоединения и значение ее исследования в определенной мере отражены в работах академиков И. И. Минца, Б. Н. Пономарева и др.²¹ Достаточно глубоко и всесторонне она рассматривалась в трудах ряда других ученых²².

Необходимость историографической разработки проблемы в указанном направлении обусловлена еще и тем, что изучение огромного материала, накопленного в советской исторической науке, может привести к разнотечию, увести читателя от классового, партийного понимания сути исторического развития.

Мы учли тот бесспорный факт, что конечной целью историографического исследования является установление и анализ концепции, т. е. системы взглядов и оценок исторических явлений и процессов. Выработанная тем или иным исследователем на основе изучения источников с определенных теоретических позиций научная концепция придает историческим фактам внутреннюю связь, превращает их в ту «упрямую вещь», о которой писал В. И. Ленин, формулируя требование «брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения»²³.

Многотрудный путь становления и развития советской исторической науки и историографии вхождения перусских народов в состав России подтверждает, что единственно верной методологической и теоретической основой ее развития является марксизм-ленинизм. Но не надо забывать и о следующем: марксизм исхо-

²⁰ 60 лет образования Союза Советских Социалистических Республик. Совместное торжественное заседание Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР. 21—22 декабря 1982 г. Стенографический отчет. М., 1983. С. 9—25.

²¹ Мincu И. И. Международное значение победы социализма на Советском Востоке. К 42-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Проблемы востоковедения. 1959. № 5; Пономарев Б. Н. Историческую науку и образование — на уровень задач коммунистического строительства // Коммунист. 1963. № 1.

²² Княпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII—80 гг. XIX в. М., 1984; Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965; Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений. Ташкент, 1969; Он же. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. Ташкент, 1978; Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; Джамгерчинов Б. Д. Присоединение Киргизии к России. М., 1959; Давлетов Дж., Ильясов А., Хамдамов П. У. Присоединение Туркмени к России. Ашхабад, 1972; Вопросы истории национально-освободительного движения в ленинском наследии. Ташкент, 1980.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 351.

дит из того, что «материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты»²⁴.

Следует отметить, что застойные явления в развитии исторической науки, как и всех сфер жизни нашего общества, особенно сильно коснулись Узбекистана, оказавшегося почти все застойные годы выведенным из зоны критики²⁵. Естественно, это обстоятельство должно учитываться в разработке проблемы советской историографии присоединения Средней Азии и Казахстана к России.

Особое значение это приобретает в современных условиях осуществления национальной политики партии, призванной с учетом отечественного и мирового опыта обеспечить свободное развитие всех народов нашей страны, укрепления из дружбы и сотрудничества на принципах органического сочетания равноправия народов и равноправия людей независимо от их национальности. КПСС ставит задачу «обновления всей идейно-политической, научно-исследовательской и воспитательной работы в сфере национальных отношений»²⁶.

---

²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 351.

²⁵ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза С. 81.

²⁶ Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС). Принята Пленумом ЦК КПСС 20 сентября 1989 года // Правда. 1989. 24 сентября.

Глава I

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

В становлении России как многонациональной державы XIX век занимает особое место, наполненное событиями военно-политического и международного значения, которые привели к значительному расширению территории империи на окраинах — в Закавказье, Средней Азии и существенно сказались на вновь освоенных районах Сибири и Дальнего Востока. Окончательное включение в состав России Закавказья и Средней Азии приходится на XIX в. с той лишь разницей, что завершение присоединения Кавказа приходится на первую, а Средней Азии — на последнюю треть столетия.

Кавказ и Средняя Азия, два территориально близких региона, определили как бы взаимосвязанные направления во внешней политике России. Так, если объектом русско-английских противоборств в первой половине XIX в. был Кавказ, то во второй половине столетия таковым становится Средняя Азия. Отсюда взаимосвязанность проблемы присоединения Кавказа и Средней Азии к России¹, на что обратили внимание советские историки Н. С. Киняпина, М. М. Блнев, В. В. Дегосв.

Проблема присоединения Средней Азии к России, международное значение присоединения и его историография составляют особую, как бы самостоятельную главу отечественной истории. Для понимания сути, специфики проблемы необходимо дать краткий обзор исторических исследований советских ученых по вопросам, связанным с вхождением Средней Азии в состав Российского государства, показать общность позиции советской исторической школы по основополагающим аспектам проблемы.

Историографию присоединения Средней Азии к России не следует отделять от историографической литературы вхождения Казахстана в Российское государство — процесса более раннего, чем утверждение царской власти в Туркестане. Необходимость рас-

---

¹ Киняпина Н. С., Блнев М. М., Дегосв В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII — 80-е гг. XIX в.). М.: Изд-во Московского университета, 1984.

смотрения историографии Казахстана объясняется многими причинами:

территориальным единством расселения народов Средней Азии и Казахстана;

тем, что значительная часть земель, где проживало казахское население, как и территории, занимавшиеся другими среднеазиатскими народами — туркменами, таджиками, киргизами — находилась в составе Кокандского, Бухарского и Хивинского ханств;

языковой (кроме таджиков), этническо-религиозной и культурно-бытовой однородностью народов данного обширного региона.

К тому же в результате присоединения Туркестан сделался крупным экономическим, политическим и культурным центром всей Средней Азии и Казахстана. В связи со столкновением колониальных интересов России и Англии именно здесь завязывается узел межимпериалистических противоречий и международных отношений, одного из звеньев мировой политики второй половины XIX — начала XX в.

С присоединением к России русско-казахские связи осуществлялись не только по Оренбургской линии, но и через Туркестан, они стали более оживленными, чем раньше. Близость Чимкента к Ташкенту значительно повысила торгово-экономическое значение Чимкентской дороги, непосредственно связавшей Казахстан с центром Туркестанского генерал-губернаторства.

Вопросы историографии истории народов Средней Азии и Казахстана — узбеков, туркмен, таджиков, казахов, киргизов и каракалпачков настолько переплетены и взаимосвязаны, что рассматривать их изолированно друг от друга методологически было бы неправильно и логически неоправдано. Не случайно вопрос о прогрессивном значении присоединения Средней Азии и Казахстана к России одним из первых среди советских историков сделал предметом своего исследования казахский ученый-марксист проф. С. Д. Асфендияров, еще в 1935 г. вплотную подошедший к современной точке зрения на данную историческую проблему. Однако рассматривал он ее лишь в свете русского завоевания.

Историография истории среднеазиатских народов дореволюционного периода изучена пока слабо. Достаточно сказать, что из 491 страницы текста учебника по историографии СССР этой проблеме уделены всего две страницы. На этот недостаток указывают сами авторы учебника². Недостаточно изучена и историография присоединения Средней Азии к России, обычно она рассматривается в кратком виде в трудах по историографии истории Средней Азии в целом. В некоторых случаях спорны принципы анализа проблемы, как, например, в общем познавательном труде «Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане»³.

Одной из особенностей историографии периода присоединения

² Историография истории СССР. М. 1961.

³ Шерстобитов В. П., Орозалиев К. К., Винник Д. Ф. Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане. Фрунзе, 1961. С. 61—69.

и установления власти царизма в Средней Азии и Казахстане является ее неразрывная связь со всей историографией многонационального русского государства. В конце XIX — начале XX в. завершился многовековой процесс образования уникального многонационального российского государства на огромных просторах Европы, Закавказья, Средней Азии, Казахстана, Сибири и Дальнего Востока, государства территориально единого, экономически целостного, исторически взаимосвязанного. Именно эту особенность российского государства имел в виду В. И. Ленин, говоря о том, что «Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии»⁴. При этом важно подчеркнуть, что В. И. Ленин не считал Среднеазиатский регион, даже Хиву и Бухару, колониями типа британской Ирландии и французского Алжира, называя их «нечто вроде колониями». Более того, в правовом понимании Туркестан, Хива и Бухара В. И. Лениным приравниваются к статусу Армении, Украины, Финляндии и др.⁵

Эти высказывания В. И. Ленина о национально-колониальных окраинах требуют нового подхода к проблеме прогрессивных последствий присоединения Средней Азии и Казахстана к России в основном правильно, но несколько легковесно трактуемой. Они дают возможность глубже проникнуть в социальную структуру Российской империи, где сплелись судьбы разных народов и народностей, в том числе Средней Азии и Казахстана, с судьбой русского народа.

В определении В. И. Ленина о том, что Россия исторически относится не только к Европе, но и к Азии, заложен глубокий смысл. Дело в том, что действительно Россия на протяжении многовекового исторического своего развития складывалась как многонациональное государство. Причем этот исторический процесс имел два начала — с одной стороны, оборонительное, объединительное, добровольное, т. е. прогрессивное, с другой — завоевательное, агрессивное. Рассматривая примерно тысячелетний период истории России, можно увидеть, что на протяжении этого времени ей приходилось обороняться, отбиваться от нападений полчищ тевтонских орденов, королей Швеции, польских шляхтичей и самозванцев, турок — на Западе и татаро-монгольских полчищ, войск Тимура и тимуридов — на Юге, одновременно преграждая путь этим восточным завоевателям в европейские страны.

---

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 326.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 16, 251. А ведь Финляндия рассматривалась как автономная часть Российской империи. — См.: Речь председателя Социал-демократической партии Финляндии на Совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР 21—22 декабря 1982 г. в Москве. — 60 лет образования Союза Советских Социалистических Республик. М.: Политиздат, 1983. С. 246—248.

В начале XIX в. история стала свидетелем того, как народ России сыграл великую роль в освобождении Европы от Наполеона⁶.

Уже в седую древность русская земля «сдерживала экспансию кочевых племен на Запад, а затем, в течение многих столетий, вставала великой стеной на пути разорительных нашествий воинственных орд, принимая на себя жестокие удары и спасая тем самым Западную Европу от пожаров и кровавых грабежей полчищ Чингизхана, Батыя и других завоевателей. Не раз приходилось русскому народу в кровавых битвах отражать военные вторжения и с Запада, избавлять народы Европы от гнета оккупантов»⁷.

На протяжении длительного исторического периода объединительный процесс народов и их судеб приобрел необратимый характер. Крупными историческими вехами были, несомненно, **довольное воссоединение** в 1654 г. Украины с Россией, вхождение в состав России Казани, начало присоединения Сибири, северных территорий Казахстана, Крыма, Закавказья, народы которых были спасены от порабощения и насильственной ассимиляции турецкими и иранскими захватчиками. Огромны также заслуги России и перед европейскими странами в деле защиты их национальной независимости, в частности, на Балканах, в обретении в 1878 г. Болгарией национальной независимости.

Однако ошибочным было бы исключать и агрессивное, завоевательное начало в становлении исторически единой многонациональной Российской империи, ее многочисленные захватнические экспедиции, нередко встречавшие достаточно сильный и длительный отпор там, где особенно явственно выступала агрессивная политика царизма.

Вместе с тем при внимательном рассмотрении сложного, противоречивого многовекового процесса образования многонационального государства российского в указанный период можно увидеть, что прогрессивное, объединительное начало выступает более отчетливо, чем агрессивное, завоевательное. В развитии России этот момент всегда присутствовал в исторической перспективе.

Этого нельзя сказать в отношении других великих государств, в частности, Великобритании, колониальные интересы которой в Азии столкнулись с российскими и привели в XIX в. к длительному соперничеству двух держав. Англо-афганские войны (1838—

---

⁶ Пламенным пафосом проникнуты неумирающие строки в поэме великого Байрона «Бронзовый век», адресованные героическому народу Испании. Великолпно по своей идейной глубине и поэтической силе обращение поэта к воспоминаниям о Москве, о могучем патриотическом подъеме русских в Отечественной войне 1812 г., опрокинувшем и разгромившем наполеоновскую армию. В пророческих строках поэмы он провозглашает пожар Москвы предвестником и символом грядущего революционного переворота, который освободит весь мир.— См.: Байрон. Избр. произведения. М., 1953. С. 209—215 (пер. с английского).

⁷ См. вступительную речь академика П. Н. Федосеева на торжественном заседании, посвященном 800-летию «Слова о полку Игореве» в Москве 26 сентября 1986 г.//Известия. 1986. 27 сентября.

1841, 1878—1880 гг.), участие Англии в Крымской кампании вместе с Францией в 1853—1856 гг. на стороне Турции против России, вся ближневосточная политика, интриги и позиция Лондона на Балканах, в Закавказье, Средней Азии — всюду явно присутствует и преобладает агрессивное, захватническое начало в политике Великобритании. Даже героическая смерть великого Байрона в период освободительной войны в Греции в 1824 г. не принесла лавров славы Великобритании, придерживавшейся тогда и позднее, в новейшее время в вопросе о Балканах (позиция Черчилля в конце второй мировой войны) особенно фарисейской империалистической политики.

Стаиовление английского народа как великой европейской нации (то же можно сказать о французской и немецкой нации) происходило на той же национальной почве, где не было объединительного начала вне рамок метрополии, слияния судеб других народов, остававшихся на положении только колониальных рабов, с судьбой народа Англии. Наоборот, британские колонии не только не пришли географически в соприкосновение с метрополией, но и между господствующей нацией и поработешенными народностями в системе британской империи сохранилось и укоренилось глубокое национальное отчуждение и неприязнь⁸. Это был результат расовой, дискриминационной политики Лондона, в результате чего даже «конституционное» включение Северной Ирландии в Англию образовало на теле последней до сих пор сохранившуюся кровотокающую рану.

Тысячелетний период истории Европы охватывает великие крестовые походы, нашествия шведских войск на чужие территории и др. Эпоха великого возрождения и географических открытий быстро сменилась длительным периодом жестоких колониальных войн и порабощения чужих стран и народов. Даже теперь, когда колониальные империи рухнули, осталась неокOLONиалистская политика западных держав, политика дискриминации и экономического порабощения.

В конце XIX — начале XX в. окончательно завершился уникальный процесс образования на огромных просторах двух материков — европейского и азиатского — географически, экономически и исторически единой многонациональной Российской империи. История поставила ее в уникальное, ни с одним великим государством не сравнимое положение. Были, правда, и другие многонациональные географически и исторически единые государства, такие как Индия и Китай. Но в отличие от многонациональной России Индия была колонией Великобритании, а полуфеодальный Китай был объят великим крестьянским восстанием тайпинов. Этим воспользовались европейские империалистические хищники и Россия и разделили эту великую страну на сферы влияния, навязав ей кабальные договоры.

⁸ Неру Д. ж. Открытие Индии. М., 1955. С. 322.

Мир многообразен, но един и взаимосвязан в своем историческом развитии. Это особенно рельефно проявилось на российском государстве, превратившемся в многонациональную державу, граничившую в XIX в. со многими государствами Европы и Азии, среди которых был и великий Китай, а колониальная Индия также занимала положение почти соседнего государства после памирского разграничения 1895 г., вплотную приблизившегося к рубежам России.

В. И. Ленин, определив три главнейших этапа в истории освободительного движения в России, дал основу для исследования общественного процесса в его единстве и многообразии, сформировал представление о преемственности революционных, освободительных идей.

Важная особенность третьего, пролетарского периода освободительного движения в России состоит в том, что возглавлявшая его резолюционная партия большевиков во главе с В. И. Лениным, привела пролетариат России, крестьянство, угнетенные народы к Великой Октябрьской социалистической революции и началу строительства социализма.

В состав России во второй половине XIX в. вошел весь Среднеазиатский регион — Туркестан, Хива и Бухара. К местной феодальной эксплуатации трудящихся прибавилось беспощадное угнетение со стороны царизма. Нерусские национальности являлись объектом жесточайшей эксплуатации, и нигде в мире, замечал Ленин, «нет такого угнетения большинства населения страны, как в России»⁹.

Россия как многонациональное государство отличалась от других великих держав их колониальными владениями тем, что здесь, в метрополии, эксплуатируемое большинство, исповадовавшее одну религию с русскими, представляло собой разнорасовую, разноплеменную социальную ткань. В составе многонационального государства, помимо народностей из национальных окраин, проживали также миллионы немцев, поляков, корейцев, курдов и представителей других наций, для которых Россия после Октября также стала их родиной¹⁰.

В этих условиях национально-освободительные движения на окраинах становятся составной частью революционного процесса, охватившего всю страну. Бурный революционный процесс, объединив в своем развитии все народы и народности Российской империи, приблизил страну к величайшей социальной и национальной развязке — социалистической революции, законы которой были открыты В. И. Лениным.

В этой связи следует отметить, что если взятие Бастилии в 1871 г. было делом рук французских революционеров с участием

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 318.

¹⁰ Совместное торжественное заседание Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР 21—22 декабря 1982 г. Стенографический отчет. С. 12.

одинок-интернационалистов из других стран, то и турм Зимнего в 1917 г. был результатом величайшего революционного порыва эксплуатируемого большинства всех наций и народностей многонационального российского государства.

К началу XX в. царская Россия превратилась одно из крупнейших государств мира. Территориальные владения ее после 1894 г., когда в общегосударственную таможенную линию были включены Бухара и Хива, вся Средняя Азия, постирались на два материка и равнялись 22,8 млн. кв. км — 17% всей земной поверхности. По данным переписи населения 1897г., в пределах России проживало 125,6 млн. человек¹¹. По своим территориальным владениям она стала вторым государством мире, уступив первое место лишь Великобритании, а по количеству населения Россия занимала третье место после Китая и Великобритании. Однако Россия не была похожа ни на одну из крупнейших колониальных держав. Уступая по своим территориальным владениям и количеству населения Великобритании, она обладала тем преимуществом, что ее территория представляла собой сплошной массив¹², в то время как английские владения были разросаны по всем материкам. Территориальные владения других колониальных держав — Франции, Португалии и т. д. — также не особенно отличались от британских, не составляя единое целое с территорией метрополии.

Другое преимущество царской России состояло в том, что число жителей в метрополии (т. е. в Центральной России. — Г. А.) превышало в 4 раза количество жителей национальных территорий, т. е. на присоединенных окраинах.

Однако следует иметь в виду, что у Англии площадь метрополии была в 100 раз меньше площади колоний, а жителей в колониях было в 9 раз больше, чем в метрополии. У Франции площадь колоний была в 21 раз больше площади метрополии, а количество жителей в метрополии было в 1,5 раза меньше, чем в колониях. В России же площадь метрополии была в 3 раза меньше площади ее колониальных владений, точнее приращений, но число жителей в метрополии превышало почти в 4 раза количество жителей на национальных окраинах¹³.

В. И. Ленин не случайно обратил внимание на эти особенности и преимущества царской России как крупнейшей колониальной державы в отличие от других колониальных стран мира, в частности, от Великобритании и Франции.

Длительный процесс превращения царской России в одно из крупнейших многонациональных государств мира завершился в конце XIX — начале XX в., когда европейские страны были охвачены очередным, по необычным кризисом, который потряс все капиталистические страны, все отрасли народного хозяйства.

¹¹ История СССР. Ч. II. М., 1978. С. 208.

¹² Там же.

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 377—378.

Это был кризис, связанный с вступлением всех капиталистических стран в новый период развития капитализма — период империализма. В. И. Ленин, впервые научно обосновавший и вскрывший все закономерности этой новой, капиталистической фазы развития, со всей определенностью писал: «Для Европы можно установить довольно точно время *окончательной* смены старого капитализма новым: это именно — начало XX века»¹⁴.

Маркс в своем классическом труде «Капитал» показал анатомию всего капиталистического процесса производства на его промышленной стадии развития, а В. И. Ленин глубоко раскрыл анатомию нового этапа капитализма в его империалистической фазе. Характеризуя сущность империализма, В. И. Ленин в своем гениальном труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» писал: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»¹⁵.

В России, писал В. И. Ленин, развитие капитализма после реформы 1861 г. шло «с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»¹⁶.

Россия приняла самое активное участие в разделе всей территории земного шара между капиталистическими странами и стала одной из крупнейших колониальных держав мира. Но в отличие от других колониальных держав мира Россия почти не посылала в этот период для захвата колоний свои войска на другие континенты, в другие страны. Превращение России в крупнейшую колониальную державу происходило путем расширения территорий или как бы разрастания из себя за счет государств, которые стали составлять с Россией единую экономическую и социальную структуру.

Весь процесс присоединения Средней Азии к России исторически занял очень короткий промежуток времени — с 1865 по 1895 год, то есть всего три десятилетия, и среднеазиатские народы в связи с отсутствием границ, отделявших метрополию от окраин, оказались подданными одной державы. Завершение присоединения Средней Азии к России совпало с бурным промышленным развитием метрополии в конце XIX в., однако, несмотря на это, Россия в экономическом и техническом развитии значительно отставала от передовых капиталистических стран — Англии, США, Германии и Франции. Особенностью российской экономики было то, что промышленные предприятия, банки и государственный аппарат пользовались в больших размерах иностран-

¹⁴ Там же. С. 315.

¹⁵ Там же. С. 387.

¹⁶ Там же. Т. 20. С. 174.

ными капиталами, ввозимыми в страну. Русский империализм сочетал в себе новейшие формы капиталистического развития — господство монополий и банков — с большой зависимостью страны от ввоза иностранного капитала, а также с сохранением царизма и дворянского землевладения как важнейших факторов в экономической и политической жизни страны.

Наличие же в России огромных присоединенных владений служило для господствующих классов — помещиков и буржуазии — своеобразной отдушиной для предотвращения их столкновения. Однако царизм и помещики, предоставляя национальные окраины для эксплуатации капиталистам, лишь временно снимали внутренние противоречия, создавая условия для развития капитализма «вширь» вместо его проникновения «вглубь». Вместе с тем империализм усиливал контрасты различных областей России: «Петербургско-Московский и Польско-Балтийский промышленные районы резко отличались от районов Средней Азии, Казахстана, Кавказа и Сибири, где промышленные предприятия были вкраплены мелкими оазисами, а на огромных пространствах национальных окраин сохранялись отсталые формы хозяйства, представлявшие собою удобную арену для местного колониального угнетения, а также широкую сырьевую базу и рынки сбыта товаров для промышленников-банкиров.

Расширяя базу капиталистических отношений в России, втягивая новые территории в орбиту капитализма, господствующие классы страны углубляли противоречия и неизбежно обостряли классовую борьбу. Трудящиеся массы страны испытывали на себе все ужасы гнета царизма, помещиков и капиталистов. К этому гнету прибавлялось невиданное ограбление российских трудящихся иностранными империалистами. Объединенный фронт русских и иноземных угнетателей неизбежно толкал народы России на сплоченную борьбу. В стране уже в начале XX в. стали бурно сливаться в один общий поток наступательная борьба рабочих против царизма и буржуазии, крестьянское движение против помещичьего землевладения и освободительная борьба угнетенных народов за свои политические права. Экономическое и политическое развитие превращало царскую Россию в узловой пункт противоречий, в слабое звено в цепи всей системы империализма. Вступление России в период империализма, таким образом, усилило все противоречия и подвело страну к неизбежности революции.

Судьбы народов Средней Азии и Казахстана, оказавшихся в составе царской империи, слились с судьбами великого русского народа, русских трудящихся и других народов России. Не Россия черносотенная, Россия Романовых, Россия помещиков и капиталистов определяла судьбы, будущее народов Средней Азии, а другая, передовая демократическая Россия, Россия Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чернышевского, Добролюбова, революционная Россия русских большевиков и великого Ленина.

Эта была Россия, которая, по словам К. Маркса, давно стояла на пороге переворота, и в ней «все необходимые для этого элементы уже созрели». И, глубоко веря в революционные потенции России, основоположник научного коммунизма писал: «Революция начнется на этот раз на Востоке...»¹⁷

Присоединение среднеазиатских народов к России имело большое прогрессивное значение в социальном и экономическом плане. Некоторые очень тяжелые явления и уродливые формы феодального строя, существовавшие в Средней Азии, исчезли. Прекратились разорительные феодальные войны, было уничтожено рабовладение, усилился процесс разложения патриархально-родового быта у туркмен, каракалпаков. Русский капитализм проникал сюда ускоренными темпами. Товары русских фабрик хлынули на среднеазиатские рынки, быстро возрастал вывоз в Россию среднеазиатского сырья — хлопка, шелка, каракуля. Начавшаяся в конце 70-х годов строительство железных дорог, соединивших Среднюю Азию с Центральной Россией, содействовало их втягиванию в мировое товарное обращение.

Установление капиталистических отношений в хозяйственном укладе приводило к зарождению на железных дорогах, на капиталистических предприятиях Средней Азии первых групп пролетариата как из представителей русского населения, так и местных национальностей. Создание культурно-просветительных учреждений, русско-туземных школ способствовало формированию местной интеллигенции. Научные экспедиции из России, проводившие исследование края, положили начало открытию многих природных богатств — нефти, угля, цветных металлов. Экспедиции возглавляли выдающиеся русские ученые-путешественники: Семенов-Тянь-Шанский, Потанин, Пржевальский, геолог Мушкетов, зоолог Северцов, ботаник Леман и др.

В процессе тесного общения местного населения с русским усиливалось влияние прогрессивной культуры русского народа. Революционеры, высланные в 70-х годах в Среднюю Азию, содействовали распространению освободительных идей русской революционной демократии. Представители передовой мысли из числа местной интеллигенции отражали в своих произведениях это влияние. Среди них — казахский просветитель Абай Кунанбаев, особо стоит фигура Чокана Валиханова, узбекские поэты Муками и Фуркат. Прогрессивное влияние России Фуркат характеризовал словами: «Россия принесла земле счастливый век — науку теперь владеет человек»¹⁸.

Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России неоспоримо. Вместе с тем прогрессивный характер этого процесса проявлялся не только в пределах самих колониальных окраин, но и во вне, в отношении к сопредельным Туркестану

¹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 229—230.

¹⁸ Фуркат. Избр. Ташкент, 1980. С. 70.

странам: Афганистану, Ирану, Китаю, Индии. Во-первых, Афганистан и Иран благодаря тому, что стали граничить с Российской империей, избежали превращения в колонии Великобритании. Посягательства английских захватчиков в Западном Китае (Синьцзян) натолкнулись на упорное противодействие России. Народы Индии и других стран в своей борьбе против английского колониального господства искали пути, чтобы опереться на помощь и поддержку России.

Следует особо остановиться на Афганистане. Вторая англо-афганская война 1878—1880 гг. (период активной колонизации Туркестана Россией) была развязана английскими империалистами для подчинения и порабощения народов, населявших Среднюю Азию, превращения ее в источник сырья, рынок сбыта и сферу приложения капитала.

Один из теоретиков агрессивной политики английского империализма Г. Роулинсон на заседании Лондонского географического общества 9 ноября 1868 г. отмечал: «Нет, не будем более воздерживаться перед страхом столкновения с Россией и Индией. Если Россия имеет своих консулов и агентов для покровительства своей торговли в Коканде, Кашгаре и Кульдже, то поместим своих консулов в Ильче, Яркенде, Балхе — Герате и во всех пунктах, открывающих нашей торговле пути в Среднюю Азию»¹⁹.

Усиление проникновения английских захватчиков в Иране (особенно Хорасане), Афганистане, их участие в конфликте по Сеистанскому вопросу (1870—1872 гг.), возникшему между Ираном и Афганистаном не без участия английской агентуры, активизация подрывной деятельности в Средней Азии через Герат и, наконец, усилия английского правительства по созданию антирусского блока из мусульманских государств — Кашгара, Афганистана, Средней Азии, Ирана и Турции — все эти конкретные меры предприняла Великобритания для захвата Средней Азии и борьбы с Россией.

Иран, Афганистан и Кашгар, сопредельные с Туркестанским краем страны, открывали английским капиталистам торговые и военные пути, о которых мечтал Роулинсон.

Особое значение имела для англичан Гератская область Афганистана, окончательно присоединенная в 1862 г. Дост Мухаммадом к его владениям не без поддержки англичан.

Колониальная администрация Туркестана зорко следила за продвижением англичан в соседнем Афганистане. В «Туркестанском сборнике» за 1876 г. был помещен материал, где говорится о том, что Афганистан под влиянием Англии продолжает расширять свои владения в Средней Азии. «Меймене, доселе независимое и гордившееся тем, стало афганской провинцией. Кроме того, осенью 1876 г. было собрано до 10000 афганцев в Герате для похода против Мерва, который англичане давно уже желают

¹⁹ ЦГИА УзССР. ф. 11-с, оп. 1, д. 7, л. 39.

присоединить к Персии или Афганистану, лишь бы он не достался России²⁰.

Во второй англо-афганской войне английские стратеги придавали Герату огромное значение: он был тем пунктом, захват которого англо-индийские войска должны были осуществить в первую очередь.

Большой интерес в этом отношении представляют собой «Выдержки из переписки иностранных представителей», относящиеся к 1878 г.²¹

В письме Крэнбруку, статс-секретарю по делам Индии, датированному 9 сентября 1878 г., говорится об английской миссии в Афганистан во главе с Невилем Чемберленом, о целях и задачах миссии и данных ей инструкциях. Письмо было подписано Литтоном, Кларком, Стоксом, Томсоном, Стрэчи и Броуном. В этой переписке иностранных представителей заслуживают внимания замечания вице-короля Индии Литтона, которые относятся к английской политике на Среднем Востоке. Они раскрывают цели и задачи миссии Чемберлена, а также антирусскую направленность политики Англии в Афганистане, минимую русскую «угрозу» Индии.

В разделе «Успехи Англии и России на Востоке» Литтон пытается доказать, что Россия продвигается к Индии. Он старается обосновать наступательную политику Англии на Среднем Востоке. Об этом свидетельствуют его рассуждения по вопросу «О настоящем положении России и Англии и об английской границе»²².

«Вдоль существующей нашей границы,— пишет Литтон,— каждый проход, однако, находится в руках независимых племен, могущих быть и враждебными: мы решаемся оставаться постоянно в нашей настоящей границе, они же окончательно сделаются союзниками или даже подчиненными нашего великого соперника» (имеется в виду Россия.— Г. А.)²³.

Литтон подчеркивает, что англичане «просто наложили бы на себя руки, дав возможность России устроиться твердо, мирным путем в Кабуле и распространить свою власть до пределов наших границ и на проходы, ведущие в Индию. Они бы приобрели новый и почти неисчерпаемый источник военной силы в лице диких воинов, обитающих вокруг Кабула и Герата...

Россия приобрела бы чрезвычайно много для собственного престижа, никогда легко не добываемого во время войны, но имеющего магическую силу в борьбе на Востоке»²⁴. Этими мотивами

²⁰ Туркестанский сборник. Т. 10. 1876; см. также: Ахмеджанов Г. А. Гератский вопрос в XIX в. Ташкент, 1971. С. 82.

²¹ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, 445, д. 14.

²² ЦГВИА СССР, ВУА, 445, д. 4, ук. С. 7—129.

²³ Там же, п. 14; см. также: Соболев Л. Н. Страницы из истории восточного вопроса. Англо-афганская распря (очерк войны 1879—1880 г.). СПб., 1881. Т. II. Вып. IV. С. 995.

²⁴ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, 445, д. 14, ук. документ, п. 15; см. также: Соболев Л. Н. Указ. соч. С. 996.

вами Литтон и пытается обосновать агрессивную политику Англии, рассчитанную на захват Средней Азии.

Вице-король Индии Литтон, один из вдохновителей второй англо-афганской войны 1878—1880 гг., утверждает, что захват Герата даст возможность в сущности укоротить афгано-индийскую границу «вследствие того, что, владея Гератом,— наша — Западная граница между ним и морем никогда не подвергается серьезной опасности»²⁵, хотя на самом деле протяженность границы станет больше.

Далее Литтон даже разрабатывает планы изменения границ английской Индии, в соответствии с которыми «действительная линия (граница Великобритании.— Г. А.) должна идти от Гиндукуша вдоль Парапамиза на Герат и затем вдоль западной границы Афганистана и Белуджистана достигнуть Аравийского моря»²⁶. Это свидетельствует о том, что английские империалисты придавали Герату огромное значение для установления господства Великобритании на Среднем Востоке и в Средней Азии.

Чтобы не осталось сомнений, что перед началом второй англо-афганской войны английские правящие круги действительно разрабатывали планы захвата и подчинения Средней Азии, достаточно привести письмо британского премьер-министра Биконсфильда королеве Виктории от 22 июня 1877 г. В этом документе сказано: «Если Россия должна быть атакована в Азии, то войска должны быть отправлены в Персидский залив, и императрица Индии должна приказать своим армиям очистить Среднюю Азию от москвитов и загнать их в Каспий»²⁷.

В то же время английское правительство для осуществления своих захватнических замыслов в Средней Азии делало все, чтобы использовать султанскую Турцию и Иран в активной антирусской политике. В дипломатической войне с Россией в Афганистане, второй англо-афганской войне Великобритания добивалась осуществления цели: ликвидации русского господства в Туркестане и установления своего господства в Средней Азии и на Среднем Востоке. Все это подробно описано проф. Г. А. Хидоятовым в его монографии «Из истории англо-русских отношений в Средней Азии»²⁸.

Правящие круги Англии использовали все средства для подрыва позиций России на Среднем Востоке и в Средней Азии. Британские спецслужбы, разжигая вражду среднеазиатских народов к России и ведя панисламистскую пропаганду, направляя в Среднюю Азию своих турецких эмиссаров. Так, еще в январе 1869 г. русский посол в Турции Н. П. Игнатьев доносил, что бри-

²⁵ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, 445, д. 14, ук. документ, л. 79.

²⁶ Там же, л. 40.

²⁷ Monypenny W. F. and Bule G. Life of Benjamin Disraeli, early of Beaconsfield, v. VI. New-York, 1913, p. 155.

²⁸ Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии. Ташкент, 1969.

танское правительство направило в Бухару панисламиста Суави-эффенди, турецкого улема, участвовавшего в Лондоне в издании органа «Юной Турции». Ему назначено было, как писал Игнатъев, содержание по сто фунтов стерлингов в месяц. Он должен был организовать шпионаж и пропаганду в интересах Великобритании²⁹.

Реакционные доктрины панисламизма и пантюркизма широко использовались английскими империалистами³⁰.

При известии о хивинском походе 1873 г. турецкие газеты, подкупленные англичанами, развернули антирусскую пропаганду. Появились «трактаты», посвященные положению дел в Туркестане. В одном из них выражалось сожаление о том, что в скором времени, когда границы Туркестана соединятся с границами британских владений в Индии, мусульмане Востока будут отделены от мусульман Запада.

«Родина ученых и философов, изучением которых мы гордимся, занята русскими» — жаловался Суави-эффенди, намекая на то, что народы Туркестана, всей Средней Азии в результате присоединения к России забыли свою историю, своих великих предков. Так ли это? Нет! Народы Средней Азии не забыли своей истории. Несмотря на всю реакционность колониальной политики русской администрации в Туркестане, в Средней Азии формируется пролетариат. Русские востоковеды приступают к серьезному изучению истории духовной и материальной культуры Средней Азии. Такие выдающиеся ученые, как В. В. Бартольд, А. А. Семенов, внесшие крупный вклад в изучение духовного наследия среднеазиатских народов, продолжали свои исследования и в советское время. Благодаря им и усилиям их последователей — Крачковского, Якубовского, Бертельса, Толстова и других продолжателей демократических традиций дореволюционной русской культуры только в советское время стало возможным заново открыть имена древних ученых и мыслителей — Ибн Сины, Беруни, Фараби, ал Хорезми, приступить к исследованию их богатого наследия и сделать его достоянием всей современной цивилизации.

Россия с ее деспотическим режимом, где десятки миллионов собственных крестьян беспощадно и жестоко угнетались помещиками и царскими чиновниками, где сотни тысяч рабочих владели жалкое и нищенское существование в условиях бесправия и самодержавного гнета, становилась вдохновителем национального движения и опорой в борьбе за свободу азиатских народов³¹.

Русские власти проявляли большую осторожность в отношении с местным населением: были терпимы к его обычаям, традициям и религии. В мае 1873 г. войска России вошли в Хиву. В августе того же года между Кауфманом и ханом Мухаммедом Рахимом II

²⁹ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6810, л. 6.

³⁰ Там же.

³¹ Хидоятов Г. А. Указ. соч. С. 427.

в Гандемнианском саду в Хиве был подписан мирный договор, по которому хан, сохранив трон, признавал вассальную зависимость от России, отказывался от прямых внешнеполитических отношений с другими государствами и заключения с ними новых договоров без согласия России. И первым мероприятием российского правительства была ликвидация рабства и работорговли: было освобождено до 40 000 невольников! Рабы-иранцы не только обрели свободу, но и под контролем российской администрации были доставлены в Иран. Эти действия России получили широкий отклик за границей. Англия, враждебно следившая за продвижением русской армии, была вынуждена оценить этот акт как гуманный»³².

Ликвидация рабства и работорговли, установление регулярных торговых отношений с Россией, прекращение междоусобных войн, в дальнейшем запрещение торговли опиумом были прогрессивными факторами, способствовавшими поступательному развитию Туркестанского края. Все это делалось вопреки деспотическому духу и характеру самодержавия. Колониальная политика самодержавной России, в которой, по выражению В. И. Ленина, преобладал военный и феодальный империализм³³, не отличалась по своей сути от политики классических колониальных держав, таких как Англия, Франция, Португалия, Голландия, Испания, но предстать перед глазами угнетенных народов такой же бесчеловечной и жестокой, разрушительной не успела. Это объясняется тем, что господство самодержавия в Туркестане утвердилось сравнительно недавно и у него не было, как у Англии, за плечами периода почти столетнего господства в Индии. Так что царизм в Средней Азии, говоря словами К. Маркса, не успел проявить свою разрушительную силу как англичане в период господства в Индии³⁴. Не случайно Дж. Неру в своей книге «Открытие Индии» так характеризовал колониальную политику англичан в Индии: «Их родиной была другая страна, и между ними и рядовым индийцем лежала огромная непроходимая пропасть — различие традиций, взглядов, доходов и обычаев... Считалось, что английский правящий класс должен поддерживать свой престиж в Индии, чуждаясь индийцев, замыкаясь в своем кругу, сторонясь их, живя в собственном высшем мире. Существовало два мира — мир английских чиновников и мир миллионов индийцев,

---

³² ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6792, л. 6. Мнение англичан о Хивинском походе. Цит. по: Княпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. работа. С. 300. Из 40 тысяч невольников, получивших в Хиве освобождение, 10 тысяч было иранцев, которых русские снабдили средствами существования и отправили к Каспийскому морю, а затем перевезли на пароходах через него. — См.: Хидояттов Г. А. Британская экспансия в Средней Азии. Ташкент, 1981. С. 53.

³³ См./ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 313.

³⁴ См.: Пальм Датт. Индия сегодня, особенно часть II кн. «Британское господство в Индии». М., 1948. С. 81—204.

и между ними не было ничего общего за исключением взаимной ненависти друг к другу»³⁵.

От господства англичан в Индии не отличалась по жестокости и разрушительной силе завоевательная политика Португалии, Бельгии, Франции в их колониальных владениях. В самих Соединенных Штатах в течение десятилетий вырабатывалась чудовищная политика геноцида, расовой дискриминации — социального бесправия в отношении коренного населения — индейцев, негров, испаноязычной части населения.

К концу XIX в. «особенно тяжелым было положение негров, которые после гражданской войны не обрели ни экономического, ни политического равноправия. В большинстве случаев они превратились в жестоко эксплуатируемых арендаторов-издольщиков. Негры были опутаны долгами и привязаны к своему хозяину почти так же основательно, как в дни рабовладения: они оставались жертвами террора со стороны расистских организаций, подобных Ку-Клус-Клану, подвергались суду Линча, их убивали из-за угла.

Индийские племена, нещадно истреблявшиеся и вытеснявшиеся все дальше на Запад, после гражданской войны стали объектом новых преследований. Их насильственно переселяли в резервации, расположенные в горах и пустынях, а земли, еще недавно принадлежавшие индейцам, рассматривались как «свободные» и захватывались железнодорожными компаниями и земельными спекулянтами»³⁶.

Приводя слова Дж. Неру о характере английского колониального господства в Индии и заглядывая в природу американского империализма, доведшего политику национального угнетения до степени геноцида, мы отнюдь не стремимся в какой-то мере обелить политику царизма в Туркестане.

В этой связи следует напомнить высказывание В. И. Ленина из доклада на II Конгрессе Коминтерна 26 июля 1920 г. Ленин указывал, что «рядовой английский рабочий считал бы за измену помогать порабощенным народам в их восстаниях против английского владычества»³⁷. Ссылаясь при этом на свидетельство Квелч, делегата из Британской социалистической партии, В. И. Ленин далее констатировал: «Верно, что настроенная джингонистски и шовинистически рабочая аристократия Англии и Америки представляет собой величайшую опасность для социализма и сильнейшую опору II Интернационала, что здесь мы имеем дело с величайшей изменой со стороны вождей и рабочих, принадлежащих к этому буржуазному Интернационалу»³⁸.

Если придерживаться исторической правды, речь идет здесь

³⁵ Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955. С. 322. На отклики присоединения Средней Азии к России см.: Расул-заде П. Н. Из истории среднеазиатско-индийских связей... Ташкент, 1968. С. 30—65; Хидояттов Г. А. Британская экспансия в Средней Азии. Ташкент, 1981. С. 46—54.

³⁶ Новая история. М., 1984. С. 190.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 241—246.

³⁸ Там же. С. 246—247.

о вырождении определенной части рабочих Европы и Америки, зараженных психологией шовинизма и расового превосходства. Этого нельзя сказать о пролетариате России, который именно в период утверждения господства самодержавия в Туркестане возглавил борьбу всех трудящихся и угнетенных народов нашей страны за социальное освобождение, за счастливую жизнь, открыл новую страницу прошлого, которая служит настоящему и будущему, заслуживает всемерной пропаганды и распространения.

Совершенно противоположную картину представляло собой английское господство в Индии — классического образца колонии, всецело зависящей от метрополии. За все время английского колониального господства индийский народ не был и не мог быть в непосредственном общении с английским народом, с английским рабочим движением. В Индию отправлялись не представители трудящихся Англии, а лишь отпрыски господствующих классов, чтобы «владеть и править» сотнями миллионов безответных индусов, которых слепая судьба отдала в их безжалостные руки. «Они приезжали туда в качестве чиновников, банкиров, фабрикантов и купцов и, наживши миллионы и выслуживши княжеские пенсии, возвращаются на свою северную родину...»³⁹.

В результате политики, проводимой английскими колонизаторами, только в третьей четверти XIX в. (1851—1875 гг.) в Индии было шесть голодных лет, погибло 5 млн человек. С 1876 по 1900 г. в стране зафиксировано было 18 голодных лет, унесших 26 млн человек — в несколько раз больше, чем все население Средней Азии, когда она находилась под господством самодержавия. Конец XIX в. характеризуется непрерывными стихийными выступлениями индийского крестьянства, направленными против английских поработителей и местных феодалов, а в северо-западной Индии восстания афганских и пригиндукушских племен заставили англичан ввести специфический термин: «постоянная пограничная война»⁴⁰. Как бы предвидя все это, К. Маркс писал: «В Индии для британского правительства готовятся серьезные осложнения, если не всеобщее восстание... Среди населения зреет настоящий заговор против англичан, в котором участвуют совместно и индийцы, и мусульмане»⁴¹.

В этих условиях некоторые патристически настроенные политические круги Индии стремились найти поддержку со стороны России и установить контакт с русскими властями для укрепления своего политического положения и налаживания экономических связей с Россией через Туркестан. Индийцы невольно сравнивали свое безысходное положение в условиях господства Англии с положением соседнего населения Средней Азии, находящегося под властью Российской империи.

³⁹ Гиббянс Б. и Сатурин Д. История современной Индии. Спб., 1901. С. 205. Цит. по: Расул-заде П. Н. Из истории среднеазиатско-индийских связей... С. 40.

⁴⁰ Там же. С. 41.

⁴¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 113.

«Нам все твердят,— писал один индиец,— о тирании и деспотизме России; нас пугают жестокостью ее правительства... Да, может быть, администраторы жестоки и ее правительству не сравниться с «благодушным» правительством ее Величества императрицы Индии. Но когда мы читаем и слышим со всех сторон, что в России такой-то генерал — мусульманин, другой — армянин, и несмотря на это, командующий целой армией, между тем как у нас последний английский солдат лучше дезертирует, нежели согласится повиноваться и признать начальником туземца, будь последний хоть принц по крови, то сравнивая нашу горькую участь с судьбой и надеждами каждого верного России поверца иноплеменника, у нас невольно шевелится на уме вопрос: чем же это мы одни заслужили подобные унижения? Почему это только нас одних держат в черном теле? И в безусловном отчаянии, созная всю безвыходность нашего положения, нельзя нам подчас и не позавидовать положению нашего брата мусульманина в так называемой вами деспотической России»⁴².

Действительно, дело обстояло именно так. Ташкентский исследователь А. П. Савицкий в статье «Из истории присоединения Средней Азии к России» пишет, например, что бывшие сановники бухарского эмира Музаффар-хана Джура-бек и Баба-бек, перешедшие на службу в Туркестанское генерал-губернаторство, впоследствии получили пенсию от царского правительства и высокие чины — первый умер генерал-майором, а второй — полковником русской службы. У Джура-бека было богатое имение в Тойтубе пол Ташкенгом, а Баба-бек имел землю в Куйлюке и дома в Ташкенте⁴³.

Эту мысль подтверждает даже такой последовательный панисламист, как Саид Джамал эт-дин Афгани, побывавший в Средней Азии и центральных районах России в 80-х годах XIX в. Он указывает, что положение мусульман в России лучше, чем мусульман Индии⁴⁴.

Характерны в этом отношении письма представителей индийской интеллигенции, которые получили английское образование. В этих письмах, поступивших на имя русского генерального консула в Бомбее, открыто высказывалось недовольство английскими методами правления в Индии, выражались симпатии индийского народа к России, говорилось о том, что русские обязательно придут в Индию. «Трудно передать,— писали они,— с каким нетерпением весь Пенджаб ждет русских»⁴⁵.

⁴² От Парижа до пределов Индии. М., 1890. С. 321—322. Цит. по: Расулзаде П. Н. Из истории среднеазиатско-индийских связей. С. 42.

⁴³ ЦГА УзССР, ф. II-5, оп. I, д. 3-а, л. 4; д. 3927, л. 229, 229 об.—238 об.—См. подробно: Научные труды. Вып. 238. Материалы по истории Средней Азии и Узбекистана. Ташкент, 1964. С. 114—133. Садиков Хамдам Россия хизматидоги бекар. «Фан ва турмуш». 1988. № 11. 22—24б.

⁴⁴ Туркестон вилоятининг газети. 1985. 14 мая; 1887. 14 августа. 12 сентября.

⁴⁵ АВПР, ф. Среднеазиатский стол, 1903, № 922.

Характеризуя значение присоединения Средней Азии к России и его влияние на политическую обстановку на Среднем Востоке и в Индии, Ф. Энгельс писал: «Пока английское владычество в Индии не имело вероятных соперников, до тех пор даже восстание 1857 г. и его жестокое подавление можно было рассматривать как события, укрепляющие в конечном счете владычество англичан. Но когда в Туркестане утверждается первоклассная европейская военная держава, превращающая силой и путем уговоров в своих вассалов Персию и Афганистан и продвигающаяся медленно, но неуклонно к Гиндукушу и Солимановым горам,— тут уж дело принимает совсем другой оборот. Английское владычество перестает быть для Индии чем-то вроде неумолимого рока, перед местным населением открывается другая перспектива: то, что силой было создано, силой же может быть и разрушено»⁴⁶.

Вера в то, «что силой было создано, силой же может быть и разрушено», была особенно широко распространена в Северной Индии и до некоторой степени и в других областях Индии, проникая даже в соседние с Индией страны, в частности в Бирму⁴⁷. Об этом говорят бесчисленные делегации и посланники, которые прибывали в Ташкент и Самарканд из различных областей Индии, Непала с просьбой помочь в борьбе против английских империалистов⁴⁸.

Россия в глазах народов Индии и других стран Востока рисовалась той силой, которая должна была избавить их от ненавистного английского господства. И это не случайно. Ключ к пониманию этого явления находим в известных словах Ф. Энгельса в одном из его писем к Марксу: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии»⁴⁹.

Мы затронули внешние аспекты прогрессивных последствий присоединения Средней Азии к России и образования русско-колониальной администрации в Туркестане. Таким образом, завоевание Россией Средней Азии сыграло важную роль и в дальнейших судьбах других народов Азии, и особенно сопредельных с Русским Туркестаном стран Среднего Востока.

Рассматривая прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России, следует иметь в виду его две стороны: фактор времени и пространственный фактор. Что такое фактор времени? Это то, что завоевание царизмом Средней Азии, образование русской администрации и колонизация Туркестана, определение границ с сопредельными странами — Ираном и Афганистаном заняли

⁴⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 45.

⁴⁷ См.: Хидояттов Г. А. Указ. соч. С. 426.

⁴⁸ См.: Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965. С. 223; 278—279; Расулзаде П. Н. Из истории среднеазиатско-индийских связей. Ташкент, 1968. С. 49—65.

⁴⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27. Изд. II. С. 241.

по времени лишь 30—35 лет, т. е. период с 1865 по 1895 г., а остальное время до Октябрьской революции 1917 г. приходится как бы на экономическое «мирное» освоение и утверждение социального господства военно-феодалного империализма. Политика русского правительства в присоединенных к России областях, как отмечает Н. С. Княпина, носила сложный, иногда противоречивый характер. Царские чиновники, мало считаясь с нуждами населения, вводили порядки, соответствовавшие прежде всего интересам правящего класса России. В то же время для сохранения и укрепления своей власти они искали поддержки у местной знати, использовали социальные и национальные противоречия народов Средней Азии. При всей тяжести законов, установленных самодержавием в Средней Азии, ее присоединение к России имело прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития края. Ликвидация рабства и работорговли, установление общего с Россией судопроизводства и управления способствовали централизации Средней Азии, прекращению тяжелых междоусобных войн; создавались условия для развития местной промышленности и торговли.

Признание прогрессивности капитализма, как отмечал В. И. Ленин, «вполне совместимо с признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически переходящий характер этого экономического режима»⁵⁰. Социальная неоднородность, свойственная капитализму, и общность интересов трудящихся всех национальностей Российской империи способствовали их единению в борьбе с самодержавием.

Что такое пространственный фактор? Это то, что отсутствие границ, отделявших метрополию от окраин, хотя и являлось понятием географическим, имело значение важного политического фактора. Метрополия и колониальные окраины не разобщенные, а соединенные территориально друг с другом, образовали единое государство — Российскую империю. В результате процессы, происходившие в Центре и на окраинах, имели непосредственную в отличие, например, от английских владений в Индии, связь⁵¹.

Мы уже приводили слова Неру о том, что в Индии дело об-

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 597.

⁵¹ На пространственный фактор присоединения Средней Азии к России еще в 1953 г. на страницах журнала «Вопросы истории» (№ 8) обратили внимание ученые из Таджикистана И. С. Брагинский, С. Раджабов, В. А. Ромодина в статье «К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России». Авторы статьи, отмечая давность экономических и политических связей между Средней Азией и Россией, обоснованно подчеркивают значение присоединения территории как существенного условия для непосредственного сближения народа с народом, на основе чего судьбы присоединенных народов сплелись с судьбами русского народа», а также значение развития революционного движения в России в конце XIX в., в результате которого трудящиеся массы Средней Азии обрели союзника и руководителя в борьбе против эксплуататоров в лице русского пролетариата. — См.: Вопросы истории. 1953. № 8. С. 21—40.

стояло совсем по-другому, там существовало два мира — мир английских чиновников и мир миллионов индийцев, и между ними не было ничего общего за исключением взаимной ненависти. На самом деле английское господство в Индии подорвало саму основу общества — системы сельских общин. Именно разрушение ткачества, упадок сельского хозяйства, уничтожение сельских общин принесло индийским трудящимся невероятные лишения, нищету, голод и эпидемии. К. Маркс писал: «Страницы истории господства англичан в Индии едва ли говорят о чем-либо, кроме разрушения; их созидательная работа едва заметна за грудой развалин»⁵².

Присоединение же Средней Азии к России, будучи также по характеру колониальным, империалистическим, тем не менее по своим результатам имело прогрессивные последствия. В этом сказался в немалой степени как экономический, так и пространственный, географический фактор. Именно эту особенность следует иметь в виду в связи с указанием В. И. Ленина о том, что «кроме царизма и под его крылышком возникла и окрепла уже другая историческая сила, великорусский капитализм, который делает прогрессивную работу, централизуя экономически и сплачивая громадные области...»⁵³.

Ни одна другая колониальная держава не могла играть такую роль по отношению к своим колониям, ибо там метрополии и экономически, и географически были разобщены сотнями, тысячами километров друг от друга. К тому же с присоединением Средней Азии к России был положен конец планам ее закабаления английскими и другими империалистами. Л. А. Климович отмечал: «Для России Средняя Азия, как и другие области Востока, никогда не была чем-то далеким, «заморским». Русские люди издавна находились в деятельном общении с народами нашего Востока. Поэтому изучение народов Востока и их культуры всегда было для передовых русских людей делом близким, общественно значимым»⁵⁴.

В силу этого экономическое и культурное развитие Средней Азии протекало не по классической схеме колоний европейских держав, прежде всего Великобритании. Здесь, в Туркестане, во всей Средней Азии созидательная роль России проявлялась во всех сферах жизни с первых же лет их присоединения.

Туркестанский край, Хива и Бухара втягивались в рыночные связи и товарно-денежные отношения, развивались экономика и культура, усиливались общение и взаимное влияние местных и российских народов. С 90-х годов XIX в. существенно изменилось отношение русской буржуазии к среднеазиатской окраине, где прекрасно сочетались рынки сбыта и источники сырья. Экономиче-

⁵² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 225.

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 109.

⁵⁴ Из выступления Л. И. Климович на расширенном заседании отделения гуманитарных наук Академии наук Узбекской ССР, состоявшемся в Ташкенте 21—27 апреля 1949 г. О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана. Ташкент: Изд-во АН УзССР. 1951. С. 156.

ческая эксплуатация края носит интенсивный характер. Здесь была создана промышленность по первичной обработке сырья. хлопководство стало важнейшей отраслью экономики, железная дорога связала Среднюю Азию с центральными промышленными районами, втянув ее во всероссийский рынок, а через него и в мировую. Российский капитализм углублял социальную неоднородность населения, способствовал поляризации общества, складыванию национальной буржуазии и пролетариата. Под воздействием идей русских революционеров народы Средней Азии пробуждались к политической борьбе, на окраинах России создавались социал-демократические кружки и организации.

Весь этот процесс происходил в конце XIX — начале XX в., и вопрос о дальнейшей судьбе трудящегося народа Туркестана, всей Средней Азии, как и других национальных окраин России, стал первоочередным, приобрел острую политическую окраску. В России, как и во всем мире, в отношениях между государствами и народами происходили важные, часто очень существенные перемены, обострились классовые противоречия, усилилась борьба между прогрессивными и реакционными силами. Империалистические державы, в том числе Россия, стремились к захвату новых земель, к переделу мира. По выражению В. И. Ленина, в этот период «особенно обостряется также национальный гнет и стремление к аннексиям»⁵⁵. Как внутри отдельных государств, так и на международной арене назревали события, от исхода которых зависело не только настоящее, но и будущее ряда народов, в том числе среднеазиатских. В эту пору для них стала актуальной альтернатива: с кем быть, на какую страну ориентироваться?

Сама история ответила на эти вопросы однозначно: быть с Россией, с русским народом. Так, на рубеже XIX—XX вв. судьбы присоединенных народов сплелись с судьбами русского народа.

С присоединением к России трудящиеся Средней Азии, руководимые российским пролетариатом, включились в общее революционное движение, направленное против царизма и приведшее в итоге к победе Великой Октябрьской социалистической революции. Огромное международное значение присоединения Средней Азии к России состоит в том, что вопреки реакционным целям и методам царизма, «присоединение народов к России, объединение их сил с силами русского народа в борьбе против национального и социального гнета подготовило общий фронт всероссийского революционного движения во главе с пролетариатом и его ленинской партией, привело в конце-концов к освобождению всех народов бывшей царской империи и к созданию невиданного в истории социалистического содружества национальностей, населяющих нашу страну»⁵⁶.

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 419.

⁵⁶ Пономарев Б. Н. Историческую науку и образование — на уровень задач коммунистического строительства // Коммунист. 1943. № 1. С. 21—22.

Глава II

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

В дореволюционный период историческая наука развивалась замедленными темпами, правящие круги сознательно сдерживали этот процесс. В большинстве исторических исследований того времени колонизаторское мировоззрение пропагандировалось исключительно выходцами из центральных районов России, так как местные научные кадры практически отсутствовали. Присоединение среднеазиатских территорий изображалось как колониальное благо для русского капитализма. Поощрялись только те географические, геологические или экономические изыскания, которые могли помочь усилению эксплуатации Туркестанского края и вассальных ханств.

Опубликование правдивых историко-политических сочинений, касавшихся присоединения и его последствий, было невозможно из-за царской цензуры. К тому же судить о последствиях присоединения можно было лишь после того, как события, связанные с ним, отложились, профильтровались, и обозначились бы природа и диалектика их развития, т. е. необходим фактор времени. Поэтому в большинстве дореволюционных работ в основном преобладает значительный фактический материал. Многие из них были скорее публицистическими, нежели исследовательскими, в них нередко отражались великодержавные настроения. Некоторые авторы, непосредственные участники процесса присоединения, были намного компетентнее в военных вопросах, нежели в политических, поэтому тщательное изучение социально-экономической и культурной жизни, общественной мысли узбеков, казахов, таджиков и других народов Средней Азии зачастую подменялось этнографическими записками с немалой толикой экзотики.

Исследование проблемы присоединения и его последствий не имело разработанной теоретической базы, отсутствовала правильная методика сбора и обработки фактических данных, поэтому не удивительно, что подбор материалов и выводы дореволюционных исторических трудов нередко зависели от субъективных взглядов того или иного автора. Примером тому — капитальный трехтомный труд М. А. Терентьева, собравшего богатейшие данные с

целью убедить читателя, что царизм принес в Среднюю Азию «цивилизацию»¹.

Официальная историография второй половины XIX — начала XX в. не занималась историей Средней Азии и Казахстана в аспекте их присоединения к России. Конкретные положения таких исследований сводились к восхвалению колониальной политики царизма. При этом вместо показа социально-экономической стороны вопроса приводилась масса фактов из военной истории. Авторы таких работ, как правило, были военными². В вышедшей в начале XX в. работе Н. Г. Павлова «История Туркестана» также много места отводится разъяснению сущности политики России на Востоке³.

Примечательно, что авторы, которые жили в Средней Азии, обнаруживают в своих работах лучшее понимание культурной и общественной жизни местных народов.

Всякий историк, занимающийся вопросами присоединения, непременно обращается к общественно-политической мысли среднеазиатских народов конца прошлого и начала нашего столетий. Общественно-политическая мысль этого исторического периода отражалась полнее всего в литературе. О бедственном положении бесправных дехканских масс писали Ахмед Дониш, Фуркат, Мукими, Токтогул, Дурды Клыч и другие демократы-просветители и мыслители, чьи произведения пользовались заслуженной популярностью у среднеазиатских народов. Эти передовые люди того времени поняли объективно прогрессивное значение присоединения. Так, Фуркат указывал, что вхождение в состав Российской империи привело к ликвидации междоусобицы, к более интенсивному и взаимно полезному культурному обмену между Средней Азией и Россией⁴.

1917 — середина 30-х годов — начальный период в становлении и развитии советской исторической науки и накоплении историографического материала. В те годы шла напряженная борьба с дворянской буржуазно-либеральной исторической наукой, безраздельно господствовавшей в историографии в дореволюционный период и находившейся в первые годы после революции в состоянии ясно выраженного идейного кризиса. Ложные буржуазные социологические теории антимарксистского характера вызывали резкий отпор немногочисленного отряда историков-марксистов, требовавших марксистско-ленинских обобщений. Историческим

¹ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии Т. I—III. Спб., 1906.

² Кологривов Ю. Русские владения в Средней Азии. Для чтения. Сост. Кологривов Ю. Чтение первое: наши завоевания в Средней Азии. Чтение второе: об обитателях в городах Средней Азии. Спб., 1888; Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 г. Т. I—III. Спб., 1883; Он же. Хивинский поход 1873 г. Изд. 2. Спб., 1888; Желябужский Е. Очерки и завоевание Хивы. М., 1875.

³ Павлов Н. Г. История Туркестана в связи с историческим очерком сопредельных стран. Ташкент, 1911.

⁴ См.: Фуркат. Избранные произведения. Ташкент, 1958.

фронтом руководил тогда М. Н. Покровский. Будучи крупным историком-марксистом, он допускал теоретические ошибки в ряде важных научных вопросов, которые, естественно, отражались на общем развитии советской исторической науки. В центре внимания историков были актуальные проблемы внутренней политической и экономической жизни страны, развития международного рабочего движения, деятельность Коминтерна. Благодаря принятым партией и правительством мерам удалось в короткий исторический срок вырастить большую группу историков-марксистов, развернуть широкий фронт научных исследований⁵. В борьбе с буржуазной методологией исследования, кризис которой начался еще до Октябрьской революции, марксистская историческая наука стала занимать прочные позиции уже в пору своего становления.

Однако в условиях сложной идейно-политической и теоретической борьбы не могла в равной степени развернуться позитивная конкретно-исследовательская работа историков-марксистов по всем направлениям проблем, представлявших особую политическую значимость. Выявились и многие слабые стороны этой работы, неизбежные в тех условиях. Успехи в ряде областей исторических исследований сопровождались иной раз промахами и ошибками, иные работы несли на себе печать научной незрелости, вулгарного социологизма. Нередко причиной этого была слабая фактологическая база, поспешность в выводах и заключениях, отсутствие основательной методологической школы исследования. И все это приписывалось М. Н. Покровскому, который незаслуженно был объявлен главой антимарксистской школы в исторической науке и все его труды подверглись беспощадной критике как проявление вулгарного социологизма, экономического материализма и буржуазной историографии.

Похоже, что отдельные исследователи недавнего прошлого вместо овладения методологическими основами марксистской разработки исторических явлений пытались персонифицировать молодую советскую историографию, приписывая все негативные ее стороны таким выдающимся историкам, как М. Н. Покровский, В. В. Бартольд и др.⁶

В то же время следует признать, что препятствием на пути дальнейшего развития исторической науки в СССР в 20-х — первой половине 30-х годов были отдельные ошибочные взгляды М. Н. Покровского, которые воспринимались некоторыми его современниками-последователями как бесспорные марксистские положения. Среди работ М. Н. Покровского о политике царской России в XIX — начале XX в., не свободных от влияния мелкобуржуазной и западноевропейской историографии, можно ука-

⁵ См.: Хидояттов Г. А. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. Ташкент, 1978. С. 74—82.

⁶ Подробнее о В. В. Бартольде см. гл. V настоящей работы.

зять его книги «Дипломатия и войны царской России в XIX в.» и «Внешняя политика»⁷.

Исторические работы М. Н. Покровского, посвященные внешней политике царской России XIX в., как правильно отмечает Г. А. Хидоятов, явились попыткой противопоставить новую марксистскую историографию старой буржуазно-дворянской и дать сй новую, марксистскую направленность⁸. В то же время он создал не лишённую ошибок, внутренние противоречивую, содержащую немарксистские положения концепцию.

В работах Покровского, посвященных политике России в Средней Азии, был сделан акцент на разоблачение «зверств» царизма в этом крас, нарисована мрачная картина «беспощадных кровавых расправ с туземцами», «дикий эксплуатации населения», «погромов», виселиц, разброс, пожаров мирных селений, массового изгнания мирных жителей из кишлаков и т. д. Эти явления имели место. Вместе с тем он обошел вниманием марксистско-ленинское положение о прогрессивности вхождения нерусских народов в состав России. Увлеченность революционной идеей и негативное отношение к прошлому привели М. Н. Покровского к выводу о сугубо отрицательной роли буржуазно-дворянской историографии в оценке событий, связанных с процессом и результатами присоединения к России нерусских народов. Отсюда односторонность его оценок. Правильно определяя колонизаторскую сущность политики царизма, М. Н. Покровский не принимал во внимание социально-экономические факторы, поведение тех или иных классов и общественных групп.

Исходя из этого, казахские исследователи Б. С. Сулейманов и В. Я. Басин в своей работе «Казахстан в составе России»⁹ утверждают, что в 20-е и даже в предвоенные годы многие авторы все еще освещали проблему присоединения Казахстана и Средней Азии к России лишь в плане завоевания царизмом колоний, без учета последствий данного процесса. При этом авторы считают, что в 20-х годах нынешнего столетия присоединение Казахстана к России рассматривалось только как «абсолютное зло», в 30-х как «наименьшее зло» и лишь в 40-х годах утвердилось мнение о прогрессивности присоединения Казахстана к России¹⁰.

Как бы то ни было следует отметить, что под влиянием М. Н. Покровского историками-марксистами была создана большая часть работ, посвященных политике России в Средней Азии. Основной акцент в этих исторических исследованиях ставился на завоевание царизмом Средней Азии. Эта односторонность приводила к игнорированию всей сложности проблемы, уводила от изучения прогрессивных последствий вхождения Средней Азии и

⁷ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX в. М., 1924; Он же. Внешняя политика. Пг., 1915.

⁸ Хидоятов Г. А. Указ. соч. С. 76.

⁹ Сулейманов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России в XVIII — начале XX века. Алма-Ата, 1981. С. 248.

¹⁰ Там же. С. 12.

Казахстана в состав России и исследования совместной борьбы среднеазиатских и русских трудящихся масс против царизма.

Но уже тогда были замечены и слабые стороны работ М. Н. Покровского. Острая критика, которой уже в то время подвергались его концепции, была закономерным результатом прогрессивного развития марксистской исторической науки и более глубокого изучения произведений В. И. Ленина. Прав Г. А. Хидятов, когда отмечает, что в постановлениях партии и правительства о преподавании истории в 1934—1936 гг. даже не упоминались «ошибки Покровского», весь процесс отхода от ошибочных положений Покровского, критическое рассмотрение их было результатом роста исторической науки, ее бурного движения вперед.

Объективности ради следует указать, что при подходе к творческому наследию М. Н. Покровского и его роли в становлении советской марксистской исторической науки забывалось ленинское положение о том, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»¹¹. А ведь исторически сложилось так, что М. Н. Покровский одним из первых начал применять марксистскую методологию к исследовательскому освещению русского исторического процесса в целом, первым отозвался на ленинский призыв создать с позиций исторического материализма курс истории России и выполнил эту задачу. После Октябрьской революции Покровский принял активное участие в становлении и развитии советской исторической науки¹².

В первые два десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции проблема присоединения Средней Азии к России и его последствий разрабатывалась слабо, хотя время от времени публиковались интересные работы по отдельным вопросам темы. В 1927 г. в Ташкенте была издана работа С. П. Покровского, где рассматривались политические связи России и Бухарского эмирата¹³, социальная жизнь дореволюционного Туркестана отражалась в исследованиях А. А. Семенова, П. Галузо и В. Лаврентьева¹⁴. Значительно больше внимания уделялось изучению революционного движения как следствия приобщения местных трудящихся масс к пролетарскому движению в России. Следует рассматривать как значительное достижение советской

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 178.

¹² См.: Соколов О. Д. Покровский М. Н. и советская историческая наука. М., 1970. С. 276; Говорков А. А. М. Н. Покровский о предмете исторической науки. Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Томск. 1981.

¹³ Покровский С. П. Международные отношения России и Бухары в дореволюционное время и при Советской власти — до национального размежевания среднеазиатских республик. Ташкент, 1926.

¹⁴ Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства//Труды САГУ. Вып. 1. 1929; Галузо П. Г. Туркестан — колония. 2-е изд. Ташкент, 1935. Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане (буржуазная колонизация Средней Азии). Л., 1930.

исторической науки издание сборников «Революция в Средней Азии», а также две работы (С. Муравейского и Е. Федорова), посвященные революционному и национально-освободительному движению¹⁵.

Исследования, вышедшие в 20—30-х годах, как правило, были небольшими по объему, сказывалось отсутствие в должном количестве фактического материала. При осмысливании событий слабо учитывались социально-экономические предпосылки, содействовавшие присоединению, не давалось удовлетворительного объяснения тому важнейшему факту, что большое число среднеазиатских областей по инициативе населения вошло в состав России на добровольных началах. Огульно отрицались прогрессивные стороны присоединения, недостаточно четко излагалось международное положение в Средней Азии, осложненное соперничеством России и Англии. Заблуждения историков продолжали объяснять и позднее как следствие засилия так называемой «школы М. Н. Покровского», которая неверно считала расширение территории России за счет окраин «абсолютным злом»¹⁶.

В предвоенный период и даже в 1941 г. продолжали публиковаться методологически слабые работы о Средней Азии XIX — начала XX в. Так, тот же П. Г. Галузо, В. Лаврентьев, Н. Н. Яковлев, Е. Г. Федоров и другие показывали проблему присоединения народов Средней Азии и Казахстана к России односторонне, лишь в плане завоевания царизмом колоний без учета объективно-прогрессивных последствий данного явления¹⁷.

Если учесть, что присоединение Средней Азии к России тесно связано с проблемами внешней политики Российской империи и ее отношений с другими государствами, в том числе со странами Востока, то вплоть до второй мировой войны разрабатывались они значительно слабее, чем европейская и даже ближневосточная политика царизма. На эту слабую сторону советской историографии еще в 1939—1940 гг. справедливо указывал А. Л. Попов¹⁸, статьи которого «Борьба за среднеазиатский плацдарм» и «Из

¹⁵ Революция в Средней Азии. Сб. 1. Ташкент, 1928; Революция в Средней Азии. Сб. 2. Ташкент, 1929; Муравейский С. Очерки по истории революционного движения в Средней Азии (опыт краткого пособия для совпартшкол и школ политграмоты). Ташкент, 1926; Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925.

¹⁶ Раджабов С. Присоединение Средней Азии к России. Доклад.— Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1957. С. 7.

¹⁷ См.: Яковлев Н. Н. Народы Средней Азии в середине XIX в. Завоевание Средней Азии. М., 1940; Федоров Е. Г. Казахстан — колония царизма//Ученые записки. Алма-Ата. КазПИ, 1941.

¹⁸ В частности, он писал, что именно данная область истории царской России отличается значительным отставанием в деле мобилизации исторических источников и вместе с тем сугубым отставанием в деле разработок отдельных частных проблем. См.: Попов А. Л. Внешняя политика русского царизма в XIX веке в «кривом зеркале» М. Н. Покровского//Сб. «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского». Ч. II. М.—Л., 1940.

истории завоевания Средней Азии»¹⁹ следует считать первой глубокой научной разработкой среднеазиатской проблемы политики царизма на Востоке. Правда, еще до этих работ вопросы политики России и англо-русских отношений в Средней Азии в XIX в. затрагивались в специальных статьях Е. Н. Кушевой «Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX в.»²⁰, З. Д. Кастельской — «К истории англо-русского соперничества в Средней Азии (с первой половины XIX в. по 1907 г.)»²¹, но их отличает условность суждений, поверхностное изложение материала.

В предвоенный период по мере утверждения марксистско-ленинских методологических основ в советской исторической науке, публикации новых, ранее не известных источников шел процесс изучения оценок и суждений В. И. Ленина по вопросам истории народов Востока. Наметилось, как правильно отмечает П. У. Хамдамов²², несколько направлений в изучении источников, использованных Лениным. Историки брали на вооружение ленинские оценки работ по национально-колониальному вопросу²³. Было начато исследование материалов по Туркестану, опубликованных в социал-демократической печати²⁴. Предпринимались первые шаги по изучению некоторых подготовительных материалов с информацией о Средней Азии²⁵, однако не всегда они сопоставлялись с теми источниками, к которым обращался В. И. Ленин. Накапливался конкретно-исторический материал, изучались и усваивались высказывания Ленина по национально-колониальному вопросу. Приводимые материалы продолжали носить иллюстративный характер.

Но все же, руководствуясь решениями партий, в которых были заложены идейно-теоретические и методологические основы изучения ленинского наследия, советские историки использовали марксистскую методологию при анализе исторических явлений, основывались на ленинском подходе к отечественной и всемирной истории. Вопрос о непреходящем значении произведений

¹⁹ Исторические записки. 1940. № 7, 9.

²⁰ Исторический сборник. Вып. 3. Л., 1934.

²¹ На зарубежном Востоке. 1934. № 2.

²² Хамдамов П. У. Вопросы истории национально-освободительного движения в ленинском наследии. Ташкент: Узбекистан, 1980. С. 16.

²³ Федоров Е. 1905 год и коренное население Туркестана // Новый Восток. 1925. № 10/11. С. 40—41; Шарова Н. П. Переселенческая политика царизма в Средней Азии // Исторические записки. Т. 8. 1940. С. 20—30 и др.; Хамдамов П. У. Указ. соч. С. 15—16.

²⁴ Симонов Н. Ф. Большевицкая печать в Туркестане (1902—1907). Ташкент, 1940.

²⁵ Рябинский А. М. История колониального порабощения Бухарского ханства царской Россией // Труды Военно-политической ордена Ленина академии Красной Армии им. В. И. Ленина. Сб. 4. М., 1940; Он же. Царская Россия и Бухара в эпоху империализма // Историк-марксист. 1941. № 4; В ук. книге П. У. Хамдамова допущена опечатка: автором статьи «Царская Россия и Бухара в эпоху империализма» назван Н. Рябушинский, а не А. М. Рябинский; Бунаков Е. В. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. // Советское востоковедение. Т. II. М.—Л., 1941.

В. И. Ленина для подлинно научного решения проблем, связанных с анализом прошлого и перспективами социалистического строительства на Советском Востоке, революционного движения в странах Азии ставился в 20-х годах²⁶. Так, глубокое овладение ленинизмом обеспечивало научную разработку социально-экономической истории Средней Азии, истории пролетарского и национально-освободительного движения, особенностей национально-государственного строительства, коммунистического движения, социалистических преобразований на Советском Востоке.

Овладение ленинской методологией исследования и ленинскими оценками исторических явлений имело решающее значение для понимания характера и особенностей втягивания колоний в мировой капиталистический рынок, истории революционного движения. Особое внимание уделялось ленинским работам с оценкой политики самодержавия и буржуазии на окраинах.

В 1924 г. редакцией журнала «Проблемы истории докапиталистических формаций» (№ 2) был поставлен дискуссионный вопрос об азиатском способе производства и общественно-экономических формациях. При этом особо подчеркивалось значение трудов Ленина для осмысления специфики исторического развития народов Советского и Зарубежного Востока. Попытка дать некоторую сводку многочисленных замечаний Ленина, касающихся истории народов Востока, была предпринята А. Н. Бернштамом²⁷. Его статья, в которой рассматривалось понимание прошлого народов Востока, способствовала овладению этим наследием и прежде всего ленинской методологией и методикой исследования. Автор сосредоточивает внимание на высказываниях В. И. Ленина, рассматривая их в двух аспектах: как Ленин оценивает социально-экономическое положение восточной окраины при царизме и как он ставит вопрос о национально-освободительном движении в связи с общим развитием революционного движения в России.

Изучение и использование советскими историками трудов В. И. Ленина, в которых дан глубокий анализ истории многонациональной России, раскрыты закономерности победы социалистической революции в центре и на окраинах, определены пути перехода к социализму ранее отсталых народов, обоснована историческая необходимость и раскрыто историческое значение образования многонационального Советского государства, впервые в истории приступившего к решению национального вопроса, имело исключительно важное значение, позволяло советским историкам уже в довоенные годы правильно понять и осмыслить отдельные

²⁶ Павлович М. Ленин и народы Востока; Он же. Революция 1905 г. и Восток//Историк-марксист. Т. 1. 1926; Нариманов Н. Ленин и Восток. Ташкент, 1926; А. Ходоров. Ленин и национальный вопрос//Новый Восток. 1924. № 9; Статистический ежегодник. 1917—1923 гг. Ташкент, 1924; Хамдамов П. У. Указ. соч. С. 10—15.

²⁷ Бернштам А. Н. Ленин и история народов Советского Востока//Проблемы истории докапиталистических формаций. 1934. № 2.

моменты прогрессивных последствий присоединения национальных окраин к России. Были сделаны первые шаги к правильному пониманию целей и мотивов продвижения и установления господства царизма в Туркестане, Хиве и Бухаре во второй половине XIX в.

Позитивную роль в формировании нового отряда историков-марксистов сыграли такие журналы как «Историк-марксист», «Новый Восток», «Пролетарская революция», «На зарубежном Востоке», «Исторические записки» и др., выступления на их страницах со специальными статьями исследователей-ленинцев Н. Нариманова, М. Павлович и др.²⁸ Появились первые обобщающие работы о Туркестане местных авторов²⁹, правда, некоторые из них (например, Г. Сафаров) обнаружили глубокое непонимание национальной политики КПСС, доходя до фальсификации ее истории³⁰.

Кроме того, разработка такого сложного материала предполагала наличие большого квалифицированного отряда историков, в том числе из представителей местных национальностей. Задача воспитания нового поколения советских историков была тем насущнее, чем дольше сохранялись классовые противоречия в Средней Азии по сравнению с остальными районами страны, что проявлялось в области идеологии. В устном народном творчестве, наряду с прогрессивно настроенными акынами, встречались люди, разжигавшие антирусские настроения и извращавшие сущность и последствия присоединения Средней Азии к России³¹. Некоторые востоковеды старшего поколения, например, В. В. Бартольд, до конца жизни так и не восприняли марксистско-ленинских принципов понимания исторического развития. Недостаточное овладение методологией исторического материализма привело к усилению догматических тенденций в исторической науке, к игнорированию диалектичности общественного развития.

На рубеже сороковых годов число научных публикаций об экономической, политической и социальной жизни Средней Азии в конце прошлого — начале нашего столетия увеличивается³².

²⁸ См.: Историк-марксист. 1926. Т. 1; 1929. Т. 14; 1934. Т. 3; Новый Восток. 1924. № 9. 1941. Т. 4; Пролетарская революция. 1928. № 5; Исторические записки. 1940. Т. 7—9.

²⁹ Резцов Л. Октябрь в Туркестане. Ташкент, 1927; Божко Ф. Октябрьская революция в Средней Азии. Ташкент, 1932, и др.

³⁰ Волков Ю. Е. Фальсификация истории национальной политики КПСС в работах Г. Сафарова//Ученые записки 1-го Московского педагогического института иностранных языков. Т. 48. М., 1968; Зевелев А. И. Историография Советского Туркестана. Ташкент, 1968 и др.

³¹ Шерстобитов В. П., Орозалиев К. К., Винник Д. Ф. Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане (1918—1960). Фрунзе, 1961. С. 30—31.

³² Рябинский А. М. Царская Россия и Бухара в эпоху империализма// Историк-марксист. 1941. № 4. С. 3—25; Он же. История колониального порабощения Бухарского ханства царской Россией//Труды Военно-политической академии. Сб. 1940. № 4. С. 175—221; Федорова Е. Г. К истории Казахста-

К сожалению, и в них не были изжиты до конца отдельные недостатки прошлых лет. Даже в такой серьезной книге, как монография К. Житова и В. Непомнина «От колониального рабства к социализму», где на основе обширного фактического материала обобщался путь узбекского народа с момента присоединения до победы социализма, ряд утверждений трудно признать правильными. События второй половины XIX в. излагались таким образом, что создавалось впечатление, будто все население Средней Азии оказывало ожесточенное сопротивление русским войскам. Между тем присоединение происходило в различных районах дифференцированно: имелись случаи вооруженного сопротивления, значительная часть населения относилась к российскому подданству двойственно, наконец, зачастую местное население добровольно принимало присягу русскому правительству.

В книге высказывалось мнение, что единственная цель, которую преследовала русская буржуазия в Средней Азии — превратить этот климатически благоприятный район империи в территорию с монокультурой хлопчатника, тогда как капиталисты стремились выкачивать из Средней Азии и другие виды сырья, например, были крайне заинтересованы в добыче полезных ископаемых и организовали добычу угля, меди, соли и железа.

Несмотря на частные недостатки, исследование К. Житова и В. Непомнина сыграло важную роль в изучении разнообразных экономических и политических последствий и послужило стимулом для дальнейших изысканий советских историков. Следует отметить, что впоследствии авторы отошли от ошибочных концепций.

Умаление позитивного значения присоединения Средней Азии к Российскому государству, которое было свойственно историческим трудам тридцатых годов, объясняется тем, что исследователи «во взаимоотношениях народов, населяющих Россию...», видели главным образом то, что разъединяло их, и всячески умаляли факты, свидетельствующие об исторической близости и общности этих народов. Такая оценка этого важнейшего исторического акта вытекала из того, что некоторые авторы отождествляли царизм с русским народом, не понимали разницы между царской Россией и Россией революционной. За политикой русского царизма они не видели другой стороны явлений — борьбы народных масс России, и прежде всего, русского рабочего класса против гнета, в том числе национального и колониального. Эти авторы не признавали того, что присоединение Туркестана к России объективно привело к появлению у народов Туркестана могучего союзника

на конца 19 и начала 20 в.//Большевик Казахстана. 1939. № 11.; Житов К., Непомнин В. От колониального рабства к социализму. Ташкент, 1939; Фиолетов И. Бухарское и Хивинское ханства и отношения их с Россией. Исторический журнал. 1941. № 3. С. 68—79; Шарова П. Н. Переселенческая политика царизма в Средней Азии//Историк-марксист. 1940. № 6; Попов А. И. Из истории завоевания Средней Азии//Исторические записки. Т. 9. 1940; Он же. Борьба за среднеазиатский плацдарм//Исторические записки. 1940. № 7; Симонов Н. Ф. Большевицкая печать в Туркестане. Ташкент, 1940.

и друга в лице русского рабочего класса, возглавившего борьбу всех народов России за социальное и национальное освобождение³³.

Критика недочетов разработки проблемы не означает при-
нижения в целом успешного осуществления исторических иссле-
дований в предвоенный период. Современный читатель, интересую-
щийся историей Средней Азии конца XIX — начала XX столетия,
обнаружит в изданиях тех лет множество фактов, касающихся
революционного движения и процесса формирования капитали-
стических отношений в Средней Азии. К середине тридцатых го-
дов марксистско-ленинское мировоззрение заняло господствующее
положение в советской исторической науке, историки строго соб-
людали принцип партийности.

Как уже было показано, критика устаревших и ошибочных
положений в трудах М. Н. Покровского и других советских ис-
ториков велась в 20 — начале 30-х годов. Советская историо-
графия свидетельствует и о том, что в период распространения
культа личности Сталина критике ошибок и слабых сторон трудов
М. Н. Покровского и других ученых был придан односторонний,
негативный характер. Критика ошибок и недостатков трудов
М. Н. Покровского получила характер шумной кампании, причем
некоторые исследователи, особенно публицисты, отошли при этом
от принципа историзма. В пылу полемики они иногда отступали
от исторической правды, приписывали Покровскому ошибочные
положения, выдвинутые другими историками, в то же время за-
бывая о реальном вкладе этого выдающегося ученого-материа-
листа в советскую историческую науку. О том, как велась
критика трудов М. Н. Покровского, можно судить по сборнику
статей, вышедшему в двух частях в 1939—1940 гг., «Против ис-
торической концепции М. Н. Покровского» и «Против антимарк-
систской концепции М. Н. Покровского» (Ч. I. М.—Л., 1939; Ч. II.
М.—Л., 1940)³⁴.

К чести советской историографии следует отметить, что в те
далекие предвоенные годы происходил не только процесс пере-
осмысления и переоценки всех достижений исторической науки
предыдущих лет, но и становление новой, зрелой марксистской
науки.

Вместе с созданием исторических факультетов* в крупных
университетах и педагогических вузах страны, где было подготов-
лено новое поколение советских историков, постановления партии
и правительства о преподавании истории в 1934—1936 гг. сыгра-

³³ Аминов А. Прогрессивное значение присоединения Средней Азии
к России // Звезда Востока. 1955. № 10. С. 107.

³⁴ См.: Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая нау-
ка. М., 1970; Покровский М. Н. Избранные сочинения в четырех книгах.
М., 1966—1967 (вступительная статья в I т. С. 5—71. — Развитие исторических
взглядов М. Н. Покровского написана О. Д. Соколовым).

* Исторический факультет Ташкентского государственного университета
им. В. И. Ленина в 1985 г. отметил свое пятидесятилетие.

ли определяющую роль в новом подъеме исторических исследований в СССР.

Одна из первых попыток создания обобщающих работ по истории национальных республик Советского Востока была предпринята в 1935 г. казахским исследователем С. Д. Асфендияровым. В его работе³⁵ дана была правильная оценка характера восстания под руководством Кенесары Касымова. Затем в 1941 г. выходит книга М. П. Вяткина «Очерки по истории Казахской ССР»³⁶, сыгравшая положительную роль в дальнейшей разработке сводных исследований по истории Казахской ССР другими авторами.

В период Великой Отечественной войны, когда весь советский народ самоотверженно защищал Родину от фашистских захватчиков, разработка многих исторических проблем фактически не велась, в те трудные годы, естественно, преобладала патристическая тематика. Правда, в 1943 г. удалось издать первый обобщающий труд «История Казахской ССР» под редакцией М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой, что следует признать большим достижением, но, к сожалению, первое издание этой монографии содержало серьезные ошибки (в частности в оценке присоединения Средней Азии и Казахстана к России), которые были отмечены в постановлении ЦК КП(б) Казахстана от 14 августа 1945 г.

В послевоенные годы вновь были предприняты попытки исторического осмысливания важнейших событий в истории среднеазиатских народов, в частности, наблюдался повышенный интерес к проблеме присоединения Средней Азии к России. Среднеазиатские историки в содружестве с учеными центральных научных институтов в те годы приложили много усилий к изданию обобщающих многотомных исследований, где бы прослеживалось историческое развитие отдельных народов Средней Азии от возникновения цивилизации до наших дней.

Из-за недостаточного использования архивных материалов и в связи с усилившимся влиянием культа личности (схематичность, начетничество и т. д.) работы С. Д. Асфендиярова, М. П. Вяткина и др. не были лишены недостатков, в то же время именно тогда создавались предпосылки для интенсивной и плодотворной разработки с середины пятидесятых годов проблемы присоединения Средней Азии к России и его последствий.

В 1947 г. вышло в свет первое издание «Истории народов Узбекистана», во втором томе которого излагались события, связанные с присоединением и его последствиями. Как отметил академик С. Раджабов, «авторы этого труда не дали полноценного анализа социально-экономического и внешнеполитического положения Туркестана накануне его присоединения к России и не показали всех последствий присоединения»³⁷. На наш взгляд, многие неточности

³⁵ Асфендияров С. Д. История Казахстана (с древнейших времен). Т. 1. Алма-Ата, 1935. С. 145.

³⁶ Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. Л., 1941.

³⁷ Раджабов С. Присоединение Средней Азии к России. Доклад. Объе-

объяснялись отсутствием опыта в деле издания сложных и ответственных трудов подобного рода. Само по себе издание «Истории народов Узбекистана» было большим достижением историков Узбекистана и участвовавших в издании ученых братских республик.

В конце 40 — начале 50-х годов в периодической печати были опубликованы статьи Е. Б. Бекмаханова, Б. Д. Джемгерчинова, А. Турсунбаева, А. Хасанова и других среднеазиатских историков, которые поставили задачей определить не отдельные стороны, а всю проблему присоединения Средней Азии и Казахстана к России, что позволило определить методологию и направление исследований на перспективу³⁸.

В работах тех лет отсутствовала общая точка зрения относительно экономических, политических и культурных последствий присоединения среднеазиатских территорий. Большинство исследователей рассматривали капитализацию Средней Азии как прогрессивное следствие присоединения и явно недооценивали того первостепенного обстоятельства, что вхождение среднеазиатских народов прежде всего означало приобщение их к революционному движению российского пролетариата. Так, А. Г. Зимма и некоторые другие авторы видели «прежде всего военно-политическое значение» колонизации Туркестана, аргументируя это тем, что правительственные расходы превышали доходы с присоединенных районов³⁹. В данном случае упускались из виду два момента: царские власти сознательно шли на первоначальные затраты (например, сооружая ирригационные устройства), чтобы впоследствии окупить их сторицей, и надо сказать такая политика не была чем-то необычным в практике колониальных держав. Кроме того, буржуазия центральных районов обогащалась вне зависимости от дефицитности расходов туркестанской администрации, которые

динамичная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1959. С. 8.

³⁸ Бекмаханов Е. Б. О социально-экономических последствиях присоединения Казахстана к России//Большевик Казахстана. 1946. № 11—12; Он же. К истории взаимоотношений Казахстана со среднеазиатскими ханствами//Большевик Казахстана. 1947, № 5; Он же. Возникновение капиталистической промышленности и зарождение рабочего движения в Казахстане//Ученые записки Казахского гос. ун-та. Сер. ист., 1950. Т. 13. Алма-Ата, 1950; Джемгерчинов Б. Д. К вопросу о присоединении Киргизии к России//Известия Киргизского филиала АН СССР. Вып. 7. Фрунзе. 1947; Нейштадт С. А. К вопросу об экономике колониального Казахстана//Известия АН Казахской ССР. Сер. эконом. Вып. 1. 1949. № 65; Зимма А. Земельная политика царизма в Киргизии//Труды Киргизского пединститута. Т. 11. Вып. 2. Фрунзе. 1947. С. 23—52; Лачко А. Ф. Из истории общественно-экономических отношений у киргизов в конце 19 и начале 20 века//Труды ИЯЛИ Киргизского филиала АН СССР. Вып. 3. Фрунзе. 1952; Хасанов А. О присоединении северных киргизов к России//Вопросы истории. 1950. № 7; Турсунбаев А. Роль русского народа в социалистическом преобразовании Казахстана//Вестник АН Казахской ССР. 1947. № 1—2; Он же. Историческое значение присоединения Казахстана к России//Большевик Казахстана. 1951. № 6.

³⁹ Зимма А. Г. Земельная политика царизма в Киргизии. Труды Киргизского госпединститута. Т. 11. Вып. 2. Фрунзе, 1947. С. 25.

тяжким бременем ложились на плечи крестьянства и пролетариата.

Излишне важное значение придавалось капитализации края во второй книге первого издания «Истории народов Узбекистана». В некоторых работах отражались классовые противоречия среднеазиатских народов в канун присоединения и непозволительно смешивалась борьба населения против царских колонизаторов с антирусской борьбой⁴⁰.

В 1953 г. редколлегия журнала «Вопросы истории» поместила в августовском номере статью И. С. Брагинского, С. Раджабова и В. А. Ромодина «К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России». В ней указывалось, что во второй книге первого издания «Истории народов Узбекистана» сведения об уменьшении междоусобных столкновений противоречат исторической правде, так как меры Насруллы-хана по пресечению феодальной раздробленности, сепаратизма крупных феодалов оказались безрезультатными. В статье также подвергнуто сомнению утверждение авторов «Истории народов Узбекистана» в отношении якобы имевшего место подъема народного хозяйства на территории нынешнего Узбекистана перед присоединением. Авторы напоминали о недопустимости смешивания насильственного способа присоединения с результатами присоединения и о необходимости дифференцированного подхода к рассмотрению процесса вхождения местного населения в состав Российского государства, который характеризовался как завоевание, но в то же время многие среднеазиатские районы вошли в Россию на добровольных началах⁴¹.

Правильному пониманию прогрессивного значения присоединения народов Средней Азии и Кавказа в значительной мере способствовала развернутая по инициативе журнала «Вопросы истории» дискуссия, в процессе которой была дана марксистско-ленинская оценка последствий присоединения и раскрывалась роль русского народа в жизни многонациональной Российской империи, прежде всего его революционизирующее воздействие на другие народы⁴².

Естественно активнейшее участие в исследовании и освещении проблем прогрессивных последствий присоединения Кавказа, Средней Азии и Казахстана к России республиканских научных центров и деятелей науки и культуры союзных республик.

В частности, внимание научной общественности страны, интересующейся проблемами присоединения территорий с нерусским населением к России, было привлечено к выступлению известного советского писателя Мирзы Ибрагимова в «Литературной газете» за 1949 г., где отмечалось: «Большой ошибкой многих наших вос-

⁴⁰ Раджабов С. Указ. соч. С. 8.

⁴¹ Брагинский И. С., Раджабов С., Ромодина В. А. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России // Вопросы истории. 1953. № 8. С. 21—40.

⁴² Вопросы истории. 1950. № 7; 1951. № 7, 9.

токоведов является то, что они до сего времени изучали литературу народов Востока изолированно от великой русской литературы.

Не будь исторической связи с Россией и благотворного влияния передовой русской культуры, не было бы Мирзы Фатали Ахундова, Абая, Ахмеди Дониша, Тукая и других крупнейших представителей литературы народов нашего Востока»⁴³.

Выступление Мирзы Ибрагимова совпало по времени с созывом расширенного заседания отделения гуманитарных наук Академии наук УзССР, проходившего в Ташкенте 21—27 апреля 1949 г.⁴⁴ В своих выступлениях участники этого форума, опираясь на известное положение Ф. Энгельса о действительно прогрессивной роли России по отношению к странам Востока, высказанное им в письме К. Марксу от 23 мая 1851 г., подчеркивали, что на развитии самобытной культуры народов Средней Азии издавна сказывалось влияние русского народа, его передовой культуры.

Общение с русским народом, вопреки царизму, способствовало пробуждению самосознания трудящихся масс Средней Азии, их стремлению к свободе, независимости. Русская революционно-демократическая мысль звала их на борьбу с невежеством, темнотой и мракобесием. Передовая русская литература благотворно влияла на литературы народов Средней Азии, помогала уничтожению их патриархально-родовой и племенной ограниченности, способствовала развитию демократических тенденций и новых литературных жанров. Зародившаяся в начале XX в. в Средней Азии реалистическая проза и драматургия возникли под непосредственным влиянием передовой русской литературы.

Марксистско-ленинскому пониманию проблемы способствовали также тезисы ЦК КПСС о 300-летиі воссоединения Украины с Россией, которые стали широко использоваться учеными в их исследованиях⁴⁵.

В 1954 г. кафедра истории СССР ВПШ при ЦК КПСС выпустила в свет брошюру А. Ф. Якунина об экономическом и политическом положении народов Средней Азии и Казахстана во второй половине прошлого века. Правильно осветив ряд вопросов (сочетание оседлого и кочевого хозяйствования, усиление товарности производства, англо-русское соперничество и т. д.), А. Ф. Якунин пришел тем не менее к ошибочным выводам, сведя присоединение только к завоеванию. Он полагал, что во второй половине XIX столетия «экономическое и политическое развитие

⁴³ Литературная газета. 1949. 20 апреля.

⁴⁴ О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана.— Стенографический отчет расширенного заседания отделения гуманитарных наук УзССР. 21—27 апреля 1949 г. Ташкент: Издательство АН УзССР, 1951. 216 с.

⁴⁵ Тезисы о 300-летиі воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.). М.: Госполитиздат, 1954.

самых среднеазиатских государств зашло в тупик» и сильно переоценивал прогрессивность капитализации Средней Азии⁴⁶.

По мнению А. В. Пяковского, которое мы разделяем, отрицание развития производительных сил в народном хозяйстве тогдашних среднеазиатских государственных образований столь же неверно, сколь и чрезмерное преувеличение указанного процесса⁴⁷. А. Ф. Якунин справедливо писал в своей работе, что в результате присоединения были ликвидированы рабство, тягостные для населения феодальные распри и укрепилась дружба среднеазиатских народов с русскими трудящимися.

Об усиливающемся интересе среднеазиатских историков к теме присоединения свидетельствовало появление статьи В. Я. Непомнина, где автор, опираясь на неопровержимые данные, доказывает объективную прогрессивность вхождения Средней Азии в Россию⁴⁸. Ему же принадлежит вторая глава в «Истории Узбекской ССР» (Т. 2. Кн. II, 1956), целиком посвященная проблеме присоединения. Причины относительно быстрого завоевания В. Я. Непомнин видит в экономической и политической отсталости среднеазиатских государств, в пассивности большей части населения, в явном и скрытом содействии местного купечества и в крайне устарелом состоянии военного дела. Он отмечает, что трудящиеся Средней Азии испытывали социальный, политический и национальный гнет. На наш взгляд, вряд ли правомерно приписывать антиколониальные движения исключительно феодально-клерикальной реакции и панисламистской пропаганде, питаемой извне⁴⁹. Здесь совмещаются две разные вещи — борьба широких масс против царизма и реакционные националистические движения. Против царизма, как одного из столпов мировой реакции, против военно-феодального империализма царской России⁵⁰ выступали не только русские трудящиеся, но и народы окраин империи.

В 1954 г. в журнале «Коммунист», органе ЦК КП Узбекистана, была опубликована статья В. Я. Непомнина на узбекском языке «Историческое значение присоединения Средней Азии к России»⁵¹. Это свидетельствовало о том, что центральные партийные органы республики придавали большое значение плодотворной разработке проблемы.

В этот же период историки публикуют труды об истоках и полном укреплении дружеских связей между братскими на-

⁴⁶ Якунин А. Ф. Народы Средней Азии и Казахстана во второй половине 19 века. Присоединение Средней Азии к России. Лекция, прочитанная в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. М., 1954. С. 21.

⁴⁷ Пяковский А. В. К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России//Вопросы истории. 1959. № 8. С. 24—25.

⁴⁸ Непомнин В. Я. Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России//Известия АН УзССР. 1954. № 1. С. 41—61.

⁴⁹ История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент. 1956. С. 98—100.

⁵⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 38.

⁵¹ Непомнин В. Я. Урта Осиёни Россияга қўшилишининг тарихий аҳамияти//Коммунист, 1954, № 4.

родами Средней Азии и России. Данную тему успешно исследовали среднеазиатские историки — С. А. Раджабов, З. Ш. Раджабов, А. М. Аминов, В. Я. Непомнин и др.⁵² Все исследователи единодушно признавали давность установления дружеских отношений между народами Средней Азии и России и подробно останавливались на предпосылках, как экономических, в первую очередь торговых, так и политических. Установлено, что еще в XVI в. часто происходил обмен торгово-дипломатическими посольствами между Средней Азией и Московской Русью, куда приезжали бухарские и хивинские послы.⁵³

В 1955 г. участники Объединенной научной сессии советских историков, посвященной дооктябрьской истории Средней Азии и Казахстана, рассматривали развитие капиталистических отношений в Средней Азии как одно из последствий присоединения. А. Ф. Якунин в своем выступлении определил: «Относительно быстро начался процесс проникновения капитализма в сельское хозяйство дехкан и кочевников-казахов. Хозяйство баев становится все более товарным, работающим на всероссийский и международный рынок. У узбеков хлопководство носит капиталистический характер (продажа на рынок), несмотря на применение феодальных методов эксплуатации»⁵⁴. На сессии отмечалось, что ликвидация феодального сепаратизма и раздробленности народного хозяйства благоприятствовала формированию наций в Средней Азии. Так, по мнению А. М. Богоутдинова, «процесс создания экономической общности узбекского народа усилился благодаря развитию капиталистических отношений»⁵⁵. Выступавшие аргументировали выдвигаемые тезисы интересными фактическими данными. В ходе сессии выяснилось, что по некоторым аспектам предреволюционной истории Средней Азии, например в отношении развития среднеазиатских народов в нации, единая точка зрения не достигнута. Были определены пути дальнейших исследований.

В 1955 г., в год проведения Объединенной научной сессии, посвященной дооктябрьской истории Средней Азии и Казахстана, в издательстве Академии наук СССР вышла в свет книга первого

⁵² Раджабов С. А. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент, 1955; Раджабов З. К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом. Душанбе, 1954; Аминов А. М. Торговые отношения Средней Азии с Россией в XVI—XIX вв. Ташкент, 1952; Непомнин В. Я. К вопросу об исторических корнях дружбы узбекского и русского народов//Нерушимая дружба. К 300-летию воссоединения Украины с Россией. Ташкент. 1954; Перепелицина Л. А. О влиянии культуры русского народа на культуру народов Туркестанского края//Труды САГУ. Вып. 51. Кн. 5, 1954; Кадыров П. К. Прогрессивная роль русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Сб. студенческих работ САГУ. Вып. 2, 1951.

⁵³ Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент. 1955. С. 200.

⁵⁴ Там же. С. 207.

⁵⁵ Там же.

президента Академии наук УзССР Т. Н. Кары-Ниязова «Очерки истории культуры Советского Узбекистана»⁵⁶. Этот труд, появившийся в преддверии исторического XX съезда КПСС, отличается комплексным подходом к исследованию прогрессивных последствий присоединения Средней Азии к России. В одной из глав первой части книги дается характеристика прогрессивного значения присоединения Туркестана к России. В этой главе, рассматривая благотворное воздействие присоединения на развитие культуры, автор пытается показать две главные тенденции в развитии культуры народов Туркестана в связи с последствиями присоединения его к России: тенденцию царизма и местной феодально-клерикальной реакции, которая выражалась в политике, направленной на сохранение феодальных и патриархально-феодальных отношений в крае, темноты и невежества масс и тенденцию прогрессивной части туркестанского общества и передовых людей России, выражавшуюся в борьбе за развитие национальной культуры, близкой к народу, отражающей его чаяния и интересы. Т. Н. Кары-Ниязов подчеркивает, что замечательным результатом совместных самоотверженных усилий прогрессивных сил Туркестана и России явилось благотворное влияние передовой русской культуры на развитие культуры народов Узбекистана.

ПЕРИОД ОТ XX СЪЕЗДА КПСС ДО НАЧАЛА 80-х ГОДОВ

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, его решения знаменовали начало нового этапа в развитии советской историографии. Возросла творческая активность советских историков, повысился научный уровень их исследований, расширился круг изучаемых проблем, увеличилось число коллективных исследований.

После 1956—1957 гг. происходит качественный рост исторических изысканий, увеличивается объем публикаций, касающихся проблем, связанных с присоединением Средней Азии к России. Историки стали шире пользоваться архивными фондами Ташкента, Душанбе, Фрунзе, Москвы и других городов, что не могло не сказаться положительно на качестве работ. Метафизический подход к тем или иным событиям, который вел к их ложному толкованию, уступил место подходу диалектическому, когда событие рассматривается в его развитии с учетом по возможности большего числа обуславливающих факторов, и труд ученого базируется на творческом использовании богатого теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма, а также документов руководящих партийных органов.

Исторические отделения академий наук среднеазиатских республик и Казахстана, сумевшие обеспечить рост кадров историков, после XX съезда КПСС уделяют все большее внимание

⁵⁶ Кары-Ниязов Т. Н. Очерки истории культуры Советского Узбекистана. М., 1955. С. 560.

проблеме присоединения и его последствий, актуальность которой возрастала в связи с усилением национально-освободительного движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки, лидеры которых изучали историческое развитие социалистических республик Средней Азии.

Важным событием в развитии марксистских исследований по истории народов Средней Азии вообще и периода присоединения края к России в частности, был выход в свет в 1957 г. в Ташкенте сборника «В. И. Ленин о Средней Азии и Узбекистане», подготовленного Институтом истории партии при ЦК КП Узбекистана — филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В нем содержались труды В. И. Ленина — основателя первого в мире многонационального социалистического государства, посвященные Средней Азии, в том числе Узбекистану. Идеи ленинизма вдохновляют рабочий класс и широкие трудящиеся массы всех стран на борьбу за мир, демократию и социализм, национально-освободительное движение свободолюбивых народов колониальных и зависимых стран против империализма.

Непосредственным исполнителем подготовки к печати ленинского сборника по Средней Азии и Узбекистану был П. П. Мионов, ташкентский историк, внесший значительный вклад в подготовку нового поколения исследователей-обществоведов.

В 1960 г. Институтом истории партии при ЦК Компартии Узбекистана был подготовлен и опубликован документальный сборник «В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане»⁵⁷. В отличие от издания 1957 г. ленинский сборник был дополнен новыми трудами В. И. Ленина, касающимися не только собственно Средней Азии и Узбекистана, но и Казахстана, присоединение которого к России произошло значительно раньше Среднеазиатского региона и в иных исторических условиях. Это издание получило высокую оценку широкой общественности республик Среднеазиатско-Казахстанского региона, и в течение многих лет сборник был настольной книгой партийных и советских работников, ученых и педагогов, учащихся высшей и средней школы. Следует отметить, что в подготовку ленинского сборника большой вклад внес П. П. Мионов.

В 60—70-х годах, по решению ЦК КПСС, в нашей стране была осуществлена массовая публикация ленинских документов. В журналах «Коммунист», «Вопросы истории КПСС», «Исторический архив», в газетах «Правда», «Известия» и других впервые увидели свет важнейшие ленинские документы по широкому кругу вопросов марксистско-ленинской теории, политики, стратегии и тактики партии по революционному преобразованию общества.

Для освоения ленинского теоретического наследия огромное значение имело издание Полного собрания сочинений В. И. Ленина в 55 томах, в котором впервые было опубликовано более ты-

---

⁵⁷ В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1960.

сочи документов. Вышли в свет сборники документов: «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) (август 1917 — февраль 1918 г.)», «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март 1917 — февраль 1918 г.)», «Декреты Советской власти». Новые грани титанической деятельности В. И. Ленина раскрыли перед нами двенадцать томов фундаментального издания, подготовленного Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, — «В. И. Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924 гг.».

Все эти публикации обогатили представления читателей о роли В. И. Ленина в исторических судьбах народов страны, в том числе народов Средней Азии и Казахстана. Назрела настоятельная необходимость публикации нового, переработанного и дополненного издания «В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане».

В результате кропотливой работы ташкентских составителей — кандидата исторических наук М. Н. Гуревич и изучных сотрудников С. А. Дмитриевой, Л. П. Зотовой выходит новый сборник «В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане»⁵⁸. В подготовке его к печати неоценимую помощь оказали сотрудники сектора производств В. И. Ленина Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС доктор исторических наук Р. М. Савицкая, старший научный сотрудник Д. С. Кислик, а также ученые республики — доктор исторических наук Б. В. Лукин, ответственные редакторы издания: член-корр. АН УзССР Х. Т. Турсунов, доктор исторических наук В. Г. Чеботарева. Издание было подготовлено на основе Полного собрания сочинений В. И. Ленина — создателя Коммунистической партии Советского Союза, вождя Великой Октябрьской социалистической революции, основателя первого в мире социалистического многонационального государства. Первостепенное внимание уделено документам, отражающим ленинское учение по национальному вопросу, теоретические аспекты становления и развития национальных отношений на принципиально новой — социалистической основе. Помещенные в сборнике документы позволяют читателю ознакомиться с деятельностью Ленина по созданию СССР. Большой интерес представляют материалы, раскрывающие ленинскую трактовку принципов демократического централизма, соотношения национального и интернационального в управлении системой государственных органов, бескомпромиссную борьбу Владимира Ильича с проявлениями сепаратизма и местничества в народнохозяйственном строительстве. Множество документов отражают ленинское учение об особенностях осуществления национальной политики, партийного строительства в специфических условиях восточных республик, свидетельствуют о многогранной военной, финансовой и другой помощи, которая оказывалась трудящимся Туркестана, Бухары и Хорезма по инициативе В. И. Ленина.

⁵⁸ В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане. Ташкент: Узбекистан, 1982.

Материалы сборника рассказывают также о неограниченном вкладе В. И. Ленина в дальнейшую разработку учения К. Маркса и Ф. Энгельса, о соединении пролетарской революции с крестьянской революцией в отсталых странах, о ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Материалы сборника отражают роль В. И. Ленина в разработке теоретических основ некапиталистического развития. Документальные материалы неопровержимо свидетельствуют о том, что В. И. Ленин учил коммунистов вдумчиво относиться к осуществлению тактики партии в среде народов, начавших переходить к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. По указанию В. И. Ленина компартии республик Средней Азии и Казахстана осуществляли дифференцированный подход к различным социальным слоям населения, использовали специфические переходные политические и экономические формы, приемы и средства в процессе осуществления революционных преобразований.

Труды В. И. Ленина — неиссякаемый источник знаний о революционном движении в национальных районах России. Ленинское теоретическое наследие имеет непреходящее значение при изучении прогрессивных последствий присоединения Средней Азии и Казахстана к России.

Советскими историками разрабатываются фундаментальные труды, наиболее подробно освещающие все, что связано в ленинском наследии с историческими судьбами народных масс Средней Азии, выработкой стройной ленинской национальной политики как составной части социалистической революции, что позволяет с максимальной полнотой привести в движение все богатство изданных и неизданных архивных, документальных, литературных (научных и мемуарных) и других материалов. В этом плане среднеазиатская Лениниана пополнилась в последние годы работами П. У. Хамдамова «Вопросы истории национально-освободительного движения в ленинском наследии» (Ташкент: Узбекистан, 1980)⁵⁹, Б. В. Лунина «В. И. Ленин и Средняя Азия» (Ташкент, 1983) и др. Книга П. У. Хамдамова носит историографический и источниковедческий характер, в ней анализируется методология ленинского исторического исследования, раскрываются приемы работы В. И. Ленина с источниками, показывается значение ленинских трудов для победы Октябрьской революции на окраинах России. Большое внимание автор уделяет генезису ленинской концепции некапиталистического развития ранее отсталых народов России, рассматривает историческое значение ленинского зна-

---

⁵⁹ Следует отметить, что исследованию среднеазиатской тематики в трудах В. И. Ленина посвящен ряд других публикаций П. У. Хамдамова, достойно пополнивших научную Лениниану в Узбекистане.— См.: В. И. Ленин о Средней Азии. Ташкент: Узбекистан, 1974; Один из резервов пролетарской революции (вопросы истории Средней Азии в публицистике В. И. Ленина накануне Октября)//Научные труды ТашГУ. Вып. 511. Ташкент, 1976, и др.

лиза национально-колониальной проблемы, борьбы на укрепление единства рабочего, коммунистического движения с национально-освободительной борьбой народов, угнетенных империализмом, для современного революционного процесса. Большой интерес в работе П. У. Хамдамова для нас представляет вторая глава (С. 68—135) — «В. И. Ленин об объективных предпосылках соединения пролетарского и национально-освободительного движения в России», в которой дается глубокий анализ источников и литературных работ о колонизации окраин в трудах В. И. Ленина, национальных районов России в ленинском исследовании империализма.

Книга Б. В. Лунина представляет собой новое, значительно дополненное и расширенное издание монографии «В. И. Ленин и народы Средней Азии», вышедшей в свет в Ташкенте в 1967 г. Содержание второго издания обогащено новым, еще недостаточно известным читателям фактическим материалом, характеризующим огромный вклад вождя партии и народа в решение национального вопроса и задач социалистического строительства в Советской Средней Азии. Особый интерес представляют для нас разделы книги — «Национально-колониальный вопрос в научно-теоретическом наследии В. И. Ленина» и «В. И. Ленин и дореволюционная Средняя Азия», в определенной мере дополняющие соответствующий раздел книги П. У. Хамдамова «Вопросы истории национально-освободительного движения в ленинском наследии».

Новый подъем творческой мысли историков и обществоведов нашей страны, республик Советского Востока проявился в их совместных усилиях по изучению проблем современного исторического развития, в установлении контактов с зарубежными коллегами. Важное значение в этой связи имела состоявшаяся 4—11 июня 1957 г. в Ташкенте Первая Всесоюзная конференция востоковедов, созданная по инициативе Академии наук СССР и Академии наук УзССР. В ее работе приняли участие ученые Москвы, Ленинграда и других городов Российской Федерации, союзных республик Средней Азии, Казахстана и Закавказья. Гости конференции были ученые ряда социалистических стран — Китайской Народной Республики, Коре́йской Народно-Демократической Республики, Монгольской Народной Республики, Чехословакии, Польши, Румынии, Болгарии и др.

В ряде докладов на пленарных заседаниях конференции, в сообщениях на заседаниях секций, выступлениях в прениях по докладам и сообщениям затрагивались проблемы присоединения Средней Азии к России и его прогрессивных последствий, подчеркивалось также огромное международное значение этого исторического события в судьбах среднеазиатских народов во второй половине XIX в. для сопредельных стран Востока.

В одном из выступлений на конференции отмечалось, что, хотя присоединение Средней Азии к России является, безусловно, прогрессивным историческим фактом, однако в освещении его соци-

ально-экономических последствий обнаруживаются две равно ошибочные тенденции: с одной стороны, присоединение изображается только в мрачных красках, когда за колониальной политикой не видят объективно прогрессивной стороны присоединения, с другой — замалчивается, не вскрывается сущность колониальной политики царизма и тем самым косвенно оправдывается, реабилитируется колониальный и национальный гнет, что объективно ведет к возрождению легенды о якобы цивилизаторской роли колониализма»⁶⁰.

Первая Всесоюзная конференция востоковедов в Ташкенте способствовала активизации дальнейшей углубленной разработки советскими историками этой важной и сложной тематики дореволюционной истории народов Средней Азии, Казахстана и Закавказья, позволила в значительной мере избежать указанных неправильных тенденций в освещении и оценке характера и значения вхождения в состав Российской империи народов ее колониальных окраин, переосмыслить и отказаться от устоявшихся канонов метафизической разработки исторического процесса.

В 1956—1957 гг. институтами истории, археологии и этнографии республиканских академий наук издаются обобщающие труды «История Узбекской ССР», «История Киргизии», «История Казахской ССР», «История Туркменской ССР»⁶¹. Несколько раньше была издана в новой редакции книга Б. Г. Гафурова «История Таджикского народа»⁶². В эти же годы из печати вышли монографические исследования: Е. Б. Бекмаханов «Присоединение Казахстана к России»; Б. Д. Джамгерчинов «Важный этап из истории киргизского народа. К столетию присоединения Киргизии к России» и «Присоединение Киргизии к России»; А. В. Пясковский «Революция 1905—1907 гг. в Туркестане»; Ф. Азадаев «Ташкент во второй половине XIX в. Очерки социально-экономической и политической истории»⁶³.

Плодотворной разработке проблемы присоединения способст-

---

⁶⁰ См.: Материалы Первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в г.Ташкенте 4—11 июня 1957 г. Ташкент, 1958. Годом раньше к открытию конференции были опубликованы материалы: Первая Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957.

⁶¹ История Узбекской ССР. Т. 1. Кн. 2. Ташкент, 1956; История Киргизии. Т. 1—II. Фрунзе, 1956; История Казахской ССР с древнейших времен до Октябрьской социалистической революции. Т. 1. Алма-Ата, 1957; История Туркменской ССР с начала XIX века до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 1. Кн. 2. Ашхабад, 1957.

⁶² Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Изд. третье, исп. и доп. М., 1955; Позднее вышел коллективный труд: История таджикского народа. Т. 1—II. М., 1963.

⁶³ Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; Джамгерчинов Б. Д. Важный этап из истории киргизского народа. К столетию присоединения Киргизии к России. Фрунзе, 1957; Пясковский А. В. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане. М., 1958; Азадаев Ф. Ташкент во второй половине XIX в. Очерки социально-экономической и политической истории. Ташкент, 1959.

вовала объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России, состоявшаяся в Ташкенте в 1959 г. В ее работе приняли участие ученые из Москвы и Ленинграда, братских республик, занимавшиеся изучением проблемы вхождения среднеазиатских народов в Российское государство.

В своем докладе на сессии С. Раджабов, характеризуя коллективные труды по истории среднеазиатских республик и Казахстана и отдельные монографические исследования по проблеме присоединения Средней Азии к России, показал их отличие от более ранних изданий. Он отметил, что авторы учли критические замечания, исправили допущенные ранее ошибки. Вопрос о присоединении Туркестана к России занимает в этих работах должное место: имеются специальные главы, посвященные присоединению среднеазиатских земель к России, освещающие вопросы политического и экономического проникновения Российского государства в Среднюю Азию и подчинения Средней Азии России, социально-политических изменений, происшедших после присоединения края к России, революционного движения и другие⁶⁴.

В период подготовки к сессии в республиканской периодической печати было опубликовано более 80 статей⁶⁵, в результате чего форум ученых получил большой общественный резонанс.

Сессия способствовала выработке в среде ученых единых взглядов на ряд спорных вопросов, связанных с общей проблемой присоединения среднеазиатских народов к России и его последствий.

Наряду с признанием прогрессивных последствий присоединения в отдельных коллективных исследованиях сосредоточивается внимание на реакционном, колониальном характере политики царизма в крае. Так, в «Истории таджикского народа» (1964 г.) отмечается, что «в результате завоевания и присоединения Средней Азии была превращена в бесправную колонию царизма... Политика царизма в Средней Азии была реакционной, агрессивной, колонизаторской. Отношение царизма к народам Средней Азии было отношением господства и подчинения, отношением метрополии и колонии. Царизм был палачом и мучителем нерусских народов»⁶⁶. В. И. Ленин называл царизм «тюрьмой народов».

Советские историки при изучении последствий присоединения Средней Азии к Российскому государству стремятся рассматривать их диалектически, учитывая положительные и отрицательные

⁶⁴ Раджабов С. Присоединение Средней Азии к России. Доклад// Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1959. С. 11—12. Ранее им же была опубликована монография: Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент, 1955.

⁶⁵ Ланда Л., Азадаев Ф. Яркое свидетельство дружбы народов. К итогам объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России//Звезда Востока. 1959. № 7. С. 112—120.

⁶⁶ История таджикского народа. Т. 2. Кн. 2. М., 1964. С. 142.

стороны присоединения, ибо преувеличение одной из сторон ведет неминуемо к субъективизму и, следовательно, к искажению исторической правды. Советская историография руководствуется следующими положениями В. И. Ленина: «Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития»⁶⁷. В прошлом отдельные историки с целью оправдания выдвинутого тезиса отбирали один фактический материал и игнорировали другой, «несоответственный».

Образцом подлинно диалектического подхода к истории служит определение В. И. Лениным роли капитализма в хозяйственной жизни Российского государства. В разделе «Миссия капитализма» своего классического труда «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал: «Признание прогрессивности этой роли вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий»⁶⁸.

Дискуссия, развернувшаяся на Объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России, помогла конкретизировать те проблемы, которые должны быть разработаны советскими историками.

Тематике историографии присоединения Средней Азии к России и его последствиям была посвящена редакционная статья во втором номере «Известий Академии наук УзССР» за 1959 г. Редакция определила, что «недостаточно разработаны... такие важные вопросы, как степень и последствия проникновения капитализма в сельское хозяйство Туркестана, Бухары и Хивы; процесс формирования и развития туркестанского отряда рабочего класса, особенно за счет кадров местных национальностей; рост классового и национального самосознания широких трудящихся масс края в период после присоединения. Среди ученых нет единства взглядов в вопросах становления и степени формирования узбекской и других буржуазных наций Средней Азии..., почти отсутствуют историографические труды, выясняющие и обобщающие вклад русской науки в изучение природы и истории Средней Азии..., слабо еще изучена история и социальная природа некоторых национальных движений в Туркестане второй половины XIX в., их связь с нарастанием национально-освободительной

⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 165.

⁶⁸ Ленин В. В. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 597.

борьбы народов Средней Азии и общего революционного движения в России в целом»⁶⁹.

В конце 50-х годов обозначились представляющие интерес следующие аспекты с точки зрения социальных последствий присоединения: углубление товарно-денежных отношений; расшатывание замкнутости дехканского земледельческого и скотоводческого хозяйства; создание благоприятных условий для перехода кочевников к оседлому хозяйству, разрушение родоплеменных перегородок; изменение земельно-водных отношений: образование сельскохозяйственного полупролетариата, социальное положение переселенцев⁷⁰ и местного населения; обнищание дехкан и ремесленников под воздействием капитализации; развитие классовых противоречий в кншлаках и аулах; создание предпосылок формирования наций, социальные корни народных движений; образование в Средней Азии промышленно-городского пролетариата; политические ссыльные и распространение социал-демократической пропаганды; причины слабости проникновения марксистской идеологии в среду национального дехканства, степень влияния религии, роль феодално-клерикальных кругов после присоединения.

После вложения части среднеазиатских земель в состав Российской империи и установления протектората над ханствами в Средней Азии наметились сдвиги в экономике, тесно связанные с переменами в других сферах жизни. Отсюда актуальность исследования таких вопросов, как подчинение сельскохозяйственного производства запросам промышленной буржуазии Центра; организация мелких и средних предприятий по первичной переработке сельскохозяйственного сырья; экономическое значение железных дорог; усиление экономической роли городов; ликвидация экономической замкнутости отдельных районов края; экономические изменения в местном кустарном производстве под влиянием всероссийского рынка; внутренняя и внешняя торговля, в частности, с лежащими к югу Афганистаном и Ираном; экономические результаты ирригационных мероприятий; возникновение горнодобывающей, а также пищевой и мыловаренной отраслей промышленности; изменения в развитии садоводства и огородничества; состояние шелководства.

Культурные перемены в жизни среднеазиатского населения изучены недостаточно полно. Следовало бы осветить такие воп-

⁶⁹ Известия Академии наук УзССР. Сер. обществ. наук. 1959. № 2. С. 6—7.

⁷⁰ Первыми публикациями, свидетельствующими о серьезной разработке вопроса о переселенческой политике царизма и роли русских поселений в социальной структуре Туркестана следует считать работы А. Н. Гинзбург и А. П. Фомченко.— См.: Гинзбург А. И. К вопросу о положении рядов пролетариата в Туркестане за счет крестьян-переселенцев//Общественные науки в Узбекистане. 1966. № 4. С. 54—56; Она же. Общественные науки в Узбекистане. 1966. № 4. С. 54—56; Из материалов о положении крестьян-переселенцев в Туркестане//Общественные науки в Узбекистане. 1967. № 2. С. 59—60; Фомченко А. П. Русские поселения в Бухарском эмирате. Ташкент, 1958; Он же. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX — начале XX в. Социально-экономический аспект. Ташкент, 1983.

росы, как развитие литературы и искусства местных народов; устное народное творчество, отражение в нем присоединения земель к России; взаимосвязь местной и русской культуры; общее состояние культурной жизни городов и сельских районов; противодействие официальных властей культурному развитию Туркестана и энтузиазм прогрессивно настроенных переселенцев из центральных районов России; улучшение медицинского обслуживания; состояние народного образования; просветительские общества; развитие печатного дела; прикладное искусство; участие во всероссийских и международных выставках; зрелищные искусства; организация библиотек; правительственные мероприятия, направленные на русификацию местной культурной жизни, их неудача; реакция клерикальных кругов на изменения в культурной жизни Туркестана⁷¹.

Значительный интерес для историков представляет изучение постановки научного дела в Туркестане, в частности, дореволюционные исследования в области географии, геологии, метеорологии, агротехники, топографии, зоологии, а также археологии, истории, этнографии и других наук.

Крайне слабо исследованы изменения в административном аппарате царского управления Туркестаном, система управления в ханствах, а также в полувисимых от ханств районах. Было бы, наконец, любопытно проследить изменения валютной системы в Средней Азии в результате присоединения части среднеазиатских земель к российской империи.

Нельзя считать завершенной разработку внешнеполитических вопросов, например: отношения между ханствами; отношения между ханствами и царскими властями; связи среднеазиатских народов с народами, проживающими на западе Цинской империи; влияние, которое оказало присоединение Средней Азии на страны, расположенные к югу; британские притязания в Средней Азии; контакты среднеазиатских и турецких феодалов; панисламистские настроения в среде местных феодалов; освещение присоединения Средней Азии к России в прессе держав-колонизаторов (Англии, Франции, Америки) и некоторые другие вопросы.

Интерес отечественной историографии к проблеме присоединения и его последствий объективно обусловлен, его «порождает жизнь, развитие самой науки, отражающей живой, меняющийся объективный мир, частью которого она сама является. Именно в этом заключена связь науки с жизнью, действительная актуальность ее проблем и тематики»⁷².

---

⁷¹ Первой серьезной попыткой в этом плане является работа: Перепелицына Л. А. Влияние русской культуры на культуры народов Средней Азии. Ташкент, 1960.

⁷² Борисов Ю. С. Советская историческая наука. М., 1961. С. 6.

Глава III

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИОГРАФИИ: ЭКОНОМИКА, СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА, ЗАРОЖДЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

В 50—60-х годах советские ученые активизировали исследования по проблеме присоединения Средней Азии к России и его последствий. Повысился теоретический уровень исторических трудов, широко привлекались архивные данные. «Освобождаясь от ошибок и наслосений прошлых лет, от концепций, не подлежащих в свое время критике, историки социально-экономического развития России периода империализма сейчас много и плодотворно работают, смело обращаясь к наиболее сложным, ключевым проблемам отечественной истории начала XX в. — кануна Великой Октябрьской социалистической революции»¹. Наряду с историей социальных и экономических отношений дореволюционного Российского государства, в том числе Туркестана, в указанный период разветвляется научно-исследовательская работа по вопросам политического и культурного развития.

В публикациях шестидесятых годов рассматривались такие аспекты дореволюционной социальной жизни, как земельно-водные отношения и налоговая политика царских властей в Туркестане, воздействие финансового капитала на положение дехканства, положение крестьян-переселенцев, формирование среднеазиатского пролетариата в хлопковой промышленности Туркестана². Каждая из этих проблем вполне может стать предметом углубленного научного исследования.

Ученых продолжают интересовать вопросы, связанные с эконо-

---

¹ Тариовский К. Н. Советская историография российского империализма (1917—1962 гг.). М., 1964. С. 235.

² Шукурова Л. Земельно-водные вопросы и налоговая политика царизма в «Положении об управлении Туркестанского края» 1886 г. Научные работы и сообщения отделения общественных наук АН УзССР. Ки. 4. 1966. С. 225—232; Юлдашев А. М. Банки и положение дехканства в дореволюционном Туркестане//Известия АН УзССР. Сер. общественных наук. 1960. № 2. С. 35—40; Гинзбург А. И. Из материалов о положении крестьян-переселенцев в Туркестане//Общественные науки в Узбекистане. 1967. № 2. С. 59—60; Курбатова И. Из истории формирования кадров пролетариата в хлопковой промышленности Туркестана (конец XIX—начало XX в.)//Общественные науки в Узбекистане. 1964. № 4. С. 59—60.

номическим развитием Средней Азии в период с момента присоединения вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

В этом направлении плодотворно работает А. М. Аминов, которому принадлежат труды о среднеазиатской экономике конца XIX — начала XX в.³ Характеризуя расширение площадей под хлопчатником, А. М. Аминов справедливо связывает развитие хлопководства с ростом капиталистических отношений в сельскохозяйственных районах Туркестана, когда «мелкие дехканские хозяйства втягивались в товарно-денежное обращение и попадали в зависимость от рынка»⁴. Опираясь на сырьевую базу, капиталисты из года в год строили все большее число хлопкоочистительных предприятий, производительность которых, впрочем, была ниже, чем в центральных районах страны. В своих исследованиях А. М. Аминов подчеркивает экономическую важность строительства железных дорог. Действительно, железнодорожное строительство в Средней Азии помимо военно-политического значения сыграло большую роль в экономических преобразованиях на территории Средней Азии. «Закаспийская дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию», — писал В. И. Ленин в статье «Уроки кризиса»⁵.

В 1966 г. А. М. Аминов совместно с А. Х. Бабаходжаевым выпустил обобщающую монографию «Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России». В ней вскрываются основные причины, которые привели к поражению ханства в результате двадцатилетних завоевательских действий царизма. Авторы отмечают, что Российская империя экономически была «более передовой страной, имевшей хорошо вооруженную армию», она использовала межгосударственные разногласия и вела войну с ханствами поодиночке. Местное население было крайне отсталым в экономическом, политическом и культурном отношении, феодалы угнетали трудящихся (так, кокандское правительство чинило насилие над киргизским населением), наконец, купеческие слои были кровно заинтересованы в развертывании торговли с центром России. Разумеется, население встречало русские войска отнюдь не с распростертыми объятиями⁶.

Основной целью завоевания среднеазиатских земель, утверждают А. М. Аминов и А. Х. Бабаходжаев, была не торговля и не желание приобрести территорию для расселения «избыточного»

³ Аминов А. М. Торговые сношения Средней Азии с Россией в 16—19 вв. Ташкент, 1952; Он же. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). Ташкент, 1959; Он же. Экономическое развитие Средней Азии со второй половины 19 столетия до первой мировой войны. Ташкент, 1959.

⁴ Аминов А. М. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России // Известия АН УзССР. Сер. обществ. наук. 1959. № 2. С. 13.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 82.

⁶ Аминов А. М. и Бабаходжаев А. Х. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966. С. 22, 24.

крестьянского населения (в конце концов имелись громадные неосвоенные земли за Уральским хребтом!), а стремление противостоять британской экспансионистской политике. Для обоснования такой точки зрения авторы приводят соответствующие данные, отражающие состояние торговли и иммиграции⁷. Противоположного мнения придерживаются историки С. Раджабов и Н. А. Халфин, полагавшие, что интерес царских властей к Средней Азии был вызван вступлением России на путь капиталистического развития и ее потребностью в расширении рынков сбыта и получении источников сырья⁸. Именно этими экономическими причинами обуславливалась якобы энергичная колониальная политика самодержавия. Имелись и другие причины: надежда помещичьих слоев ослабить классовое напряжение в русской деревне, неудачи русского правительства в турецкой политике и т. д. И все-таки считалось, что необходимость капитализации была основной причиной наступления царизма на Среднюю Азию.

Авторы последнего издания «Истории Узбекской ССР» так рассматривают причины экспансии царской России: «Причинами экспансии царской России в Среднюю Азию являлось стремление России к компенсации за поражение в Крымской войне, англо-русские противоречия на Ближнем и Среднем Востоке, соображения стратегического характера. Определяющим же мотивом царской экспансии в Среднюю Азию являлось пореформенное экономическое развитие России»⁹. Не будь давления со стороны капиталистов, петербургское правительство вряд ли рискнуло бы пойти на обострение своих отношений с Великобританией вскоре после краха в войне 1853—1856 гг.

Историки, придерживающиеся такой посылки при объяснении причин завоевания среднеазиатских земель царской Россией, начавшегося в середине XIX в., часто механически ссылаются на известное высказывание В. И. Ленина о том, что юг и юго-восток Европейской части России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь¹⁰. Однако они не уточняют, к какому именно периоду развития русского капитализма конкретно относится данное ленинское высказывание и к какому периоду господства царизма в Средней Азии оно подходит.

При внимательном изучении ленинского учения об империализме становится очевидным, что время активного развития русского капитализма вглубь и вширь на среднеазиатских землях приходится не на период военного завоевания, а на период с 90-х

⁷ Там же. С. 26—29.

⁸ Раджабов С. Присоединение Средней Азии к России // Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1959. С. 25; Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М., 1965. С. 137.

⁹ История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1968. С. 14—15.

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 595.

годов XIX в., когда окончательно утверждается военно-политическое господство царизма в Туркестане и только после этого начинается интенсивное экономическое освоение Средней Азии: строительство железных дорог, развитие хлопководства и хлопкоочистительной промышленности, полное освоение внутреннего рынка и подчинение его внешнеэкономическим интересам.

Следует отметить, что разработка истории среднеазиатской политики России в период присоединения территорий этого региона была начата на основе ленинской методологии исследования еще в 30-х годах, задолго до войны А. Л. Поповым. В частности, еще в 1934 г. он выступил со статьей «От Босфора к Тихому океану»¹¹, а в 1940 г. — сразу с тремя статьями¹², в которых, наряду с критикой на выдержавших проверки фактами положений¹³, доказал постепенный рост удельного веса и самостоятельного значения Средней Азии во внешней политике царской России. Соответственно усиливались и обострялись там и англо-русские противоречия. Интересы русской торговли автор считает одной из важнейших целей, но подчеркивает, что в целом задачи среднеазиатской политики царизма были шире. Наряду с торговыми интересами существенную роль играли мотивы политический, внешние, связанные с ситуацией на Ближнем Востоке, и внутренние — стремление разрядить внутреннее социально-политическое напряжение внешней экспансией. Существовали и военно-стратегические мотивы — воздействие на Англию. Таким образом объясняет А. Л. Попов действия царизма в 80-х годах. При этом он пишет о том, что связь внешней политики с экономикой не всегда бывает непосредственной, что внешняя политика часто лишь в конечном счете определяется экономической основой общества. Попов высказал мысль о двуединстве внутренних и международных целей во внешнеполитической системе царизма. При определении предпосылок среднеазиатской политики он различал ее экономическую основу, внутренние мотивы дворянского самодержавия, интересы русской буржуазии, связь среднеазиатского плацдарма с отношениями держав в Восточном вопросе и экспансией Англии в регионе Среднего Востока¹⁴, что в совокупности означало для науки значительное продвижение вперед¹⁵.

В послевосное время мотивы царизма при продвижении в сторону Средней Азии во второй четверти XIX в. под влиянием

¹¹ Попов А. Л. От Босфора к Тихому океану//Историк-марксист. 1934. № 3.

¹² Попов А. Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм//Исторические записки. 1940. № 7; Он же. Из истории завоевания Средней Азии//Исторические записки. 1940. № 9; Он же. Внешняя политика русского царизма в XIX в. в «кривом зеркале» М. Н. Покровского. Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Ч. II. М.—Л., 1940.

¹³ Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография. М., 1981. С. 286.

¹⁴ Попов А. Л. От Босфора к Тихому океану//Историк-марксист. 1934. № 3.

¹⁵ Итоги и задачи изучения внешней политики России. С. 287.

концепций А. Л. Попова рассматривает М. К. Рожкова¹⁶. В своей работе она приходит к выводу, что интересы буржуазии не занимали определяющего места в мотивах колониальной политики России — она руководствовалась не ими, а задачами поддержания переживавшего кризис феодально-крепостнического строя. Разрыв между развивавшимся производством и недостаточной емкостью рынка, между ростом промышленности и спросом, остававшим от него в силу крепостнических условий, создавал угрозу феодально-крепостнической системе. Овладение новыми рынками было для царизма попыткой компенсировать недостаточность рынка внутреннего.

Таким образом, глубокое изучение материалов по экономике и внешнеэкономических связей России объективно изменило мнение ряда советских исследователей о побудительных причинах и мотивах продвижения царской России в Средней Азии в середине XIX в. В их работах ставится под сомнение обоснованность утверждений, что экономические мотивы были главной причиной завоевательной политики царизма в Средней Азии. М. К. Рожкова, исследовавшая позднее в своей новой работе вопрос о торговых отношениях России со Средней Азией в 40—60-х годах XIX в., приходит к выводу, что политика царизма в отношении края была вызвана соперничеством с Англией¹⁷. Исследование М. К. Рожковой об экономических связях России с Средней Азией было опубликовано в 1963 г. в Москве. Это наиболее полный исторический труд по данному вопросу, который убедительно показывает, что в экономической взаимосвязи была польза для обеих сторон.

В 1969 г. в Ташкенте выходит в свет монографическое исследование Г. А. Хидоятова «Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70 гг.)». Оно посвящено одному из сложных вопросов международных отношений конца XIX в. — противоречиям между Россией и Англией в Средней Азии, в сущности отражавшим межимпериалистические отношения, складывавшиеся во всем капиталистическом мире в период перерастания капитализма в империализм. Привлечение обширных материалов английских и русских архивов, значительная часть которых еще не публиковалась ни в СССР, ни в зарубежных странах, и глубокое усвоение ленинского учения об империализ-

¹⁶ Рожкова М. К. Экономическая политика царизма на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.—Л., 1949.

¹⁷ Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией. 40—60-е годы XIX в. М., 1963. С. 236. Следует отметить, что М. К. Рожкова изучением мотивов колониальной политики царизма середины XIX в. занимается давно. Так, еще в своем исследовании «Экономическая политика царизма на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия», выпущенном в Москве—Ленинграде в 1949 г., она отмечала, что хотя политика Николая I на Среднем Востоке отвечала целям буржуазии, но интересы последней не занимали основного места в мотивах колониальной политики царского правительства — оно руководствовалось не ими, а задачами поддержания переживавшего кризис феодально-крепостнического строя.

ме позволили Г. А. Хидоятову прийти к выводу, что до 90-х годов XIX в. Россия продвигалась в Среднюю Азию прежде всего для того, чтобы осуществлять политическое давление на Англию, заставить ее опасаться за свои владения в Индии. В случае удачи Англия была бы обезврежена в вопросах о Черноморских проливах. Кроме того, правящие круги России не желали доводить дело до разрыва с Англией, понимая свою зависимость от нее во многих вопросах, в частности, в вопросе внешней торговли, ибо Англия была самым крупным потребителем русских традиционных товаров. Средняя Азия нужна была России для того, чтобы принудить Англию стать ее союзником¹⁸.

Положение меняется к 90-м годам, когда Средняя Азия приобретает большое экономическое значение для России. Г. А. Хидоятов при написании монографии «Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в.», внимательно изучив и широко использовав русскую прессу, обнаружил, что:

русская буржуазия в 60—80-х годах плохо представляла себе свои интересы в Средней Азии, и правительство вынуждено было объяснить ей выгоду расширения русско-среднеазиатской торговли. Положение во многом изменилось после 1885 г., когда в русской печати начали публиковаться сообщения о богатствах вновь завоеванного края, о блестящем будущем его эксплуатации. Однако даже после того потребовалось много лет, чтобы опыт эксплуатации Средней Азии подсказал русской буржуазии громадные возможности этого края;

основное внимание русской буржуазии, а следовательно и русской прессы, представлявшей ее интересы, в это время было обращено к Балканскому полуострову и Черноморским проливам. В связи с этим газеты обычно выражали недовольство попытками правительства распылять силы на другие мероприятия, в том числе и связанные со Средней Азией, которые они считали менее важными;

с середины 70-х годов русскую буржуазию сильно тревожили противоречия с Германией, которая не только препятствовала установлению влияния России в славянских странах, но и пыталась подчинить себе внутренний рынок России¹⁹.

Таким образом, Г. А. Хидоятов видит принципиальные различия в мотивах продвижения России в Средней Азии в середине и в конце XIX в., а именно: в 60—80-х годах политические интересы преобладали над экономическими, а с 90-х годов первоочередными стали экономические интересы одновременно с экономическим освоением края.

Точку зрения о преобладающей роли политических и стратегических мотивов в политике России в Средней Азии в 60—80-х годах XIX в., подчеркиваемой Г. А. Хидоятовым и другими авто-

¹⁸ Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-х гг.). Ташкент, 1969. С. 42.

¹⁹ См.: Там же. С. 23—24.

рами²⁰, разделяет доктор исторических наук А. М. Станиславская, написавшая главу о научных трудах по проблемам внешней политики России периода домонополистического капитализма в коллективном историографическом исследовании «Итоги и задачи изучения внешней политики России»²¹.

Активная роль русской прессы в формировании общественного мнения по проблеме среднеазиатской политики царизма в 60—70-х годах XIX в. рассматривается в интересной статье Г. Л. Дмитриева, в которой дается обзор полемики в столичных газетах России в связи с опубликованием отчета американского дипломата Е. Скайлера о поездке в Туркестанский край²². Автор статьи близко подходит к точке зрения Г. А. Хидоятова о том, что в 60—70-х годах XIX в. экономическая политика царизма в Средней Азии находилась под сильным влиянием его политических интересов. Это следует из того, что первое десятилетие колониального владычества царизма в Средней Азии продемонстрировало его неспособность оперативно разработать и осуществить «рациональную систему эксплуатации присоединенных территорий»²³. Российское правительство, утверждая колониальную политику в Туркестане, вместе с тем подтверждало, что «среднеазиатский вопрос все еще далек от своего разрешения и наряду со многими другими проблемами является весьма болезненным для самодержавия и по существу, и с престижной точки зрения»²⁴.

Позиция русской периодики относительно среднеазиатской политики царизма накануне присоединения и даже после образования в крае Туркестанского генерал-губернаторства оставалась неопределенной, в материалах прессы проглядывает их подчиненный характер. Это объясняется тем, что царское правительство понимало, как сильно влияет пресса на общественную мысль. Министр внутренних дел А. Е. Тимашев в речи, произнесенной в 1868 г. перед редакторами столичных изданий, заявил: «Правительство рассчитывает на поддержку со стороны печати и вы сами должны сознавать, какая серьезная лежит на вас ответственность. От вас зависит настроить в том или ином смысле общественное мнение... Известно, как оно складывается у нас: каждый читает утром, за чашкой кофе газету и в течение дня пробавляется тою мудростью, которую он в газете прочитал»²⁵. Министр не

²⁰ Мартиросов С. З. Англо-русское соперничество на Каспийском море и занятие царской Россией Красноводского залива (1969 г.) // Учен. зап. Туркм. гос. пед. ин-та. Сер. обществ. наук. Вып. 4. Чарджоу, 1965. С. 138.

²¹ Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография. М., 1981. С. 288.

²² Дмитриев Г. А. Депеша Е. Скайлера и проблемы среднеазиатской политики царизма 70-х гг. XIX в. // Материалы по истории, историографии и археологии. Сб. научных трудов № 517. С. 30—53.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 51.

²⁵ См.: Алексеенко В. Н. Освещение вопроса вхождения Средней Азии и Казахстана в состав России на страницах журнала «Русский Вестник». Алма-Ата, 1985. С. 26—36.

просто играл словами, при всем цинизме в его высказываниях была доля правды. Твердой официальной позиции в проведении среднеазиатской политики не было.

В какой-то мере точку зрения правительства отражали органы высшего министерства—«Русский инвалид» и «Военный сборник». Поэтому основные положения о ходе и причинах продвижения России в Среднеазиатском регионе столичные журналы черпали зачастую оттуда, тем более, что цензурный комитет отрицательно относился к возможности публикации материалов самостоятельного характера по вопросу политики России в данном регионе. Так, в циркуляре Главного управления по делам печати от 18 декабря 1885 г. указывалось, что «все подобные сведения должны быть заимствованы исключительно из «Русского инвалида»²⁶. Такая зависимость от официальной прессы, естественно, не афишировалась, но иногда редакции ссылались на источник информации. Например, заметка о внутреннем обозрении «Вестника Европы» о Хивинском походе начинается словами: «Из приказа и из сообщений «Русского инвалида» оказывается, что...»²⁷.

Достаточно внимания уделял причинам и ходу присоединения «Русский Вестник» (1856—1906 гг.), издававшийся М. Н. Катковым. Этот журнал занимал особое место в русской журналистике второй половины XIX в. Катков обычно чутко прислушивался к настроениям в правительственных сферах, и его журнал в определенной мере был официозом, влиятельным рупором как помещичьих, так и торгово-промышленных кругов. Журнал Каткова, обычно отражавший негативные позиции, имел большой вес²⁸.

В первые годы существования (1856—нач. 60-х годов) «Русского вестника» в нем практически отсутствовала среднеазиатская тематика, хотя это был период подготовки и начала решительных действий в данном регионе. Это объясняется двумя основными причинами. Во-первых, разрешение на издание «Русского Вестника» М. Н. Каткову было дано с условием, что летопись политических событий и военных действий будет представлять собою «без всяких собственных рассуждений» редакции лишь связный выбор известных сего рода из периодических изданий, в России выходящих²⁹. Во-вторых, это был период «либеральных настроений» издателя «Русского Вестника»—Каткова и Леонтьева, когда журнал находился в оппозиции к правительству и привлекал к сотрудничеству видных либеральных и демократических (М. Е. Салтыков-Щедрин) публицистов. Позиция «Русского вестника» этого периода проявляется в статье крупного русского экономиста Ю. А. Гегемейстера «Взгляд на промышленность и торговлю России»³⁰ (1857 г.). «Среднеазиатский регион далеко не

²⁶ ЦГАЛИ, ф. 472, оп. 1, д. 523, л. 28.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: Халф и Н. А. Политика России в Средней Азии. М., 1960. С. 154.

²⁹ ЦГАЛИ, ф. 195 (Вяземского), оп. 1, д. 724. Цит. по: Алексеев В. Освещение вопроса... С. 28.

³⁰ Русский Вестник. 1857. № 1. С. 5 52.

имеет той важности для русских фабрик, какую ему обыкновенно приписывают», — считает автор³¹. По его мнению, «одно лишь открытие богатых золотых россыпей в горах кокапдских могло бы оправдать временное развитие этой страны»³².

Таким образом, этой статьей «Русский вестник» определил свое отрицательное отношение даже ко временному занятию среднеазиатских ханств, не говоря уже о включении их в состав России.

Интересно, что изменившееся направление «Русского Вестника» в освещении среднеазиатской политики, начавшееся в начале 60-х годов XIX в., отмечено статьей того же Ю. А. Гагемейстера «О торговом значении Средней Азии и России»³³. Он уже не проионизирует по поводу активизации внешней политики в этом регионе, отмечая, что «мирное средство может быть гораздо тягостнее для государства, чем даже употребление военной силы»³⁴.

В отношении же к среднеазиатской политике окончательный поворот «Русского Вестника» к безоговорочной поддержке царизма происходит после подавления польского (1863 г.) восстания. Отличительной чертой этого журнала стал воинствующий шовинизм. Если раньше на его страницах появлялись статьи, где о народах Средней Азии и Казахстана говорилось с симпатией и уважением, то теперь это стало запретной темой.

Один из постоянных авторов «Русского Вестника» М. И. Веников был сторонником теории «естественных границ», которая изложена в его статье «Международные вопросы в Азии»³⁵. К этой теории «Русский Вестник» прибегал часто в конце 70-х — первой половине 80-х годов.

В. Н. Алексеенко в статье о «Русском Вестнике» обращает внимание на следующий примечательный факт. Пытаясь противопоставить «колоннальной» политике Англии «гуманность» России в Средней Азии, «Русский Вестник» частично пересматривает свое отношение к истории этого региона, признавая добровольность вхождения казахов в состав России и отмечая тенденции в среде среднеазиатского купечества и простого народа к принятию русского подданства. С урегулированием в середине 80-х годов англо-русских противоречий в Средней Азии и стабилизацией границы в этом регионе резко сокращается и количество публикаций по вопросам среднеазиатской политики.

Таким образом, присоединение Средней Азии к России уже в 60-е, особенно в 70—80-е годы XIX в. стало одной из актуальных проблем, оживлению обсуждавшихся русской прессой и публицистикой. Определенное внимание ей уделяли легальные революционно-демократические журналы, а также бесцензурные органы, изда-

³¹ Там же. С. 41.

³² Там же. С. 50.

³³ Русский Вестник. 1862. № 10. С. 706—736.

³⁴ Там же. С. 714.

³⁵ Русский Вестник. 1877. № 6. С. 489.

вавшиеся русской революционной эмиграцией за рубежом — лавровские журналы и газеты «Вперед», «Народное дело» и др.³⁶

Следует отметить, что в исследование вопроса о политике России в Средней Азии важный вклад внес Н. А. Халфин, создавший школу исследователей дореволюционной истории Туркестана и сопредельных стран Востока. После длительного изучения проблемы, связанной с политикой России и Англии в этом районе, он опубликовал несколько работ³⁷, в которых были представлены неизвестные ранее архивные документы, ярко свидетельствующие о направленности среднеазиатской политики царизма, ее главных мотивах, основных этапах ее развития. Н. А. Халфиным исследован широкий круг вопросов, связанных с присоединением Средней Азии к России и охватывающих огромный период — от подготовки завоевательных походов России в Среднюю Азию в 50-х годах до памирского разграничения, установившего в 1895 г. окончательные границы российских владений в Средней Азии.

Исследования Н. А. Халфина по проблеме присоединения Средней Азии к России отличаются широтой охвата источников, комплексным изучением, раскрытием достоинств и недостатков всех ранее опубликованных исследований. Его собственные выводы глубоко аргументированы и подкреплены достоверными фактами.

Вместе с тем глубокий анализ работ Н. А. Халфина, в частности, его книги «Присоединение Средней Азии к России», выявляет несколько слабые доводы автора при объяснении мотивов русского продвижения в Среднюю Азию, некоторое преувеличение экономических потребностей русской буржуазии в середине XIX в. и их роль в определении внешней политики царизма³⁸. Несомненно, стремление к новым рынкам имело определенное значение в по-

---

³⁶ Подробнее об этом см.: Дмитриев Г. Л. Средняя Азия и вольная русская печать 70-х годов XIX в. // Сб. научных трудов. ТашГУ: Изд-во ТашГУ, 1985. С. 10—22; Он же. Начало присоединения Средней Азии к России и русская революционно-демократическая публицистика (60-е годы XIX в.). Сб. научных трудов ТашГУ. Вып. 556. Ташкент: Изд-во ТашГУ, 1978. С. 44—53; Он же. Средняя Азия в русских революционно-демократических изданиях 60-х годов XIX в. // Сб. научных трудов ТашГУ. Вып. 582. Ташкент: Изд-во ТашГУ, 1981. С. 39—56.

³⁷ Халфин Н. А. Три русские миссии. Из истории внешней политики на Среднем Востоке во второй половине 60-х годов XIX в. Ташкент, 1965; Он же. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.). Ташкент, 1957. С. 252; Он же. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX—начало XX в.). М., 1959. С. 210; Он же. Политика России в Средней Азии (1857—1868). М., 1960; Он же. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М., 1965. С. 468. Последняя из приведенных монографий Халфина о присоединении Средней Азии к России построена на большом архивном материале и является углубленным исследованием проблемы. Следует отметить, что редактировала эту монографию З. Д. Кагельская, автор статьи «К истории англо-русского соперничества в Средней Азии (с первой половины XIX в. — по 1907 г.)», помещенной еще в 1934 г. во втором номере журнала «На зарубежном Востоке».

³⁸ См.: Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М., 1965. С. 137.

литике России в Средней Азии, но представлять его как решающий фактор в русской политике в этом регионе в середине XIX в. методологически не верно. Об этом косвенно свидетельствует также пресса 60—80-х годов XIX в., в частности «Русский Вестник» и вольная русская печать в эмиграции, с материалами которых регулярно знакомилась К. Маркс и Ф. Энгельс³⁹.

Концепция Г. А. Хидоятова, определяющая предпосылки и мотивы продвижения царской России в Среднюю Азию в 50—60-е годы XIX в. аргументированно поддержана Н. С. Киняпиной, известной исследовательницей внешней политики России дооктябрьского периода⁴⁰. Политика русского правительства в Средней Азии в середине XIX в. свидетельствует о том, подчеркивает Н. С. Киняпина, что главными ее мотивами были соображения политические: стремление ослабить позиции Англии на Среднем Востоке, не позволить Лондону создать там блок государств, направленный против России, получить от Англии уступки в ближневосточном вопросе. Исследователь приводит высказывание Ленина о том, что русский капитализм обосновывается на окраинах России первоначально как сила политическая и лишь впоследствии — как экономическая. «Экономическое «завоевание» его (Кавказа.— Г. А.) Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое, а вполне это экономическое завоевание не закончено и поныне»⁴¹.

Раскрывая конкретные проявления этого процесса на Кавказе, Ленин писал: «Нам нет надобности добавлять, что то же самое происходило и происходит и в Средней Азии, и в Сибири, и т. д.»⁴². Но признание ведущей роли политического фактора не снимает экономического значения Средней Азии для России, которое, правда, проявилось значительно позднее, в период непосредственного освоения края как колонии империализма. Об этом свидетельствуют богатые документальные данные из архивов СССР, приводимые ташкентским исследователем М. И. Вексельманом в его монографии «Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX—начало XX в.)»⁴³.

После присоединения Средней Азии к России здесь была установлена военно-административная система управления, подчиненная Военному министерству. Туркестанский генерал-губернатор был объявлен полным хозяином в крае. По законам Российской империи, «...генерал-губернаторы суть главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государст-

³⁹ См.: Очерки по истории русской журналистики и критики. Вторая половина XIX в. Л.: изд. ЛГУ, 1965. С. 347.

⁴⁰ Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1947. С. 280.

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 594.

⁴² Там же. С. 595.

⁴³ Вексельман М. И. Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX—начало XX в.). Ташкент: Фан, 1987.

ва и точного исполнения законов»⁴⁴. В рескрипте о полномочиях, данных Александром II первому туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману, было сказано: «Мы признаем за благо снабдить нашим высочайшим полномочием нашего туркестанского генерал-губернатора, генерал-адъютанта Константина Кауфмана и уполномочиваем его к решению всех политических, пограничных и торговых дел, к отправлению в определенные владения доверенных лиц для ведения переговоров и к подписанию трактатов, условий или постановлений... Обещаем императорским словом нашим за нас и преемников наших за благо принять все, что в силу сего означенного уполномоченным нашим заключено и подписано будет»⁴⁵.

Основной задачей туркестанской администрации в 60—80-е годы было осуществление военных акций царизма. Сфера ее деятельности направлялась в первую очередь интересами политической борьбы. В решении этой задачи были достигнуты крупные успехи, и в состав России вошли новые обширные районы. Вместе с тем туркестанская администрация как основная часть бюрократического государственного аппарата ратовала за экономическую эксплуатацию присоединенного края, что отвечало коренным интересам феодально-помещичьей верхушки и торгово-промышленных кругов России. Темпы экономического освоения Туркестана значительно ускорились со второй половины 80-х годов XIX в. — в период правления краем Н. О. Розенбаха (1884—1889 гг.), третьего генерал-губернатора после К. П. Кауфмана и М. Г. Черняева. Именно Н. О. Розенбах, хорошо понимая задачи экономической эксплуатации края, активно содействует развитию хлопководства, шелководства, строительству промышленных предприятий по переработке сырья. Для привлечения русской буржуазии к богатейшим источникам сырья и рынку сбыта в 1885—1886 гг. устраиваются сельскохозяйственные выставки, на которых был представлен кустарно-промышленный и фабрично-заводской отдел.

Н. О. Розенбах активно осуществляет мероприятия правительства и по железнодорожному строительству. Принимая участие в обсуждении вопроса о строительстве железных дорог в Комитете Министров, он доказывает необходимость скорейшего продолжения Закаспийской железной дороги до Самарканда. Во «всеподданнейшем» отчете за 1887 г. Розенбах предлагает и обосновывает доведение дороги до Ташкента и в 1888 г. получает разрешение Военного министерства на ее строительство⁴⁶.

⁴⁴ Свод законов Российской империи. Т. II. Ч. 2. СПб., 1892. С. 32.

⁴⁵ ЦГА УзССР, ф. II-1, оп. 34, д. 8, л. 21.

⁴⁶ С именем Н. О. Розенбаха и его администрации связано полное восстановление фондов Туркестанской публичной библиотеки, создание сети русско-туземных школ, приходских училищ, издание русского аналога «Туркестанский туземный газет» (1885 г.) и т. д.; См.: Абдурахимова Н. А. Из истории туркестанского чиновничества второй половины XIX — начала XX в. // Сб. научных трудов ТашГУ. Ташкент: изд. ТашГУ, 1985. С. 32—47.

Все это позволяет сделать вывод, что, перефразируя слова В. И. Ленина из его фундаментальной работы «Развитие капитализма в России», экономическое «завоевание» царизмом Средней Азии совершилось гораздо позднее, а именно с середины 80-х годов XIX в. Для этого Россия должна была перейти полосу, когда она была «на волосок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии»⁴⁷. И этот «дележ добычи» был решен в пользу России, уже в сентябре 1885 г. была достигнута договоренность об определении направления северо-западной границы Афганистана и его размежевании с Туркестанскими землями, вошедшими в состав Российской империи. Через два года, в 1887 г., был подписан окончательный протокол, по которому определяется русско-афганская граница от реки Герируд на западе до Амударьи на востоке.

Таким образом, в 80-х годах XIX в. завершился процесс присоединения Среднеазиатского региона к многонациональной Российской империи. Что касается «памирского вопроса», если рассматривать его в плане англо-русских противоречий, то он был решен безболезненно в 1895 г. и не привел Россию в состояние войны с Англией. Пограничная линия империи в крае приняла окончательный характер. Начался период активного экономического освоения Среднеазиатского региона.

В связи с этим уместно привести интересные суждения по поводу мотивов завоевания Россией новых территорий, высказанные Р. Люксембург в брошюре «Кризис социал-демократии». Отметив, что Россия довела до конца свои завоевания на Востоке, она пришла к следующему заключению: «В России, так же, как и в других западных государствах, империализм складывается из различных элементов, но его *сильнейшим побудителем* (выделено мною.— Г. А.) является не экономическое расширение жаждущего своего применения капитала, как Германия и Англия, но политические интересы государства. Действительно, русская индустрия, как это вообще типично для капиталистического производства, при несовершенствах своего внутреннего рынка стремилась к экспорту на Восток — в Китай, Персию, Среднюю Азию, и царское правительство стремится всеми силами использовать этот вывоз как удобный предлог для своих агрессивных целей. Однако государственная политика являлась здесь активной, а не пассивной силой»⁴⁸. В. И. Ленин обратил внимание на эту мысль, записав, что «...в России империализм «не» столько *«экономическая экспансия»*, сколько *«политический интерес государства»*»⁴⁹.

---

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 186.

⁴⁸ Люксембург Р. Кризис социал-демократии. М., 1924. С. 43.

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 284. На данное определение свойства империализма в России, сделанное В. И. Лениным в связи с мнением Р. Люксембург о мотивах завоевания Россией новых территорий впервые в советской исторической литературе обратил внимание П. У. Хамдамов.— См.:

Внимательное изучение книги «Развитие капитализма в России», «Подготовительных материалов к книге», классического труда «Империализм как высшая стадия капитализма», «Тетрадей по империализму»⁵⁰ свидетельствует о том, что В. И. Ленин глубоко исследовал русскую и зарубежную литературу о Средней Азии, ставшей к 80-м годам прошлого столетия частью Российской империи. Ленин знал, что Средняя Азия издавна рассматривалась как перспективный регион сбыта и потенциальный источник сырья⁵¹, значение которого повысилось во время Крымской войны⁵² и мирового хлопчатобумажного кризиса из-за гражданской войны в США⁵³. В ряде источников приводились данные о резком падении импорта американского хлопка в результате гражданской войны в США и расширении поставок на российский рынок среднеазиатского хлопка, цены на который подскочили в несколько раз⁵⁴.

Благоприятные условия для развития текстильной промышленности в Европейской России и хлопководства в Средней Азии создавала протекционистская политика царизма. Однако для обеспечения развития хлопководства в Туркестане необходим был фактор времени: создание плантаций для выращивания этой ценнейшей экспортной технической культуры требовало ломки психологии десятков тысяч дехканских масс, зачастую не занимавшихся ранее этим делом, подготовки их к капиталистическому сельскохозяйственному производству. Этого можно было достичь только с середины 80-х годов, когда фактически завершился процесс присоединения и экономического подчинения края России. А пока резкое снижение доли импорта в Россию американского хлопка в 60-х годах компенсировалось в значительной мере за счет ввоза этого сырья из стран Востока, главным образом из Индии. В 60-х годах предприятия текстильной промышленности России потребляли ежегодно 3,5 млн пудов хлопка, из них около 1 млн пудов индийского. Всего Индия экспортировала в этот период более 5 млн пудов этого сырья. Следовательно, почти пятая его часть попадала в Россию. По подсчетам русских экономистов, каждая третья отечественная текстильная фабрика работала на индийском хлопке⁵⁵.

Хамдамов П. У. Вопросы истории национально-освободительного движения в ленинском наследии. Ташкент: Узбекистан, 1980. С. 117—118.

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3; 27; 28; О и же. Подготовительные материалы к книге «Развитие капитализма в России»//Ленинский сборник. Кн. XXXII.

⁵¹ Семенов А. В. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г. Ч. 3. Спб., 1859.

⁵² Семенов А. В. Указ. соч. С. 192, 314 (в этот период провоз хлопка по сравнению с 30-ми годами увеличился вдвое, азиатский рынок обеспечил сбыт изделий русской текстильной мануфактуры).

⁵³ Военно-статистический сборник. Вып. IV. Россия. Спб., 1971. С. 652.

⁵⁴ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1898. С. 58—59, 306—308.

⁵⁵ См.: Россия и Индия. М.: Наука, 1986. С. 166.

Однако сомнительно, чтобы в движении России в Среднюю Азию в период после Крымской кампании сыграло существенную роль, как утверждает ряд авторов⁵⁶, стремление иметь источники сырья для текстильной промышленности. Русская текстильная промышленность работала в основном на американском хлопке, и все оборудование, ввозимое главным образом из Англии, было приспособлено к производству пряжи высоких номеров — 40 и 100. Среднеазиатский хлопок по своим физическим свойствам значительно отличался от американского: его волокно было короче, при выработке пряжи отходов было на 20% больше. Только в примеси с американским хлопком он мог употребляться для производства толстой пряжи не выше номера 20. Вследствие этого до конца XIX в. среднеазиатский хлопок не имел большого значения для русской текстильной промышленности⁵⁷.

Увеличение ввоза хлопка из Средней Азии в период гражданской войны в США и последовавший затем хлопковый кризис в Европе сменились в 70—80-х годах новым ростом импорта из Соединенных Штатов Америки. В 1881 г. из США было ввезено 8254 тыс. пудов хлопка, а по азиатской границе, т. е. главным образом из Средней Азии — 313 тыс. пудов; в 1893 г. эти показатели составили соответственно 7630 тыс. и 880 тыс. пудов⁵⁸. Таким образом, если в 1881 г. доля Средней Азии в общем импорте хлопка в Россию составляла 3,7%, то в 1893 г. она повысилась до 10,1%, и лишь в начале XX в. туркестанский хлопок в результате улучшения его физических свойств, достигнутого на основе скрещивания с американским, занял главное место в русском хлопковом балансе.

Налаживание в Туркестане производства хлопка для русской текстильной промышленности происходит в тот период, когда проникновение русского капитала в экономику Туркестана, Хивы и Бухары со строительством Закаспийской железной дороги, затем сооружением в начале XX в. Ташкент—Оренбургской железной дороги привело к объединению Средней Азии в экономическое целое с Россией. В книге «Развитие капитализма в России» Ленин приходит к выводу, что колонизация окраин, т. е. их успешное экономическое освоение относится к концу XIX — началу XX в. (до первой мировой войны).

С исторической точки зрения по проблеме присоединения края к России чрезвычайно интересна записка, сделанная В. И. Лени-

⁵⁶ С. Л.: Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М., 1965. С. 144—146; Манганов Б. Из истории русско-иранских отношений конца XIX — начала XX века. Ташкент, 1964. С. 43—44; Бунаков Е. В. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. // Советское востоковедение. Т. II. М.—Л., 1941. С. 22; История Узбекской ССР. Ташкент, 1956. Т. I. Кн. 2. С. 86, и др.

⁵⁷ Бродовский М. Колониальное значение наших среднеазиатских владений для внутренних губерний. М., 1861. С. 13.

⁵⁸ Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 1893 г. СПб., 1895. С. XVIII, XIX. Последние данные цит. по: Хидоятов Г. А. Британская экспансия в Средней Азии. С. 29—30.

гым при чтении брошюры Р. Люксембург «Кризис социал-демократии». В. И. Ленин поддержал точку зрения Р. Люксембург относительно соотношения политического и экономического факторов в восточной политике царизма, т. е. также пришел к выводу, что в период завоевания Средней Азии царизмом политический фактор превалировал над экономическим. В. И. Ленин четко определил периоды господства царизма в крае, когда в его политике главными мотивами были политические и экономические интересы. Это свидетельствует о том, что советские историки долгое время, мягко говоря, ломались в открытую дверь в вопросе определения мотивов и причин, толкавших царизм на завоевание и колонизацию обширных районов Средней Азии и Казахстана. Глубокое овладение марксистской методологией исследования и изучение проблемы в ее диалектическом развитии помогло в последние годы Г. А. Хидоятову, П. У. Хамдамову, Н. С. Княппину, М. М. Блиеву, В. В. Дегоеву и др.⁵⁹ прийти к правильному выводу о том, что главными побудительными мотивами в политике царизма в Туркестане, Хиве и Бухаре в 50—70 годах, отчасти и в 80-е годы, были политические интересы, и только с 90-х годов экономический фактор стал играть определяющую роль.

На протяжении многих лет Н. С. Княппина⁶⁰, глубоко и плодотворно разрабатывающая историографические проблемы внешней политики России в XIX в., указывает на правомерность точки зрения о преобладании в продвижении России в Средней Азии политических мотивов. В то же время, не отрицая значения Средней Азии для русской экономики, она полагает, что главную роль играли политические и военные соображения — стремление ослабить позиции Англии на Среднем Востоке. Среднеазиатское направление русской внешней политики автор считает зависимым и подчиненным направлению ближневосточному⁶¹.

Много лет спустя, после выхода в свет монографии «Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в.»

⁵⁹ Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-е годы). Ташкент, 1969; Он же. Строительство социализма в Средней Азии и современный гиттокмунизм. Ташкент: Узбекистан, 1978; Хамдамов П. У. Вопросы истории национально-освободительного движения в ленинском наследии. Ташкент: Узбекистан, 1980; Княппина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII—80-е годы XIX в.). М.: Изд-во Московского университета, 1984.

⁶⁰ Княппина Н. С. Политика русского самодержавия в области промышленности. М., 1948. Т. IV; Она же. Источники по истории внешней политики России XIX в. // Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в. М., 1970; Она же. Проблемы европейской и ближневосточной политики России в эпоху советской публикации документов, Международные отношения и внешняя политика СССР. История и современность. М., 1977; Княппина Н. С., Георгиев В. А. Первая серия публикации документов российского Министерства иностранных дел // Новая и новейшая история. 1977. № 1.

⁶¹ Княппина Н. С. Средняя Азия во внешнеполитических планах царизма (50—80-е годы XIX в.) // Вопросы истории. 1974. № 2; Она же. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974.

Г. А. Хидоятов возвращается снова к изучению экономических и политических аспектов присоединения Средней Азии к России в своей новой книге «Британская экспансия в Средней Азии (Пенде, март 1885 г.)», изданной в 1981 г.⁶² На основе новых архивных материалов и дореволюционной литературы он показывает, что с развитием промышленности в России в середине XIX в. масса ее изделий направлялась на азиатские рынки. Однако это не дает основания для преувеличения роли торгового фактора в движении России в Среднюю Азию в середине XIX в. Расширение торговли в Азии, в частности в Средней Азии, было результатом действия скорее объективных процессов развития капитализма в России, нежели воплощением сознательных побуждений русской буржуазии. Несомненно, этим и объясняется, что вплоть до конца 80-х годов в ее среде отсутствовало единое мнение о роли русских вкладов в Средней Азии для развития российской промышленности.

Большой интерес в научной среде вызывает вопрос о том, занимала ли Средняя Азия самостоятельное место во внешней политике России или же место это принадлежало только Ближнему Востоку, Черноморским проливам и Балканам. Н. А. Халфин отстаивает точку зрения о самостоятельной роли среднеазиатского направления во внешней политике России и в то же время отмечает связь его с проблемами Ближнего Востока⁶³. Такого же мнения придерживается и Ю. А. Соколов, утверждая, что среднеазиатские рынки являлись для России жизненной потребностью (речь идет о 60-х годах XIX в.)⁶⁴. Автор исследований А. Я. Соколов также выступил с критикой концепции о преобладании политических мотивов в присоединении Средней Азии и подчиненной роли среднеазиатского направления внешней политики по сравнению с ближневосточным. По его мнению, после 60-х годов XIX в. можно говорить не о зависимости, а лишь о взаимовлиянии положения на Ближнем Востоке и в Средней Азии⁶⁵.

Экономические перемены в народном хозяйстве Туркестана и зависимых ханств, происходившие после присоединения, отражены в работах И. Ф. Гиндина, И. Гафурджановой, А. Р. Нежиженко, И. Курбатовой, В. А. Алимухамедова и других среднеазиатских историков⁶⁶, которые впервые вводят в научный оборот большой

⁶² Хидоятов Г. А. Британская экспансия в Средней Азии (Пенде, март 1885 г.). Ответственный редактор академик АН СССР А. Л. Нарочницкий. Ташкент: Фан, 1981.

⁶³ Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981. С. 290.

⁶⁴ Соколов Ю. А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965.

⁶⁵ Он же. Торговая политика России в Средней Азии и развитие русско-афганских торговых отношений. Ташкент, 1971.

⁶⁶ Гиндин И. Ф. К вопросу об экономической политике царского правительства в 60—80-х годах XIX в. // Вопросы истории. 1959. № 5; Гафурджанова И. Из истории строительства Ферганской железной дороги (1900—1917). Научные работы и сообщения отделения общественных наук АН УзССР. Кн. 2. 1961. С. 305—313; Ахмеджанова З. К. Из истории строительства

фактический материал по различным вопросам экономической жизни Средней Азии.

Влияние присоединения среднеазиатских земель к Российскому государству на развитие торговли и политики среднеазиатских государств отражено в работах М. А. Бабаходжаева, Н. А. Халфина, А. Я. Соколова, У. Рустамова, Б. Маннанова и других историков⁶⁷.

В монографии Б. Маннанова исследованы вопросы истории политических, экономических и культурных связей России с Ираном, осуществляемых через Среднюю Азию. На основе многочисленных источников и обширной литературы показывается, что присоединение Средней Азии к России, имевшее прогрессивные последствия для народов Туркестана, способствовало одновременно установлению более тесных взаимоотношений между Россией и соседними со Средней Азией странами Востока, в том числе с Ираном. Особого внимания заслуживают разделы работы, посвященные отмене рабства и ликвидации аламушщины в Средней Азии после присоединения ее к России, а также укреплению дружественных отношений между народами Ирана и Туркестана во второй половине XIX — начале XX века⁶⁸.

Среднеазиатской, Ферганской и Бухарской железных дорог//Ученые записки ТашГПИ. Вып. 2. Ч. 3. Ташкент, 1962: Ковалев П. А., Рахматов М. Страницы строительства Бухарской железной дороги в 1914—1916 гг. Труды ТашГУ. Нов. сер. Вып. 142. Истор. науки. Кн. 30. Ташкент, 1958. С. 85—114; Неживенко А. Р. Из истории образования всероссийского рынка (на материалах Туркестанского края)//Общественные науки в Узбекистане. 1961. № 7. С. 25—30; Шмидт Р. З. Об эволюции ремесла в Туркестанском крае в связи с проведением Среднеазиатской железной дороги//Известия АН УзССР. Сер. обществ. наук. 1959. № 2. С. 35—41; Курбатов И. Возникновение и рост хлопкоочистительной промышленности в Туркестане в конце XIX — начале XX в.//Научные работы и сообщения отделения общественных наук АН УзССР. Кн. 6. Ташкент, 1963. С. 213—217; Алимухамедов В. А. Хлопкоочистительная промышленность дореволюционного Узбекистана//Сб. научно-исследовательских работ. Ташкент: Ташкентский текстильный институт, 1957; Ульмасов А. К вопросу о первых монополиях в Туркестане//Известия АН УзССР. Сер. обществ. наук, 1959. № 1. С. 53—59; Вяткин М. П. Монополистический капитал в Средней Азии. Фрунзе, 1962.

⁶⁷ Бабаходжаев М. А. Русско-афганские торгово-экономические отношения во второй половине XVIII — начале XX в. Ташкент, 1965; Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857—1868). М., 1960; Он же. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965; Соколов А. Я. Присоединение Средней Азии к России и развитие русско-афганских торговых отношений//Научные труды ТашГУ. Вып. 339. Ташкент, 1964; Рустамов У. Из истории английской агрессии на границах Памира в конце восьмидесятых и в начале девяностых годов XIX в.//Труды ИВ АН УзССР. Ташкент, 1954. С. 79—79; Ильясов А. Авантюрная деятельность английских агентов в Мургабском оазисе в момент его присоединения к России//Ученые записки Марийского женского пединститута. Вып. 1. 1957; Искандеров Б. И. Англо-русское соглашение 1895 года о Памире//Труды Таджикского университета. Сер. истор. наук. Т. 27. Вып. 1. С. 125—154; Маннанов Б. Присоединение Средней Азии к России и Ирану//Краткие сообщения Ин-та народов Азии. 1962. № 9; Он же. Из истории русско-иранских отношений конца XIX — начала XX века. Ташкент, 1964.

⁶⁸ См.: Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений конца XIX — начала XX века. С. 76—85, 131—142.

Присоединение Средней Азии к России, имевшее огромное прогрессивное значение, сказалось и на развитии экономических и культурных связей среднеазиатских народов с народами сопредельных стран Востока, в том числе Индии. П. Н. Расул-заде⁶⁹ на основе обширных архивных материалов и источников анализирует экономические, политические и культурные связи среднеазиатских народов с Индией в период присоединения Средней Азии к России и в последующие годы, деятельность индийских ростовщиков в Средней Азии во второй половине XIX в. Несмотря на значительное количество источников, история связей народов Средней Азии и Индии еще не получила достаточного освещения, а русско-индийские политические отношения через Туркестан второй половины XIX — начала XX в. не были предметом специального исследования, поэтому изучение данного периода, весьма важного в развитии отношений между Россией и Индией, имеет не только большое научное, но и актуальное политическое значение.

В монографии А. Я. Соколова⁷⁰, содержащей большой архивный материал, рассматриваются характер и объем русско-афганских торгово-экономических отношений через Русский Туркестан, Бухару и Хиву во второй половине XIX — начале XX в., подчеркивается их взаимовыгодный характер, особенно то обстоятельство, что тем самым обеспечивался единственно надежный выход традиционным афганским, а через Афганистан и индийским товарам на внешний рынок. Это было чрезвычайно важно для Афганистана, у которого другие пути на внешний рынок были заблокированы Великобританией и соседним Ираном и торговля через них и с ними носила постоянно колеблющийся и конъюнктурный характер, к тому же в отличие от торговли с Россией безопасность ее никогда не была гарантирована.

Как видно из работ А. Я. Соколова, М. А. Бабаходжаева, Б. С. Маннанова, П. Н. Расул-заде, соседство с великой Россией и торгово-экономические отношения с ней обеспечивали Афганистану и отчасти Ирану прочный независимый экономический статус, позволили сохранить абсолютно неподчиненный характер положения этих стран в международном плане. Что касается Индии, то у нее появилась, хотя иллюзорная, но надежда пойти в лице России поддержку в священной борьбе за избавление от ненавистной английской тирании.

В шестидесятых годах продолжалось напряженное исследование истории рабочего и революционного движения в Средней Азии в начале нынешнего столетия⁷¹. Исследователи отмечают,

⁶⁹ Расул-заде П. Н. Из истории среднеазиатско-индийских связей второй половины XIX — начала XX века. Ташкент, 1968.

⁷⁰ Соколов А. Я. Торговая политика России в Средней Азии и развитие русско-афганских отношений. Ташкент: Фан, 1971.

⁷¹ Холмухамедов М. Туркестан: марксизм-ленинизм идеология таркалши. Тошкент, 1962; Деева Е. Революционные выступления рабочих Туркестана в октябре — ноябре 1905 г. Дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1962;

что классовая борьба в Средней Азии стала частью общего революционного движения в царской России, для которого характерным было переплетение буржуазно-демократических требований с задачами национально-освободительного движения. В 1905—1907 гг. в Средней Азии оживились националистические настроения в среде феодальных и буржуазных элементов, которые стремились извратить прогрессивные устремления трудящихся к освобождению от национального гнета. Народные массы Средней Азии видели в империализме в отношении шовинизма русском пролетариате⁷² союзника и принимали непосредственное участие в революции 1905—1907 гг.⁷³ История опровергает мифы и небылицы буржуазных апологетов о чисто «русском» характере революции 1905—1907 гг.⁷⁴

Историки видят огромную заслугу в распространении марксистской идеологии в Средней Азии в самоотверженной пропагандистской и агитационной работе, которую осуществляли представители революционного русского пролетариата — В. Д. Корюшин, А. Р. Бахарев, М. Р. Вердянин, Т. И. Ивлев и многие другие революционеры, связавшие свою благородную деятельность со Средней Азией⁷⁵.

Огромна была роль большевистской печати в революционном движении в Туркестане в период трех революций в России, когда происходил процесс слияния пролетарского движения с крестьянским и национально-освободительным движением, обеспечившим победу Октябрьской революции в Средней Азии и Казахстане. Интересные материалы об этом приводятся в исследовании А. Акбарова⁷⁶.

В советской историографической летописи о периоде присоединения и власти царской администрации в Туркестане — 1865—1917 гг. особое место занимает исследование и освещение восстания 1916 г. — наиболее яркого события в истории освободительного

Мазаева Л. М. К развитию революционного движения в Туркестане в 1905 г.// Труды ТашГУ. Вып. 287. 1966. С. 110—114; Убайдуллаев С. На заре революции. Очерк революционного движения в Средней Азии в канун Октября. Ташкент, 1967. Большим подспорьем для разработки тем по данной проблематике для исследователей является публикация Институтом истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР сборника архивных документов и материалов «Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркестане в 1881—1907 годы» под ред. Б. Курбанова, Л. Р. Семеновой. Ашхабад, 1962.

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 331.

⁷³ См.: Деева Е. Туркестанцы и революция 1905—1907 годов//Коммунист Узбекистана. 1986. № 2.

⁷⁴ Абуталипов А. Революция 1905—1907 годов в Средней Азии: буржуазные мифы и реальность истории, Коммунист Узбекистана. 1986. № 1.

⁷⁵ Холмухамедов М. Туркистонда марксизм-ленинизм идеяларининг тарқалиши. Тошкент, 1962. 19-бет.

⁷⁶ Акбаров А. Большевикская печать и революционное движение в Туркестане (1900—1917 гг.). Ташкент: Узбекистан, 1984. — См. рецензию: Хидоятов Б. Роль большевистской печати в революционном движении в Туркестане//Коммунист Узбекистана. 1986. № 1.

движения народов края накануне Великого Октября. У исследователей сложилась единая точка зрения, что это восстание представляет собой поворотный пункт в расширении фронта освободительного движения на основе слияния освободительной борьбы передовых трудящихся масс с революционным движением российского пролетариата против самодержавия и буржуазии. Восстание знаменовало отход местных трудящихся от сформировавшейся к этому времени национальной буржуазии, своих эксплуататоров, разоблачивших себя как проводников колониальной политики царизма.

Восстание 1916 г., начавшееся как стихийное проявление возмущения народных масс против колониального гнета и феодально-капиталистической эксплуатации и сопровождавшееся кратковременными разобщенными выступлениями, впоследствии переросло в одно из крупных движений угнетенных народов не только на национальных окраинах царской России, но и во всех колониальных странах в период первой мировой войны.

У среднеазиатских историков сложилось единое мнение о причинах, характере, этапах, специфических чертах, историческом значении этого сложного массового движения, продолжавшегося более полугода и охватившего обширный регион, в разных частях которого существовали различные социально-экономические условия, что отражалось по-своему в каждом районе⁷⁷. В связи с 70-летием восстания 1916 г. в журналах «Коммунист Узбекистана» (1986, № 7) и «Общественные науки в Узбекистане» (1986, № 7) были опубликованы интересные статьи Х. Турсунова, М. Г. Вахабова, С. М. Намазова, Д. Зияевой⁷⁸, посвященные историческому значению и отдельным аспектам восстания. Несомненно, интерес исследователей к восстанию 1916 г. не будет ослабевать, ибо это составная часть общероссийского революционного движения, которое привело все народы Российской империи к февральской и Октябрьской революциям.

Многочисленный фактический материал, содержащийся в работах, посвященных проблеме культурного сближения русского и среднеазиатских народов⁷⁹, свидетельствует о том, что дружба

⁷⁷ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. М., 1960; Турсунов Х. Т. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962; Он же. Узбекистанда 1916 йил халк кузгонлари. Тошкент, 1967; Сулейманов Б. С. Восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1977; Ковалев П. А. Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны. Ташкент, 1953.

⁷⁸ Турсунов Х. Т. Историческая веха в борьбе угнетенных народов царской России. К 70-летию народного восстания 1916 года в Туркестане//Коммунист Узбекистана. 1986. № 7; Вахабов М. Г. Восстание 1916 года — поворотный пункт освободительного движения народов Туркестана//Общественные науки в Узбекистане. 1986. № 7. С. 26—36; Намазов С. М. Восстание 1916 года в Самаркандском уезде//Общественные науки в Узбекистане. 1986. № 7. С. 36—38; Зияева Д. Первые публикации о восстании 1916 года в Средней Азии и Казахстане//Общественные науки в Узбекистане. 1986. № 7. С. 38—44.

⁷⁹ Чабров Г. Н. Опыт разработки хронологии культурной жизни дорево-

между различными народами, населявшими Российскую империю, развивалась вопреки великодержавной политике царских властей и национализму ханов и зарождающейся местной буржуазии.

Демократически настроенные русские ученые способствовали восстановлению подлинного значения культурного прошлого среднеазиатских народов и выдающихся достижений средневековых ученых Бухары и Самарканда.

Под влиянием передовой русской культуры, глубоко антирелигиозной по своей сущности, после присоединения стало ослабевать воздействие мусульманского духовенства на массы. В результате преобразования производственных отношений в Средней Азии, возникновения революционного движения, просветительской работы русских и местных прогрессивных деятелей, тесного общения русского и местного населения в определенной мере изменилось положение женщин коренных национальностей. Однако эти перемены были поверхностными, они затронули лишь некоторые слои городского населения, да и «в условиях царской России, где даже русские женщины не были фактически полноправными, не могло быть и речи о равноправии женщин местных национальностей»⁸⁰.

Осторожно приходится подходить также к оценке результатов просветительской работы. В дореволюционное время в Средней Азии преобладали религиозные школы, качество обучения в которых оставляло желать много лучшего, а «туркестанские власти избегали касаться учебной жизни тех мусульманских школ, где обучали по-средневековому»⁸¹, изучение русского языка не получило широкого распространения.

люционного Туркестана//Научные труды ТашГУ. Вып. 281. 1966. С. 43—52; Перепелицина Л. А. Влияние русской культуры на культуру народов Средней Азии. Ташкент, 1960; Соатов С. Урта Осиёнинг Россияга қўшиб олиниши ва унинг прогрессив аҳамияти. Тошкент, 1966. (Присоединение Средней Азии к России и его прогрессивное значение); Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность (конец XIX — начало XX века). Ташкент, 1962; Он же. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958; Шмачков П. А. Роль русских крестьян-переселенцев в развитии сельского хозяйства Туркестана (1867—1917)//Вестник Каракалпакского ФАН УзССР. 1961. № 1. С. 40—48; Чабров Г. Н. Туркестан на всероссийских и всемирных выставках//Труды ТашГУ. Нов. сер. Вып. 142. Ист. науки. Кн. 30, 1958. С. 41—60; Черданцев Г. Н. Влияние присоединения Узбекистана к России на положение узбекской женщины//Известия АН УзССР. Сер. общественных наук. 1959. № 2. С. 42—47; Дмитриев Г. Л. и Вексельман М. Туркестанское земледелие в Петербурге//Звезда Востока. 1960. № 8. С. 159—160.

⁸⁰ Черданцев Г. Влияние присоединения Узбекистана к России на положение узбекской женщины//Известия АН УзССР. Сер. обществ. наук. 1952. № 2. С. 42—47.

⁸¹ История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1968. С. 400.

Глава IV

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ В РЕСПУБЛИКАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ

Качественно новым явлением в историографии Средней Азии 50—60-х годов следует признать развертывание научно-исследовательской работы непосредственно в среднеазиатских республиках. Вплоть до сороковых годов востоковедческая работа в основном сосредоточивалась в Москве, Ленинграде и Ташкенте, где имелись востоковедческие кадры и хранилось большое количество исторических материалов.

Расширилась география исторических научно-исследовательских учреждений. В настоящее время, например, проблема присоединения и его последствий успешно разрабатывается не только в Ташкенте, но и в других столицах среднеазиатских республик и даже в некоторых областных центрах, где имеются исторические кафедры местных учебных заведений.

Если раньше история периода второй половины XIX и начала XX в. обычно исследовалась в масштабах всей Средней Азии, то сейчас публикуется все большее число научных трудов по истории ханств, отдельных районов колониального Туркестана и среднеазиатских городов.

Прежде при изучении той или иной исторической проблемы чрезмерно использовались дореволюционные труды русских буржуазных историков, которые зачастую сознательно фальсифицировали события, чтобы обелить захватническую политику самодержавия и принизить коренное население. Теперь в исторических работах преобладают архивные материалы и рукописные источники, что обуславливает большую объективность этих исследований.

При наличии безусловно общих черт для процесса присоединения в различных районах Средней Азии он проходил своеобразно, тем более, что в этот период в Средней Азии процветал сепаратизм.

В крае существовали три самостоятельных ханства: Бухарское, Хивинское и Кокандское, постоянно враждовавшие между собою и вступавшие в вооруженные столкновения из-за территориальных притязаний. К тому же и сами ханства внутренне по-

литически были неустойчивы: Ташкентское бекство имело почти независимый статус по сравнению с Кокандским ханством и часть ташкентской знати тяготела к признанию сюзеренитета Бухары, нежели Коканда (именно это было одной из причин, позволивших царским войскам в июне 1865 г. сравнительно легко овладеть Ташкентом). Несколько своеобразным независимым статусом пользовались в разное время Чимкент, Алма-Ата, Бадахшан, Ходжент, Шахрисабз; ряд мелких бекств по правую сторону Амударьи оказывались в составе Бухары и Афганского государства при Дост-Мухаммеде. Много территорий было и в составе Хивинского ханства, куда вторгались войска иранских шахов, чтобы завладеть ими. Вхождение обширных территорий Кокандского ханства в сторону Оренбурга и Семиречья, населенных в основном казахским и киргизским народностями, в состав Российского государства началось задолго до начала непосредственного присоединения Туркестана к России¹.

Чрезвычайно сложная обстановка сложилась в крае накануне присоединения к России. При сохранении господствующего положения узбсков в среднеазиатских ханствах усиливалось стремление к самостоятельности других тюркских народностей — казахов, киргизов, туркмен, а также таджиков. Это были народности, имевшие общую и свою историю (особенно таджики, казахи, киргизы и туркмены); они были объединены главным образом по признаку религиозному: все эти народности исповедовали суннитский толк ислама, и феодальная деспотия умело держалась тесного союза с мусульманской иерархией, совместно обеспечивая эксплуатацию всех слоев трудящихся. Получалось так, что дехканские массы, ремесленники, кочевники-скотоводы, торговцы поклонялись одновременно феодалам, наместникам и эмиру или хану, а также духовенству. При этом власть имущие и их сатрапы во всех трех ханствах ограждали вакуфные земли, делали богатые приношения и отчисления из казны в пользу духовенства, показывая тем самым себя покорными слугами всевышнего и заставляя немущих смиряться с судьбою, «предначертанной им богом».

В такое смутное время простирали сюда свои щупальца английские колонизаторы, чтобы овладеть этим обширным краем. После Крымской кампании не прочь была установить свой сюзе-

¹ См.: Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М., 1965; Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Изд. 3-е, испр. и дополненное. М., 1955. С. 417—491; Давлетов Дж., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад, 1972. История Туркменской ССР. Т. 1. Кн. 2. Ашхабад, 1957; Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; Джамгерчинов Б. Д. Присоединение Киргизии к России. М., 1959; Усенбаев К. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960; История Узбекской ССР. Т. II. От присоединения узбекских ханств к России до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1969; История Узбекской ССР. С древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1974.

ренитет и Порты, вознамсрившись объединить под своим началом мусульманские страны всей Центральной Азии. Этим и обусловлена «децентрализация» проблемы присоединения Средней Азии к России и его последствий, характерная для современной историографии.

Узбекистан

Развитие исторической науки в Узбекистане на протяжении длительного времени связывалось с именами ташкентских ученых, и это естественно, ведь Ташкент еще в семидесятых годах прошлого века становится научным центром Средней Азии. После Октябрьской революции появляется возможность организации новых научно-исследовательских центров в Самарканде, Бухаре, Нукусе и других городах республики. Подготовка кадров историков обеспечивалась широкой сетью высших учебных заведений, не только осуществлялось обучение студентов, но и проводилась научно-исследовательская работа.

В дореволюционный период узбеки проживали на территории нескольких государственных образований, и это обстоятельство не могло не отразиться на историографии важнейших проблем исторического развития Узбекистана конца XIX — начала XX в. Благодаря положению, которое занимал узбекский народ в Бухарском, Хивинском, Кокандском ханствах и в Туркестанском крае, исследование истории Узбекистана часто ассоциировалось с историей всей Средней Азии. С другой стороны, до сороковых годов была тенденция разрабатывать вопросы новой истории Средней Азии в целом, а так как тогда происходил процесс накопления фактического материала, в тематике поставленных задач определенную роль играл элемент случайности.

В послевоенное время в Узбекистане осуществляется целенаправленная, с научной точки зрения весьма ценная исследовательская работа. В публикациях, связанных с присоединением Узбекистана к России, количество которых с каждым годом возрастает, учитываются достижения научной мысли предшествующего периода. Активно исследуется социально-экономическое положение Узбекистана в канун и после присоединения. Историки пришли к выводу, что процесс капитализации в промышленности (собственно крупные промышленные предприятия и возникали как предприятия капиталистического типа) и сельском хозяйстве сопровождался превращением узбекской территории, входившей в Туркестанский край, в авангардный придаток русского капитала, его сырьевую базу и рынок сбыта, где не было конкуренции со стороны буржуазии других держав. Процесс капитализации на территориях, входивших в ханства, осуществлялся намного медленнее, главным образом через торговлю, которая привносила товарность в сельские районы. Капитализация народного хозяйства при всех положительных чертах означала дальнейшее ухудшение условий жизни трудящихся. В резолюции X съезда РКП(б)

по национальному вопросу специально подчеркивалось, что экономическое неравенство «выражалось прежде всего в том, что эти окраины России (особенно Туркестан), находившиеся на положении колоний и полуколоний, насильственно удерживались в роли поставщиков всякого рода сырья, которое обрабатывалось в центре. Это было причиной их постоянной отсталости...»²

Различные аспекты проблемы присоединения узбекских земель, включенных в границы Туркестанского края, в той или иной мере затрагиваются в трудах о дореволюционном Туркестане или же о Средней Азии в целом, то есть в работах, на содержании которых мы останавливались вначале³, поэтому перейдем непосредственно к рассмотрению разработки проблемы.

Каракалпакия

Большим достижением историографии Советского Узбекистана является разработка проблем, связанных с историей каракалпакского народа.

До революции о каракалпаках не было ни одного специального исторического исследования. В послереволюционный период первой публикацией по истории каракалпакского народа стал «Очерк истории каракалпаков» известного исследователя истории народов Средней Азии П. П. Иванова, положившего начало академической разработке этой проблемы. После Великой Отечественной войны в периодической печати вышли в свет одна за другой статьи С. П. Толстова, признанного после В. В. Бартольда знатока раннефеодальной истории, археологии и вопросов генезиса народов Средней Азии по этой проблематике, из которых особо следует выделить статью «К вопросу о происхождении каракалпакского народа»⁴. Собственно с этой работы и началось комплексное изучение истории каракалпакского народа учеными автономной республики в послевоенное время.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Ч. 1. С. 559—560.

³ За исключением докторской диссертации Е. В. Буякова «Развитие капитализма в Узбекистане», 1960 г. Рукописные экземпляры имеются в ФБАН УзССР и в Институте истории и археологии АН УзССР рук. фонд. рук. № 221. Обращение к этому исследованию желательно для каждого, кто занимается изучением социальных перемен в дореволюционном Узбекистане.

⁴ Толстов С. П. Основные итоги и очередные задачи изучения истории, археологии Каракалпакии и каракалпаков // Бюллетень Академии наук УзССР. 1945. № 9—10. С. 34—39; Он же. К вопросу о происхождении каракалпакского народа. Краткие сообщения Института этнографии. Вып. II. 1947. С. 69—75. Следует отметить, что под руководством С. П. Толстова в 1938—1941 гг. работу по изучению исторического прошлого каракалпакского народа как составной части истории народов Средней Азии вела Хорезмская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР. В период войны вся научно-исследовательская работа была подчинена условиям военного времени. Тем не менее С. П. Толстовым, как выше указано, были уже в 1945 г. подведены основные итоги и определены очередные задачи изучения истории и археологии Каракалпакии.

В настоящее время большая работа в этом направлении проводится Каракалпакским филиалом АН УзССР, где трудятся историки коренной национальности. Нукусский государственный университет постоянно готовит молодые научные кадры историков. Каракалпакские учены с помощью историков Ташкента и ряда научных центров страны написали и издали в 1964 г. двухтомные «Очерки истории Каракалпакской АССР»⁵, которые охватывают историю Каракалпакии с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Вторая часть второго тома «Очерков», полностью посвященная истории присоединения Каракалпакии к России и политическим, экономическим и культурным последствиям этого события в истории каракалпакского народа, написана Р. С. Косбергеновым, С. К. Камаловым, Б. В. Андриановым, Л. С. Толстой, Я. М. Досумовым и Г. Н. Непесовым.

Первый опыт создания такого монументального обобщающего труда научная общественность признала удачным⁶.

До присоединения к России каракалпаки, проживающие в Хорезмском оазисе, подчинялись хивинскому хану. В истории Хивинского ханства каракалпаки в период до присоединения играли заметную роль во внутриполитической жизни ханства.

Что касается непосредственно событий, связанных с присоединением Каракалпакии к России, то до определенного момента преобладала точка зрения, что первое принятие каракалпаками российского подданства было от начала до конца инициативой русских властей⁷. Тщательно изучив дневник русского посла Тевкелева, ученые пришли к выводу, что инициаторами этого акта были сами каракалпаки, истощенные жестокой борьбой с джунгарскими феодалами. С. К. Камалов полагает, что принятие подданства в 1731 г. предотвратило пагубное нашествие Надир-шаха, в ставку которого ездил русский представитель⁸. Русско-каракалпакское сближение было положительным фактором международного значения.

В ряде работ рассматривается принятие подданства России, анализируется прогрессивное значение присоединения⁹.

Представляют значительный интерес работы о жизни каракалпаков как в самом Хивинском ханстве, так и за его предела-

⁵ См.: Гулямов Я., Иванов П. П. Очерк истории каракалпаков. Материалы по истории каракалпаков. М.—Л., 1935.

⁶ Нуруллин Р. Обобщающий труд по истории каракалпакского народа// Коммунист Узбекистана. 1966. № 2. С. 94—96.

⁷ Иванов П. П. Материалы по истории Каракалпаков. М.—Л., 1935. С. 61—62; Камалов С. К. Завоевание каракалпаков хивинскими ханами в конце XVIII — начале XIX века. Нукус, 1958. С. 12.

⁸ Камалов С. К. О значении принятия каракалпаками подданства России в 1731 г.// Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1965. № 3. С. 55—62.

⁹ Камалов С. К. Некоторые подробности относительно второго принятия каракалпаками подданства России// Вестник Каракалпакского ФАН УзССР. 1964. № 4. С. 57—63; Досумов Я. М. Прогрессивное значение присоединения Каракалпакии к России// Известия Туркменской ССР. Сер. обществ. наук; 1959. № 2. С. 16—24.

ми, в конце прошлого — начале нынешнего века. Ученые успешно справляются с поставленной задачей — проследить изменения, происходившие под влиянием присоединения среднеазиатских территорий к России¹⁰.

В 1971 г. была опубликована коллективная монография «Борьба трудящихся Каракалпакии против социального и колониального гнета». В ней имеется интересная статья И. С. Уббиниязова «Колониальная политика царизма и классовая борьба в Каракалпакии»¹¹.

Одновременно с становлением и развитием советской исторической науки в Каракалпакии делались первые попытки подведения итогов исследований в этом направлении. Так, в 50-х годах Т. А. Жданко, Р. Косбергенов коротко описали некоторые из важнейших результатов работ советских исследователей по изучению прошлого и настоящего Каракалпакии¹². В том же общем плане рассматривается советская историография автономной республики в 60-х годах М. К. Нурмухамедовым, К. Рзаевым, К. М. Максотовым¹³.

В 70-е годы некоторые обобщающие труды историков Каракалпакии были снабжены довольно содержательными историографическими обзорами, например, в первом томе «Истории Каракалпакской АССР» (Ташкент, 1974) и в книге И. Косымбстова «По пути, начертанному Коммунистической партией» (Шукус, 1976).

Привлекают внимание статьи С. К. Камалова, посвященные развитию общественных наук в Каракалпакии¹⁴. Автор пытается

¹⁰ Косбергенов Р. Положение каракалпакского населения в Хивинском ханстве в конце XIX — начале XX в. Краткие сообщения Института этнографии АН ССР, 1954; Сапаров Д. К. К вопросу возникновения промышленного пролетариата в дореволюционной Каракалпакии // Вестник Каракалпакского ФАН УзССР. 1961. № 4. С. 25—34; Андрианов Б. В. Социально-экономический строй каракалпаков по данным статистико-экономического обследования Амударьинского отдела. 1912—1913 гг. М.—Л., 1959; Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М., 1952; Иванов П. П. Очерк истории каракалпаков. Труды ИВАН АН СССР. Т. VII. М.—Л., 1935; Давкараев Н. Очерки по истории дореволюционной каракалпакской литературы. Ташкент, 1959 (в 1961 г. книга на ту же тему вышла в Нукусе на каракалпакском языке).

¹¹ Борьба трудящихся Каракалпакии против социального и колониального гнета. Ташкент, 1971. С. 31—100.

¹² Жданко Т. А. Изучение истории каракалпаков за годы Советской власти. Краткие сообщения Института истории этнографии. XI. 1950. С. 112—114; Косбергенов Р. С. Развитие науки в Каракалпакии за годы Советской власти. Нукус, 1957 (на каракалпакском языке).

¹³ Нурмухамедов М. К. Состояние науки в Каракалпакии // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1960. № 1. С. 3—10; Он же. Решения XXII съезда КПСС и задачи работников науки и вузов республики // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1962. № 1. С. 3—10; Максотов К. М. Насущные задачи обществоведов Каракалпакии // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1966. № 3. С. 3—7; Рзаев К. Ленинизм и наука Советской Каракалпакии. Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1970. № 1. С. 10—18.

¹⁴ Камалов С. К. О развитии исторической науки в Советской Каракал-

дать целостную и предельно сжатую характеристику общего хода изучения истории автономной республики.

В статье С. К. Камалова и К. М. Максетова «XXV съезд КПСС и задачи обществоведов Каракалпакии» также анализируются некоторые итоги работы историков Каракалпакии и делается вывод, что «одним из наиболее слабых мест развития исторической науки в Каракалпакии все еще является отсутствие историографических и источниковедческих работ»¹⁵.

Следует отметить, что история исторической науки в Каракалпакской АССР, несмотря на наличие отмеченных выше работ, до некоторого времени оставалась недостаточно изученной. Необходим был обобщающий, сводный анализ изданной в годы Советской власти научной литературы по истории Каракалпакии. И эта задача была выполнена К. Т. Утеповым в его диссертационной работе «Историография Каракалпакской АССР 1917—1977 гг.»¹⁶. В 1988 г. К. Т. Утеповым было опубликовано монографическое исследование, в котором раскрываются вопросы становления марксистской науки в Каракалпакии, подробно освещаются трудности становления и развития науки в условиях Каракалпакистана в 20—30-е годы¹⁷. Автор анализирует работы историков, показывает степень изученности истории Каракалпакистана 30—80-х годов, отражает подготовку национальных кадров историков. Выход в свет данной монографии следует считать положительным явлением в развитии современной исторической науки в Каракалпакистане.

В 1968 г. вышла обобщающая работа С. К. Камалова «Каракалпакия в XVIII—XIX веках», содержащая подробный и обстоятельный обзор истории каракалпаков XVIII—XIX вв.¹⁸.

К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции коллективом ученых республики было подготовлено второе издание обобщающего труда по истории Узбекской ССР, довольно подробно отражающего и историю Каракалпакии¹⁹.

Существенным показателем качественного роста исторической науки в Каракалпакии явился выпуск в 1974 г. Институтом исто-

---

пакии//Общественные науки в Узбекистане. 1967. № 11. С. 39—43; Он же. Общественные науки в Каракалпакии//Наука в Узбекистане. Т. 2. Ташкент, 1974.

¹⁵ Камалов С. К., Максетов К. М. XXV съезд КПСС и задачи обществоведов Каракалпакии//Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1976. № 2. С. 3—7.

¹⁶ См.: Утепов К. Т. Историография истории Каракалпакской АССР 1917—1977 гг. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ташкент, 1983 (Рукопись диссертации на ту же тему хранится в фундаментальной библиотеке ТашГУ им. В. И. Ленина). Впервые тема историографии Каракалпакии была затронута К. Утеповым еще в 1976 г.— См. его статью: Развитие исторической науки в Советской Каракалпакии//Материалы по истории историографии и археологии. Сб. научных трудов. Ташкент, 1976. С. 162—167.

¹⁷ Утепов К. Т. Великий Октябрь, становление и развитие исторической науки в Каракалпакистане. 1917—1987 гг. Нукус, 1988.

¹⁸ Камалов С. К. Каракалпаки в XVIII—XIX веках. Ташкент, 1968.

¹⁹ История Узбекской ССР в четырех томах. Ташкент: Фан, 1967—1968.

рши, языка и литературы Каракалпакского филиала АН УзССР нового фундаментального двухтомного труда по истории автономной республики²⁰. Двухтомная «История Каракалпакской АССР» является показателем новейших достижений ученых автономной республики в деле изучения многовекового прошлого и настоящего ее народов. В ней методологически правильно освещены проблемы присоединения Каракалпакии к России, их прогрессивные последствия и международное значение.

Хивинское, Кокандское, Бухарское ханства, г. Ташкент

Хивинское ханство, куда входила территория нынешней Каракалпакской АССР, расположенное на севере Средней Азии, имело благоприятные географические условия для экономических сношений с российским рынком. После 1873 г. для хивинского купчества сложилась благоприятная политическая обстановка.

А. Садыков²¹, исследующий русско-хивинские связи, сообщает, что торговые пути из Хивы проходили через Оренбург и Астрахань, причем еще в шестидесятых годах в Россию для ведения торговых операций ежегодно приезжало от 62 до 159 хивинских купцов. А. Садыков приводит следующие знаменательные факты: в начале прошлого века товарооборот России с Хивой в 1,5 раза превышал русско-афганский товарооборот; торговля с Россией была выгодна для хивинских купцов, так как ее баланс был в пользу хивинцев²².

Освещенные вопросы русско-хивинской торговли во второй половине XIX — начале XX в. (до 1917 г.) завершается монографическим исследованием А. С. Садыкова «Экономические связи Хивы с Россией», изданном в Ташкенте в 1965 г.²³. В этом труде, составляющем основу докторской диссертации А. Садыкова, на примере экономических взаимоотношений России с Хивинским ханством — самым отсталым районом Средней Азии прослеживается процесс проникновения русского капитализма. Он приходит к правильному выводу, что хозяйственное сближение народов Хивы и России несомненно имело прогрессивное значение. Однако формы и методы этого исторического процесса не соответствовали его объективно прогрессивному содержанию. Они были обусловлены эксплуатационной сущностью господствующего в России военно-феодалного империализма.

²⁰ История Каракалпакской АССР. Т. 1—2. Ташкент: Фан, 1974.

²¹ Садыков А. Некоторые данные о положении крестьян дореволюционной Хивы // Труды САГУ. Нов. сер. Вып. 140, истор. науки. Кн. 28. Ташкент, 1958; Он же. Из истории экономических и культурных связей Хивы с Россией (1873—1917 гг.). Труды САГУ. Вып. 142. Кн. 30. Нов. сер. истор. науки. Ташкент, 1958. С. 67—84; Он же. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX в. Научные труды ТашГУ. Нов. сер. Вып. 296, истор. науки. Кн. 57.

²² Труды САГУ. Нов. сер. Вып. 142. Кн. 30. С. 68, 74.

²³ Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX в. Ташкент: Наука, 1965.

Русско-хивинские отношения в колониальный период исследованы также Т. Г. Тухтаметовым и А. Г. Ткачук²⁴.

Историки проявляют интерес к вопросам социального и экономического положения различных слоев населения Хивинского ханства. Одним из первых попытку всесторонней разработки социально-экономических вопросов дореволюционной Хивы предпринял И. В. Погорельский. Но его кандидатская диссертация «Экономическое развитие и общественно-политическая жизнь Хивинского ханства в период империализма» (Л., 1944)²⁵ не лишена недостатков, особенно в теоретическом плане.

В связи с возросшим интересом к изучению истории дореволюционной Средней Азии появляется все больше работ о Хивинском ханстве периода 1873—1917 гг.²⁶ Историки отмечают, что хотя на хивинские земли прерогативы царской администрации не распространялись, вес российского капитала в экономике ханства увеличивался. Растущая товарность хозяйства толкала дехканство к расширению посевов под хлопчатником и вытеснению посевов зерновых, что вызвало вздорожание хлеба.

Ученые продолжают исследовать дореволюционное развитие промышленности в Хивинском ханстве и роль местного капитала в хлопкоочистительной и других промышленных отраслях. Появилась специальная работа по истории культуры и просвещения в Хорезме периода Народной Советской Республики²⁷.

В монографии А. С. Садыкова «Россия и Хива в конце XIX — начале XX века» исследуется история национально-освободительного движения народов Хивы в колониальный период. В ней прослеживается социально-экономическое положение Хивинского ханства указанного периода, проникновение в него демократических и революционных идей, рост и развитие антифеодальной и антиимпериалистической борьбы трудящихся Хивы, учтены недостатки и ошибки, присущие ранее опубликованным работам на данную тему, в том числе монографии Т. Г. Тухтаметова также под наз-

²⁴ Тухтаметов Т. Г. Взаимоотношения царской России с Хивинским ханством с 1873 по 1910 г. Дис. ...канд. ист. наук. Ташкент, 1949; Ткачук А. Г. Русско-хивинские отношения второй половины XIX в. Дис. ...канд. ист. наук. Ташкент, 1954 (обе рукописи диссертаций хранятся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина).

²⁵ Рукопись кандидатской диссертации И. В. Погорельского на указанную тему (хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина).

²⁶ Иулдошев М. И. Хива хонлигида феодал ер эгалли ва давлат тузиллиши. Тошкент, 1959; Джаббаров И. М. Об ученичестве в ремесленных цехах Средней Азии в конце XIX и начале XX в. (по материалам Хорезма). М.—Л., 1959; Нигматов Т. Н. Из истории русско-хивинских взаимоотношений. Ташкент, 1959; Савицкий А. П. К истории концессии в дореволюционной Хиве // Труды САГУ. Нов. сер. Вып. 150, истор. науки. Кн. 31. 1959; Шмачков П. А. Переселение уральцев в Каракалпакию (1875—1881) Вестник каракалпакского филиала АН УзССР. 1960. № 2; Юлдашев М. Ю. К истории крестьян Хивы XIX века. Ташкент, 1966; Мухамеджанов и Нигматов Т. Некоторые источники по истории связей России с Бухарой и Хивой в первой четверти XIX в. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957.

²⁷ Билялов Г. М. Из истории культуры и просвещения в Хорезмской Народной Советской Республике (1920—1924). Ташкент, 1966.

ванием «Россия и Хива в конце XIX — начале XX века», изданной в Москве в 1969 г.

Различные вопросы, связанные с присоединением Кокандского ханства к Туркестанскому генерал-губернаторству, изучаются узбекскими, таджикскими, киргизскими и казахскими учеными²⁸. Кокандское ханство до присоединения простиралось на значительной территории, где проживали несколько среднеазиатских народностей. Десятилетие, предшествующее включению Коканда в состав России, привлекает историков бурными внутри- и внешнеполитическими событиями, вызванными резким обострением классовой борьбы и кокандско-бухарскими противоречиями. По-видимому, следует признать, что имеющиеся работы по исследованию социальных корней восстаний, в том числе восстания 1875—1876 гг., и сложных политических интриг, которые ткали верхние слои кокандского общества, не являющиеся завершёнными — здесь остается широкое поле деятельности для научных изысканий.

Историки признают, что перед лицом угрозы со стороны трудящихся верхушка кокандского общества без колебаний пошла на сговор с самодержавием. И действительно, В. И. Ленин пишет, что «буржуазия угнетенных наций *только* болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные сделки с буржуазией угнетающей нации за спиной и *против* своего народа»²⁹.

Это ленинское определение буржуазии угнетенных наций, идущей на сделку с буржуазией угнетающей нации за спиной и против своего народа, вполне относимо и к феодально-клерикальной верхушке, боявшейся утратить под ударами трудящихся свои привилегии, чем признать суверенитет русского царя.

Бухарское ханство не было присоединено к России, и только 2 сентября 1920 г., после свержения власти эмира, была провозглашена Бухарская Народная Советская Республика. Но колониальная экспансия самодержавия не могла не иметь далеко идущих последствий для эмирата.

Бухара, как и другие районы Средней Азии, издавна поддерживала контакты с Центральной Россией, причем их связи уходят в глубокую древность. В начале XIX в. русско-бухарские отношения были сложными: царское правительство стремилось добиться политического подчинения эмирата с помощью дипломатии, но эти попытки потерпели неудачу. Указанный этап русско-бухарских связей и история колониального периода Бухары уже в 20-х го-

²⁸ Иноятов Х. Ш. Қўқон хонлиги Россияга қўшилди арафасида ва 1975/1976 йиллардаги Қўқон қўзғолони. Тошкент, 1956 (Кокандское ханство накануне присоединения к России и кокандское восстание 1875—1876 гг.); Турсунова М., Знаменский М. С. и Валиханов Ч. Ч. в экспедиции 1864 года по присоединению Кокандского ханства к России//Простор. 1968. № 3. С. 84—91; Касымбеков К. Социально-экономическое и политическое положение Ферганы в конце XIX и начале XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. Ташкент: Фан, 1966; Искенова С. С. Заметки об англо-русских противоречиях в период присоединения Кокандского ханства к России//Ученые записки ист.-юр. ф-та Киргизского ун-та. Сер. ист. Вып. 7. 1963. С. 139—146.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 113.

дах стали предметом исследования историков. Здесь можно выделить работы И. А. Ремеза, А. А. Семенова, И. И. Зарубина, С. Айни³⁰. В 40-х годах появляются публикации А. М. Рябинского, Е. В. Буакова, Н. Фиолетова и др.³¹ В 1954 г. Академией наук Таджикской ССР были изданы «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии»³².

Значение вышеприведенных публикаций определяется широтой охвата источников и документальных материалов по изучаемым вопросам истории Бухары и русско-бухарских отношений в начале XX в. Для будущих историков в этих работах поучительна логика мышления, диалектический подход к изложению исторического материала, хотя нет в них четко определенных классовых и партийных позиций.

Перечисленные работы и публикации 20—50-х годов составили солидную основу советской историографии дореволюционной Бухары. Истории колониального периода Бухары посвящен большой раздел «История таджикского народа», написанный Б. Г. Гафуровым, 1955 г. издания. В 60-е годы «История Бухары XIX—XX вв.» становится предметом исследований Т. Тухтаметова, В. П. Ефимова, Г. А. Михалевой и др.³³

Более подробно о развитии русско-бухарских отношений и внутриполитической борьбы в самом ханстве в связи с продвижением русских войск на обширной документальной и литературной основе рассказывает Н. А. Халфин³⁴. Материалы этого исследова-

---

³⁰ Ремез И. А. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Ташкент, 1922; Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства Бухарского ханства. Ташкент, 1929; Зарубин И. И. К истории Шуглана// Доклады АН СССР (сер. В), 1926 (март—апрель); Айни С. Тарихи амриони Мангитияи Бухоро. Тошкент, 1925.

³¹ Рябинский А. М. История колониального порабощения Бухарского ханства царской Россией//Труды Военно-политической ордена Ленина академии Красной Армии им. В. И. Ленина. Сб. 4. М.—Л., 1940; Он же. Царская Россия и Бухара в эпоху империализма//Историк-марксист. 1941. № 4; Буаков Е. В. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в.//Советское востоковедение. Т. II. М.—Л., 1941; Фиолетов Н. Бухарское и Хивинское ханства и отношения их с Россией (XVI—XX вв.)//Исторический журнал. 1841. № 3.

³² Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии//Труды АН Таджикской ССР. Т. XII. 1954; Гафуров Б. Г. История таджикского народа..., изд. третье. М., 1955. С. 415—491.

³³ Тухтаметов Т. Русско-бухарские отношения в конце XIX—начале XX в. Ташкент, 1966; Ефимов В. И. К вопросу о взаимоотношении России с Бухарой с конца XVIII до середины XIX в. Труды Самаркандского университета. Вып. 140. 1964; Михалева Г. А. К вопросу о дипломатических сношениях между Россией и Бухарой через Оренбург в конце XVIII—начале XIX века//Общественные науки в Узбекистане. 1962. № 7; Кисляков Н. А. Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX—начале XX в. М.—Л., 1962; Айни С. К истории Бухары. Воспоминания. М.—Л., 1950; Мухсинова К. З. Документы о крестьянских движениях в Бухарском ханстве в 80-е годы XIX в.//Из истории Средней Азии. Ташкент, 1965.

³⁴ Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965. С. 214—241.

ния широко использованы во многих последующих работах советских авторов, посвященных доколониальному периоду истории народов Средней Азии, политике России и международным отношениям на Среднем Востоке в XIX—начале XX в.³⁵

В 1972 г. в Москве в издательстве «Наука» выходит коллективная монография, подготовленная известными среднеазиатскими учеными А. Х. Бабаходжаевым, К. А. Гафуровой, Б. И. Искандаровым, А. П. Ишаповым, К. Б. Мухамедбердыевым, Г. Н. Ненесовым, М. В. Поповым, Х. С. Саматовой, М. Х. Шаумян к пятидесятилетию народно-демократических революций в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате. Монография В. И. Ефимова посвящена социально-экономическому и политическому строю и положению в Бухаре и Хиве после февральской революции, т. е. колониальному периоду этих феодальных государств Средней Азии³⁶. Для понимания истоков прогрессивных последствий присоединения Средней Азии к России и его международного значения издание монографии можно считать положительным явлением в советской историографии.

В. И. Ефимов в статье о влиянии России на Бухарский эмират делает вывод об объективно-прогрессивном характере установления протектората над правительством ханства. Он пишет, что с введением протектората прекратились набеги, расширилась торговля (к сожалению, автор не отмечает, что от развития торговых операций дехкане ничего не выигрывали), размещение русских войск благоприятно сказалось на централизации эмирской власти, была ликвидирована опасность захвата со стороны Англии, наконец, в сельском хозяйстве внедрялись ранее не известные здесь культуры: картофель, сахарная свекла, помидоры, хмель, и улучшались, правда, очень медленно и непоследовательно, породы скота³⁷.

Протекторат, разумеется, не мог смягчить классовые и национальные противоречия внутри Бухарского ханства. Как показано в исследовании К. Хакимовой, дехканские движения постоянно держали в напряжении административно-политический и военный аппарат эмира³⁸.

---

³⁵ См.: Давлетов Дж., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад, 1972; Садыков А. С. Россия и Хива в конце XIX—начале XX века. Ташкент, 1972; Княпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974; Княпина Н. С., Блнев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII—80-е годы XIX в.). М., 1984, и др.

³⁶ Ефимов В. И. К вопросу о роли России в исторических судьбах народов Бухарского ханства//Труды Самаркандского ун-та. Нов. сер. Вып. 101. 1960. С. 137—162.

³⁷ Там же.

³⁸ Хакимова К. Крестьянское движение в Бухарском ханстве в последней трети XIX века (по материалам кушбег эмира Бухарского). Дис. ...канд. ист. наук. Ташкент, 1966.

Роль русских поселенцев на территории ханства раскрывается в книге А. П. Фомченко³⁹.

К оценке влияния России на внутреннюю жизнь Бухарского ханства все-таки необходимо подходить с осторожностью, сдвиги в экономической и культурной сферах здесь происходили значительно медленнее по сравнению с узбекскими районами Туркестана, даже «степень территориального сплочения узбеков явно отставала от существовавшей здесь политической централизации»⁴⁰. Было запрещено по настоянию царских властей рабство, но в судебной и налоговой системе вряд ли имели место существенные перемены к лучшему. В ханстве процветало ростовщичество, да и на среднеазиатской территории, включенной в состав Российского государства, ростовщический капитал, значение которого во второй половине прошлого века возросло в Средней Азии повсеместно, играл «сугубо реакционную экономическую и политическую роль. Он не только разорял свои жертвы, но и постепенно подрывал свою собственную основу, объективно подготавливая кризис всей феодально-ростовщической системы эксплуатации трудового дехканства»⁴¹.

Тяжелое экономическое положение трудового дехканства и других слоев трудящихся в ханстве усугублялось еще и тем, что местный феодально-ростовщический капитал переплетался в Бухаре с иностранным, в частности, с индийским ростовщическим капиталом. Эта тема специально исследована П. Н. Расул-заде⁴².

Очень близка по своей научной направленности к теме нашего исследования работа Д. Ю. Арапова⁴³, посвященная истории изучения русским востоковедением одного из крупнейших политических образований Средней Азии дооктябрьского периода — Бухарского ханства. В ней критически рассмотрен обширный исторический материал и выявлен научный вклад различных представителей отечественной ориенталистики. Большое место уделено характеристике существовавших в русском востоковедении научных концепций и специфических особенностей. Выводы исследования позволяют лучше оценить значение того научного наследия, критически отталкиваясь от которого начали свои исследования советские востоковеды.

В присоединенных районах политическим, военным, экономическим и культурным центром был Ташкент, где находился управ-

³⁹ Фомченко А. П. Русские поселения в Бухарском эмирате. Ташкент, 1958.

⁴⁰ Вахабов М. Г. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1961. С. 174.

⁴¹ Абдурасулов М. Т. К вопросу о докапиталистических формах эксплуатации дехканства колониального Туркестана // Вопросы марксистско-ленинской теории и истории революционного движения в Узбекистане. Ташкент, 1965.

⁴² Расул-заде П. Н. Из истории среднеазиатско-индийских связей второй половины XIX — начала XX в. Ташкент, 1968 (раздел «Индийские ростовщики в Средней Азии». С. 108—124).

⁴³ Арапов Д. Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 128.

лещеский аппарат Туркестанского генерал-губернаторства. О Ташкенте периода XIX – XX вв. создано несколько монографических исследований. Так, книга Ф. Азадаева посвящена социально-экономической и политической истории Ташкента второй половины XIX в. Работа Ю. А. Соколова «Ташкент, ташкентцы и Россия» исключительно интересна и насыщена новыми документами об экономической политике России в Туркестане и значении в ней Ташкента. Процесс присоединения Ташкента к России прослеживается в монографии Х. Зияева⁴⁴. Распространение марксистских идей в Туркестане рассматривается в статье А. П. Савицкого «Герман Лопатин в Ташкенте»⁴⁵.

Казахстан

Подлинно научное развитие историография нового времени в Казахстане, как и в других республиках, получила после Великой Октябрьской социалистической революции, когда были созданы национальные кадры историков и укрепилась связь исторических учреждений республики с центральными научными организациями, имевшими многолетний опыт востоковедческой работы. Важнейшим же фактором, обеспечившим правильное освещение истории Казахстана в конце XIX — начале XX столетия, следует считать творческое использование казахстанскими историками исторического материализма — единственно научной теории общественного развития, выработанной классиками марксизма-ленинизма. Если ранее события рассматривались в виде следствия случайного стечения обстоятельств и воли политических деятелей, то после гениальных трудов Маркса стало ясно, что законы и принципы диалектического материализма распространяются и на область общественных явлений.

Следует отметить, что усвоение, утверждение ленинской методологии в оценке прогрессивного значения вхождения казахских земель в состав России, как правильно отмечает Ж. Махашев, в советской историографии было достигнуто не сразу, в несколько этапов⁴⁶. В первое десятилетие существования Советской власти был опубликован ряд работ, в которых подверглись критике колониаторские концепции дворянско-буржуазной историографии в освещении истории дореволюционного Казахстана. Однако авторы ограничивались лишь общими рассуждениями о тяжелых пос-

⁴⁴ Азадаев Ф. Ташкент во второй половине XIX в. Очерки социально-экономической и политической истории. Ташкент, 1959; Соколов Ю. А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965; Зияев Х. Ташкентнинг Россияга қўйиб олиниши. Тошкент, 1967.

⁴⁵ Савицкий А. П. Герман Лопатин в Ташкенте//Труды ТашГУ. Нов. сер. Вып. 142. Кн. 30. Ташкент, 1958. С. 61—66.

⁴⁶ Махашев Ж. К вопросу о прогрессивном значении присоединения Казахстана к России в советской историографии//Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. Алма-Ата, 1985. С. 19.

ледствиях национально-колонпального гнета. А. Рязанов идеализировал патриархально-феодальное прошлое Казахстана, отрицая прогрессивные последствия присоединения Казахстана к России. У него отсутствовал конкретно-исторический анализ внутренней, внешней политической и экономической обстановки, приведшей к присоединению Казахстана к России, и не привлекались первоисточники, что в какой-то мере явилось причиной серьезных ошибок при изучении данного вопроса. Так, в 20—30-х годах в исторической литературе присоединение народов окраин России к Русскому государству обычно рассматривалось как «абсолютное зло»⁴⁷. Таким односторонним подходом к пониманию проблемы присоединения страдали тогда публикации таких авторов, как Г. Точжанов, Т. Р. Рыскулов, Е. Федоров и др.

Весьма интересно оценивает пришествие казахами Младшего, Среднего и Старшего жузов подданства России первый казахский историк-марксист проф. С. Д. Асфендиаров. Первый обобщающий труд по истории дореволюционного Казахстана⁴⁸, написанный им на основе документальных материалов, содержал, хотя и противоречивую, но в основном правильную оценку прогрессивных последствий присоединения Казахстана к России. Он различал два крупных этапа истории дореволюционного Казахстана как колонии Российской империи — до завоевания его царизмом и после. По его мнению, в 20—30-х годах XVIII в. перед верхушкой казахского общества стояла дилемма: «Либо подчинение более могущественным соседям в целях сохранения своего господства, либо против завоевания»⁴⁹. С. Д. Асфендиаров рассматривает отношение различных группировок феодальной верхушки казахского общества к вопросу о принятии казахами российского подданства. Он различает две группировки — феодальную и торгово-феодальную. По мнению автора, первая высказывалась за принятие подданства, вторая — против. Он также подчеркивал, что «не благоденствие, мир и культуру несло царское завоевание казахскому населению, оно несло разорение, грабеж и убийства». Хотя казахский исследователь называет этот процесс «завоеванием», в то же время он признает неизбежным вложение казахских земель в состав России, являвшейся наиболее сильным и развитым соседом. Так, уже в 1935 г. он вплотную подошел к современной точке зрения на прогрессивные последствия присоединения Средней Азии и Казахстана к России.

Принципиально иной подход прослеживается в книге М. П. Вяткина «Очерки по истории Казахской ССР»⁵⁰. Так, он считал, что уже в XVII в. в казахском обществе имелась объективно сложившаяся обстановка, которая делала необходимым

⁴⁷ Махашев Ж. Указ. соч. С. 20.

⁴⁸ Асфендиаров С. Д. История Казахстана с древнейших времен. Ч. 1. Алма-Ата—М., 1935. С. 86—88, 198—204.

⁴⁹ Там же. С. 198.

⁵⁰ Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР. М.—Л., 1941.

сближение с Россией. Глубже своих предшественников изучив внутреннюю и внешнеполитическую обстановку казахских жузов в начале XVIII в., конкретную историческую обстановку, М. П. Вяткин расценивал подданство Казахстана России по сравнению с альтернативной возможностью подчинения казахских земель отсталым Джунгарским ханствам, как «наименьшее зло», поскольку оно «открывало в дальнейшем возможность прогресса, движение вперед». «Подданство же Джунгарии,— считал он,— могло лишь консервировать прежние формы хозяйственной и политической жизни»⁵¹.

В отличие от большинства областей Средней Азии Казахстан пережил более продолжительный процесс присоединения — по крайней мере от второй четверти XVIII в. и до последних десятилетий XIX в. Мы рассмотрим лишь те работы, в которых затрагиваются вопросы присоединения периода конца прошлого столетия, поскольку оно было тесно связано с присоединением к России собственно Средней Азии.

Ученые Казахстана первыми среди коллективов историков среднеазиатских республик (1943 г.)⁵² создали обобщающий труд по истории народа от древнейших времен до наших дней. Издание «Истории Казахской ССР» в разгар Великой Отечественной войны было научным подвигом ее создателей.

Однако объективности ради следует указать на некоторые недостатки, допущенные в первом академическом издании «Истории Казахской ССР». Так, авторский коллектив книги расценивал присоединение Казахстана к России как результат провоза Абулхаир-хана, использовавшего усиление внешней опасности в своих корыстных целях и обманувшего биев, батыров, или как результат «сговора части казахской знати и царского правительства», осуществленного не по «воле народных масс» и вызвавшего их и значительное число мелких баев на борьбу против подданства⁵³. Таким образом, в оценке присоединения Казахстана к России «История Казахской ССР» исходила из концепции «абсолютного зла». Естественно, такое упрощенное понимание сложной исторической проблемы было подвергнуто критике на страницах партийной печати. При этом главными были замечания о недооценке прогрессивного значения присоединения Казахстана к России, исторических корней дружбы русского и казахского народов⁵⁴.

В специальном решении ЦК КП(б) Казахстана, принятом в августе 1945 г., намечались пути исправления допущенных авторским коллективом «Истории Казахской ССР» ошибок в оценке характера и последствий присоединения Казахстана к России⁵⁵.

⁵¹ Там же. С. 123, 131—132.

⁵² История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Под ред. М. А. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. Алма-Ата. Каз. ОГИЗ. 1943.

⁵³ Там же. С. 152—155.

⁵⁴ Морозов М. Об истории Казахской ССР//Большевик. 1945. № 6.

⁵⁵ О подготовке второго издания «Истории Казахской ССР»//Известия Казахского филиала АН СССР. Сер. истор. Вып. 2. Алма-Ата, 1946.

Наметился определенный шаг вперед в исследовании проблемы присоединения. В 1948 г. в Алма-Ате вышла книга Н. Г. Аполловой «Присоединение Казахстана к России»⁵⁶, в которой осуществлена попытка выяснения и научного анализа внутренних и внешних условий для предпосылок добровольного присоединения Казахстана к России и фактического обоснования его основных прогрессивных моментов. Автор приходит к выводу: «В условиях исторической обстановки первой половины XVIII века и с точки зрения исторических перспектив развития казахского народа должен получить объективную оценку факт присоединения Казахстана к России. Этот факт имел прогрессивное значение»⁵⁷.

Вслед за книгой Н. Г. Аполловой в 1949 г. вышло второе академическое издание «Истории Казахской ССР»⁵⁸, в котором присоединение Казахстана к России расценивалось как акт, имевший большое прогрессивное значение для казахского народа. Но и второе издание «Истории Казахской ССР» не до конца избежало ошибок, допущенных в первом ее издании. Она отличалась фрагментарностью, многие положения в объяснении исторических событий носили условный характер.

В плане историографии проблемы особого внимания заслуживают, считают казахские историки, публикации в № 4 «Вопросов истории» за 1951 г. письма академика М. В. Нечкиной «К вопросу о формуле «наименьшее зло»⁵⁹ и откликов на него⁶⁰. В результате конкретного и комплексного исследования вопросов присоединения к Русскому государству самых различных народов и накопления соответствующего документального материала была отвергнута ранее бытовавшая в советской историографии формула «наименьшее зло».

Важным рубежом в изучении проблемы для исследователей всех среднеазиатских республик и Казахстана стал XX съезд КПСС (1956). В 1957 г. в Алма-Ате вышло в свет издание первого тома «Истории Казахской ССР»⁶¹. Авторский коллектив учел ошибки двух предшествующих изданий и осветил важнейшие экономические и политические предпосылки, обусловившие принятие российского подданства казахами Младшего и Среднего жузов, проследил экономическое и политическое развитие Казахстана накануне присоединения, и пришел к выводу, что присоединение Казахстана к России имело глубоко прогрессивное значение для исторических судеб казахского народа, поскольку оно «привело к крупным прогрессивным сдвигам в экономических

---

⁵⁶ Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948.

⁵⁷ Там же. С. 253.

⁵⁸ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1949.

⁵⁹ Нечкина М. В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» (письмо в редакцию)//Вопросы истории. 1951. № 9.

⁶⁰ Мустафаев М. О формуле «наименьшее зло»//Вопросы истории. 1951, № 9; Якунина А. О. О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей//Вопросы истории. 1951. № 6, 11.

⁶¹ История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1957.

и социальных отношениях казахского общества, способствовало развитию производительных сил Казахстана» и в целом «явилось переломным моментом в его истории»⁶². По мнению авторов, важным положительным результатом присоединения Казахстана к России было сближение русского и казахского народов в совместной борьбе против царизма, казахских феодалов и русских помещиков и капиталистов.

Следует отметить, что из-за ограниченного объема издания отсутствовала возможность более полного и всеобъемлющего освещения проблемы, привлечение более широкого круга документов, архивных источников⁶³. В вышедшей вслед за «Историей Казахской ССР» монографии Е. Бекмаханова «Присоединение Казахстана к России»⁶⁴ проблема присоединения исследовалась с методологически более обоснованных позиций, В ней, в частности, подчеркивалось, что «добровольное присоединение Казахстана к России было вызвано жизненной необходимостью»⁶⁵, в этом акте «были кровно заинтересованы народные массы, а также часть феодальной знати. Несмотря на реакционную политику царизма, присоединение Казахстана к России имело глубоко прогрессивное значение»⁶⁶.

В 60-х годах выходит ряд монографических исследований о присоединении Казахстана к России. В них были учтены некоторые новые подходы к данной проблеме, разработанные Объединенной научной сессией, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России (Ташкент, 1959). Большой фактический материал, содержащийся в этих работах и зачастую впервые вводимый в научный оборот, свидетельствовал о том, что подлинное национально-освободительное движение народов Средней Азии не было борьбой за отделение от России, что национально-освободительное движение становилось частью революционного движения в России. В этом плане заслуживает особого внимания новая монографическая работа Н. Г. Аполловой «Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в.»⁶⁷. Опубликование этих монографий в Москве отражало большой интерес научной общественности страны к данной проблеме.

В монографии Н. Г. Аполловой изучены экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. Опираясь главным образом на архивные материалы, автор характеризует торговые отношения, развитие земледелия и взаимоот-

⁶² Там же. С. 244—245.

⁶³ Так, некоторые историки сетовали на слабый показ развития промышленности и особенностей формирования рабочих кадров в дореволюционном Казахстане.— См.: Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Очерки формирования рабочего класса дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1963. С. 9.

⁶⁴ Бекмаханов Е. Присоединение Казахстана к России. М., 1957.

⁶⁵ Там же. С. 89, 122—123, 130.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960.

ношений казахских владетелей с царской администрацией. В работе отмечается, что в процессе присоединения Казахстана к России определились факторы, ускорявшие и тормозившие его социально-экономическое развитие. Принципиальные же оценки относительно прогрессивных последствий присоединения не изменились.

Заслуживает внимания исследовательская работа по истории проблемы, сделанная В. Я. Басиным. В его монографии «Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв.»⁶⁸ рассматриваются политические и дипломатические связи казахских ханств с Россией во время присоединения и в предшествующий ему период. Оценивая значение присоединения Казахстана к России, автор приходит к выводу: «Несмотря на явно колонизаторские цели царизма, приход русских в Казахстан носил объективно прогрессивный характер. Прогрессивное влияние российской экономики и культуры находилось в непримиримом противоречии с политикой царизма, тормозившей развитие казахского народа. Но вопреки политике царского правительства присоединение Казахстана к России ускорило его экономическое развитие, Казахстан постепенно втягивался в сферу более передового хозяйства, развивались более зрелые формы феодальных отношений»⁶⁹.

Как отмечается в казахской историографии, значительный вклад в изучение казахско-русских отношений в XVIII в. внес А. Сабырханов⁷⁰. Оценивая присоединение Казахстана к России как прогрессивное явление, он в то же время указывает на национально-колониальный характер политики царского правительства. Автор первым обратил серьезное внимание на значимость земельного вопроса уже на начальном этапе принятия Казахстаном подданства российского. В своих работах он впервые в казахстанской историографии показал как преломлялось в представлениях царского правительства и разных групп казахской феодальной верхушки российское подданство⁷¹.

Социальным переменам в казахском ауле после присоединения южных районов Казахстана уделили внимание в своих монографиях П. Галузо и Б. С. Сулейманов⁷². Их исследования являются существенным вкладом в изучение истории конца прошлого и начала нашего столетий, поскольку социальные отношения

---

⁶⁸ Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971.

⁶⁹ Там же. С. 40.

⁷⁰ Сабырханов А. Казахстан мен Россиянын XVIII — тасырдагы Карымкатынастары. Алма-Ата, 1970; См. также: Манашев Ж. Указ. соч. С. 26.

⁷¹ Он же. Российское подданство казахов в представлении казахской феодальной знати и царского правительства//Известия АН КазССР. Сер. общ. наук, 1965. № 6.

⁷² Галузо П. Г. Аграрные отношения в 1867—1914 гг. на юге Казахстана. Алма-Ата, 1965; Сулейманов Б. С. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети 19 — начала 20 в. (1867—1907 гг.). Алма-Ата, 1963.

в сельских местностях Средней Азии изучены пока далеко не полно.

Значительно подробнее освещена история казахстанского пролетариата и его революционная борьба против засилья капиталистов⁷³. В Южном Казахстане революционная идеология распространялась преимущественно через Оренбург—Ташкентскую железную дорогу, где имелся сильный отряд железнодорожного пролетариата. На деятельность социал-демократии в Южном Казахстане оказывали влияние социал-демократические организации Ташкента, крупнейшего политического центра дореволюционной Средней Азии.

В 1963 г. Казахская Академия наук выпустила в свет «Очерки истории рабочего класса дореволюционного Казахстана (вторая половина XIX — начало XX века)» Е. Дильмухамедова и Ф. Маликова. В этом фундаментальном труде с исчерпывающей полнотой воссоздается состояние важнейших промышленных отраслей дореволюционного Казахстана, рассматривается не только процесс формирования рабочих кадров, но и особенности этого процесса. Касаясь материального положения пролетариата, авторы приводят данные о том, что зарплата рабочих промышленных предприятий Казахстана была вдвое меньше, чем у рабочих центральных областей империи⁷⁴. В работе описываются тяжелые условия жизни рабочих: чрезмерная продолжительность рабочего дня, невыносимые жилищные условия, безжалостная эксплуатация женщин и подростков, национальная дискриминация, которая усугубляла и без того тяжелое положение рабочих-казахов.

Специальная глава посвящена революционному движению казахстанского пролетариата, идейными вдохновителями которого были политические ссыльные. На движение наложила отпечаток многонациональность состава казахстанского пролетариата и связь части рабочих с сельским хозяйством.

В исследовании указывается, что «развитие капиталистической промышленности и формирование рабочего класса в Казахстане происходило в тесной связи с социально-экономическими последствиями присоединения Казахстана к России и развитием капитализма в России»⁷⁵.

Различные аспекты истории Казахстана рассматриваются в сборнике статей, подготовленном коллективом ученых Института

⁷³ Чуланов Г. Промышленность в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1960; Фридман Ц. Л. Иностранный капитал в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1960; Сапаргалиев Г. С. Карательная политика царизма в Казахстане. Алма-Ата, 1966; Асылбеков М. Х. Железнодорожники Казахстана в первой русской революции. Алма-Ата, 1965; Шонинбаев Т. Петрашцы в Казахстане//Партийная жизнь Казахстана, 1966. № 2. С. 78—79; Сулейманов Б. С. Распространение ленинских идей в Казахстане накануне первой русской революции//Казахстанская правда, 1955. 14 июля; Елеуов Т. Установление и упрочение Советской власти в Казахстане (гл. 1). Алма-Ата, 1961.

⁷⁴ Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Очерки истории формирования рабочего класса дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1963. С. 136.

⁷⁵ Там же. С. 264.

истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР⁷⁶.

Одной из особенностей процесса присоединения южных районов Казахстана было довольно сильное сопротивление, с которым здесь столкнулись царские войска. Это объяснялось тем, что упомянутые районы некоторое время подчинялись кокандскому правительству. Для примера можно привести ожесточенные бои под Чимкентом, который штурмовался дважды⁷⁷.

К числу исследований, вышедших в начале 70-х годов, относится монография Т. Шонинбаева «Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России»⁷⁸, автора, который еще в 1954 г. в восьмом номере журнала «Коммунист Казахстана» выступил со статьей под тем же названием⁷⁹. В оценке проблемы он разделяет общепризнанную в литературе точку зрения, отмечает как прогрессивные следствия вхождения казахских земель в состав России, так и национально-колониальный гнет. Главный вывод исследователя таков: «Присоединение края к России, которое в основном завершилось в первой четверти второй половины XIX века, имело огромное значение для исторических судеб казахского народа. Присоединение Казахстана к России, обусловленное глубокими экономическими и политическими причинами, все возрастающим сближением между русскими и казахскими трудящимися, было глубоко прогрессивным»⁸⁰.

Изучение историографии Казахстана периода XIX — начала XX в. позволяет сделать вывод, что во многих отношениях присоединение и его последствия имели здесь общие черты с историей других среднеазиатских народов того же периода. Накопленный к настоящему времени в историографии Казахской ССР материал, да и общий уровень разработки проблемы, дает возможность внести определенные уточнения, избавиться от имевшихся противоречий в оценке тех или иных явлений и со всей остротой и марксистской принципиальностью разрешить окончательно наиболее сложные спорные вопросы. В этом плане целесообразно продолжить историографические работы типа статьи Ж. Махашева «К вопросу о прогрессивном значении присоединения Казахстана к России в советской историографии»⁸¹.

---

⁷⁶ Вопросы истории Казахстана XIX — начала XX века. Сб. статей. Алма-Ата, 1961.

⁷⁷ Тилеуколов С. К истории присоединения Чимкента к России//Ташкент. Ученые записки Ташгоспединститута. Вып. 23. Ч. III. 1960.

⁷⁸ Шонинбаев Т. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973.

⁷⁹ Шонинбаев Т. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России//Коммунист Казахстана. 1954. № 8.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Махашев Ж. К вопросу о прогрессивном значении присоединения Казахстана к России в советской историографии//Вопросы истории Казахстана в русской дореволюционной, буржуазной и современной историографии советологов. Алма-Ата, 1985. С. 19—26.

В 50-х годах в Киргизии были опубликованы в основном небольшие по объему исследования по истории вхождения в состав России территорий северной и южной Киргизии. В начале шестидесятых годов было опубликовано несколько монографий по данной проблеме, выполненных на высоком теоретическом уровне, с использованием документальных данных архивов Киргизстана. По сути дела эти труды открыли новую страницу в исследовании объективных предпосылок и конкретных обстоятельств присоединения Киргизии к России, ранее слабо изученных.

Для историографии проблемы исключительно важную роль сыграл II Пленум ЦК Компартии Киргизии, состоявшийся в (1952 г.), на котором указывалось на важность исследования вопросов, связанных с присоединением Киргизии к России⁸².

В 1956 г. киргизские ученые выпустили двухтомную коллективную монографию «История Киргизии». В 1963 г. этот труд, получивший признание не только у специалистов, но и у широкого читателя, был переиздан с некоторыми исправлениями. Вхождению Киргизии в Российское государство в «Истории» отводится специальный параграф. Авторы определяют в целом положительные последствия присоединения, которое в значительной степени носило добровольный характер.

Среди киргизских историков, занимающихся проблемой присоединения, следует прежде всего упомянуть Б. Д. Джамгерчинова, А. Хасанова, С. Ильясова и К. Усенбаева, которые внесли серьезный вклад в историческую науку⁸³.

Б. Д. Джамгерчинов внес значительный вклад в изучение проблемы присоединения Киргизии и его последствий. На протяжении многих лет он углубляет и расширяет тему. Следует отметить, что ученый большое внимание в своих исследованиях уделяет Северной Киргизии. Ему удалось восстановить социально-политическую картину этого района Средней Азии и дать историческое описание положения киргизского народа под властью кокандского правительства⁸⁴.

Наиболее капитальным исследованием Б. Д. Джамгерчинова является монография «Добровольное вхождение Киргизии в состав

---

⁸² Советская Киргизия. 1952. 11 июня.

⁸³ Внимание научной общественности еще в 1947 и в 1950 гг. привлекли научные сообщения и статьи Б. Д. Джамгерчинова и А. Хасанова по проблеме присоединения Киргизии к России.— См.: Джамгерчинов Б. Д. К вопросу о присоединении Киргизии к России//Известия Киргизского филиала АН СССР. Вып. VII, 1947; Хасанов А. О присоединении северных киргизов к России// Вопросы истории. 1950. № 7.

⁸⁴ Джамгерчинов Б. Д. Важный этап из истории киргизского народа. К столетию присоединения Киргизии к России. Фрунзе, 1957; Он же. Присоединение Киргизии к России. М., 1959; Добровольное вхождение Киргизии в состав России. 2 изд. Фрунзе, 1963; Он же. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963; Он же. Очерки политической истории Киргизии XIX в. Фрунзе, 1966.

России». По мнению автора, уже к 1860 г. стало ясно, что влияние русского правительства в Киргизии резко усилилось, чему доказательством сближение с русскими властями бугинцев и других племен. Кокандское правительство было бессильно предотвратить принятие присяги чуйскими и тянь-шаньскими киргизами. Кстати, автор приводит в книге факсимиле присяги. Недостаточно четко изложены причины сопротивления, которое оказывали русским властям южные киргизы. Сопротивление продолжалось даже после включения Кокандского ханства в состав Российской империи⁸⁵. Обобщая исследование, Б. Д. Джамгерчинов пишет: «Вхождение в состав России — важное прогрессивное явление в истории киргизского народа». Он указывает, что «нерушимая дружба киргизского народа с русским народом и другими народами нашей страны выкована в совместной революционной борьбе против царского самодержавия, скреплена кровью борцов за свободу»⁸⁶. Автор делает правильный вывод, что присоединение не означало прекращения классовой борьбы в Киргизстане.

Истории присоединения Южной Киргизии к России посвящены исследования К. Усенбаева⁸⁷. В отличие от Северного Киргизстана процесс присоединения южных киргизов происходил намного сложнее, здесь ощущалось сильное влияние феодально-клерикальных кругов и были распространены антирусские настроения. Взявшись за столь трудную, но с научной точки зрения очень важную тему, К. Усенбаев изучил архивные материалы ЦГИА УзССР, ЦГВИА, а также фонды АН Киргизской ССР и Фундаментальной библиотеки ТашГУ и сумел осветить ход событий в Южной Киргизии в 60—70-х годах XIX в. На основе развернутого социально-экономического анализа Южной Киргизии он вскрывает подоплеку событий семидесятых годов, выявляет классовую неоднородность населения. Автор приходит к следующим выводам: если трудящиеся были настроены на соединение с Россией, то для феодально-клерикальных слоев общества были характерны настроения монархического толка: накануне присоединения в Южной Киргизии наблюдалось расширение фронта антифеодальной борьбы; Южная Киргизия отличалась крайне низким уровнем развития производительных сил; несмотря на колониальную политику русской буржуазии, объективно присоединение носило прогрессивный характер. К. Усенбаев пишет, что «революционные выступления русского пролетариата оказывали все большее воздействие на борьбу трудящихся Киргизии против местных эксплуататоров и царского самодержавия»⁸⁸. В октябре 1917 г. кир-

⁸⁵ В книгу вкралась грубая опечатка: указан 1879 г. (стр. 353), тогда как в действительности кокандское правительство было ликвидировано 19 февраля 1876 г.

⁸⁶ Добровольное вхождение Киргизии в состав России. С. 424.

⁸⁷ Усенбаев К. К вопросу о присоединении Южной Киргизии к России. Труды Ин-та истории АН Киргизской ССР. Вып. 1. Фрунзе, 1955; Он же. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960.

⁸⁸ Усенбаев К. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960. С. 159.

киргизский народ вместе с другими народами бывшей Российской империи пришел к подлинному освобождению — Великой Октябрьской социалистической революции.

Относительно попыток организации антирусского движения К. Усунбаев пишет: «...Часть киргизской феодальной знати, занимавшей более выгодные места в период господства Кокандского ханства, боясь потерять свои привилегии и богатства, выступала против присоединения Южной Киргизии к России. Но народные массы не поддерживали эти выступления феодальной верхушки и продолжали по-прежнему обращаться к администрации Туркестанского генерал-губернатора с просьбами о принятии их в подданство России»⁸⁹.

Киргизские историки среди факторов, определивших присоединение Киргизии к Российскому государству, выделяют основную заинтересованность обеих сторон в развитии взаимовыгодных экономических связей, внутреннюю и внешнеполитическую неустойчивость. Как специфический фактор, характерный только для Киргизии, ученые называют политическое и экономическое иго кокандского правительства.

История Киргизстана конца XIX — начала XX столетия успешно разрабатывается А. Хасановым, А. Г. Зимма, С. А. Аттокуровым, С. Ильясовым и другими историками республики. Особое внимание уделяют исследователи истории экономики и общественно-политическим отношениям киргизского дореволюционного общества⁹⁰.

Мнения историков сходятся на том, что экономические изменения в Киргизии после присоединения носили поступательный характер. Этому, в частности, благоприятствовало пресечение набегов извне и прекращение разорительных междоусобиц самих

⁸⁹ Там же. С. 175.

⁹⁰ Хасанов А. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией. Фрунзе, 1961; Он же. Экономические и политические связи Киргизии с Россией. Фрунзе, 1960; Зимма А. Г. Земельная политика царизма в Киргизии//Труды Киргизского пединститута. Т. II. Вып. 2. 1947. С. 23—52; Аттокуров С. А. Развитие мелкой промышленности в Киргизии в конце XIX — начале XX века//Ученые записки ист.-юр. ф-та Киргизского ун-та. Сер. истор. Вып. 8, 1964. С. 97—122; Он же. Развитие товарно-денежных отношений и появление купеческого сословия в Киргизии в конце XIX — начале XX века. Ученые записки ист.-юр. ф-та Киргизского ун-та. Сер. истор. С. 169—186; Он же. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Киргизии в конце XIX — начале XX века//Труды экономич. ф-та Киргизского ун-та. Вып. 1. Фрунзе, 1964. С. 178—194 (в заглавии ошибочно напечатана фамилия «Е. Аттокуров»); Ильясов С. К вопросу об общественно-политическом строе киргизского народа в начале 20 в.//Труды ИЯЛИ АН Киргизской ССР. Вып. 5. Фрунзе, 1956; Доронбекова Р. Е. К вопросу о развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве в северных районах Киргизии//Ученые записки ист.-юр. ф-та Киргизского ун-та. Сер. истор. Вып. 8. С. 123—135; Лачко А. Ф. Из истории общественно-политических отношений у киргизов в конце XIX и начале XX века//Труды ИЯЛИ Киргизского ФАН СССР. Вып. 3. Фрунзе, 1952; Хасанов А. К вопросу о классовых корнях связи киргизского народа с великим русским народом//Ученые записки ист.-юр. ф-та Киргизского ун-та. Сер. истор. Вып. 7, 1963. С. 3—8.

киргизских феодалов. Зарождение капиталистических отношений относится уже к последней четверти XIX в.: расширились масштабы русско-киргизской торговли, появились первые промышленные предприятия, усилилась роль капиталистических финансовых учреждений. В сельские районы капиталистические отношения в какой-то степени приносились переселенцами из центральных районов России. Зарождался класс пролетариата, например, благодаря строительству горнодобывающих предприятий в Майли-сае и Кизил-Кийе.

В ряде работ киргизских историков отражается пробуждение демократического и революционного правосознания, рост классовых противоречий, русско-киргизские революционные связи⁹¹.

Ученые единогласно приходят к выводу, что революция 1905—1907 гг. в России вызвала классовое брожение и стремление к национальному освобождению. В тот период происходили волнения на угольных шахтах Сулюкты и Кизил-Кийи. В 1906 г. царские власти ввиду участвовавших выступлений сельского населения были вынуждены ввести чрезвычайное положение. Большую роль в идеологической подготовке к революционным битвам играли возникшие в начале века в Киргизии марксистские кружки. Русский революционный пролетариат оказал решающее влияние на расширение прогрессивных движений в Киргизии.

Правящие круги царской России пренебрегали культурным наследием киргизского народа, они не только не поощряли культурное развитие Киргизии, но и опасались его. И тем не менее по инициативе передовых людей того времени в Киргизстане открываются светские школы, лечебные учреждения. О становлении киргизско-русских культурных связей рассказывается в работах М. Т. Айтабаева и А. А. Чукубаева⁹².

В этом плане особого внимания заслуживает монография, подготовленная коллективом Киргизии в составе Д. П. Сапаралиева, В. Я. Галицкого, В. М. Плоских, Д. Ш. Абышева, А. Б. Джаманкараева, А. Бедельбаева и К. У. Усенбаева под руководством известного исследователя Б. В. Лунина (г. Ташкент) «Взаимосвязи киргизского народа с народами России, Средней Азии и Казахстана (конец XVIII—XIX в.)»⁹³. В этом труде прослеживаются экономические, политические и культурные связи и взаимоотношения киргизов с русским, узбекским, таджикским и ка-

⁹¹ Нурбеков К. Пробуждение революционно-демократического правосознания киргизского народа до революции // Труды Киргизского ун-та. Сер. юр. наук. Вып. 9. 1966. С. 3—11; Лачко А. Ф. О влиянии первой русской революции 1905—1907 гг. на характер национальных движений в Киргизии в начале XX века // Труды Киргизского ФАН СССР. Вып. 4, Фрунзе, 1954.

⁹² Айтабаев М. Т. Историко-культурные связи киргизского и русского народов. По материалам Иссык-Кульской области Киргизской ССР. Фрунзе, 1957; Чукубаев А. А. О влиянии народной культуры русского народа на культуру народов дореволюционной Киргизии // Ученые записки истор. ф-та Киргизского ун-та. Вып. 9. 1966. С. 3—35.

⁹³ Взаимосвязи киргизского народа с народами России, Средней Азии и Казахстана (конец XVIII—XIX в.). Фрунзе: Илим, 1985.

захским народами на протяжении столетия. Основное внимание уделено общности исторических судеб, хозяйственно-культурным взаимосвязям и взаимовлияниям киргизского народа и народов Средней Азии и Казахстана после их добровольного вхождения в состав России. На основе использования обширного фактического материала освещается усиление в XIX в. совместной борьбы народов данного региона против социального и национального гнета. Важное значение имеет вывод о том, что исторически складывавшееся добрососедство трудящихся масс этого обширного региона значительно усилилось со времени добровольного вхождения Киргизии и Казахстана в состав России, а затем в результате объективно-прогрессивных последствий присоединения всей Средней Азии к России. Это обусловило приобщение киргизского, казахского, узбекского, таджикского, туркменского, каракалпакского и других народов во главе с русским пролетариатом к общероссийскому освободительному движению, их совместную борьбу за социальную и национальную свободу и независимость.

Таджикистан

Одним из первых среди советских историков объективно-историческое значение присоединения Средней Азии к России раскрыл известный таджикский ученый, партийный и общественный деятель Б. Г. Гафуров. Еще в годы Великой Отечественной войны в соавторстве с Н. Прохоровым он издает в Душанбе книгу «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины. Очерки из истории таджиков и Таджикистана», в которой, не затушевывая реакционную сущность политики царизма, подчеркивал, что Средняя Азия «была предметом захватнических вождедений не одной только царской России, но и других империалистических государств. Вхождение в состав любого из них исключало в последующем возможность объединения усилий трудящихся Таджикистана с усилиями великого русского народа в борьбе против царизма, против социального и национального гнета. В этом случае для них была бы исключена возможность воспользоваться завоеваниями Великой Октябрьской социалистической революции и с помощью великого русского народа прийти к социализму, минуя мучительную капиталистическую стадию»⁹⁴. Позднее, в 1962 г., в Душанбе издается книга, которая так и называлась «К социализму, минуя капитализм»⁹⁵, где затрагивался данный вопрос, правда, несколько фрагментарно.

Проблема присоединения таджикских земель к Российскому государству нашла правильное освещение в получившем широкое признание труде Б. Г. Гафурова «История таджикского народа», изданном впервые в 1949 г. и с тех пор неоднократно переиз-

⁹⁴ Гафуров Б., Прохоров Н. Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины. Очерки из истории таджиков и Таджикистана. Сталинабад, 1944.

⁹⁵ Гимнелевич Р. С. К социализму, минуя капитализм. Душанбе, 1962.

дававшемся⁹⁶. Автор посвятил особый раздел прогрессивно-историческому значению присоединения, особо подчеркнув, что через экономически более развитую Россию Средняя Азия стала тягиваться в мировое товарное обращение, начала развиваться промышленность, появились рабочие из местных национальностей. Среднеазиатские народы приобщились к революционной борьбе русского народа, от которой они были бы оторванными, если бы их земли оказались под господством Британской империи или Цинского Китая.

Гафуров отмечает, что изменения, происшедшие в политической жизни Средней Азии во второй половине XIX в., привели к прекращению кровопролитных междоусобных и непрерывных войн, крайне бедственно отражавшихся на местном населении, к отмене рабства. Он также подчеркивает, что были созданы предпосылки для формирования «прочного союза трудящихся революционной России с трудящимися национальностей окраин, в том числе Средней Азии, против царизма»⁹⁷, союза, который под руководством большевистской партии обусловил историческую победу в Октябре 1917 г.

Эти принципиальные положения были дополнены и развиты впоследствии на большом и разнообразном фактическом материале многими советскими авторами в коллективных и индивидуальных монографиях и научных статьях⁹⁸.

В коллективном труде «История таджикского народа» издания 1964 г. тема присоединения и его последствий раскрывается во второй книге второго тома⁹⁹. Работа написана коллективом таджикских историков и отредактирована Б. И. Искандаровым и А. М. Мухтаровой.

В новом издании учтены и использованы те достижения таджикской историографии, которые имели место за пятнадцатилетие, прошедшее с момента выхода в свет первого издания.

В канун присоединения таджики не имели единого государственного образования, так как вся Средняя Азия была разделена на феодальные государства и полунезависимые области, например, Гиссарское, Кулябское, Фальгарское, Кштутское, Каратегинское бекства и т. д. Таджики проживали на территории, подвластной бухарскому правительству, поэтому не удивительно, что во многих работах таджикских историков в прямой связи с общей постановкой вопроса наряду с историей районов собственно Таджикистана затрагивается история бухарского государства, и более всего — Восточной Бухары.

Большой вклад в разработку проблемы присоединения Таджи-

⁹⁶ Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Т. I. Изд. 3. М., 1955.

⁹⁷ Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении. 3-е изд. М., 1955. С. 423—425.

⁹⁸ См.: Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981. С. 295.

⁹⁹ История таджикского народа. Т. II. Кн. 2. М., 1964.

кистана к России внес С. А. Раджабов, автор третьей главы «Истории таджикского народа», изданной в 1964 г. Теоретические концепции С. А. Раджабова по проблеме были изложены в его докладе на объединенной научной сессии, посвященной значению присоединения Средней Азии к России (1959 г., г. Ташкент).

Экономическое и политическое положение Восточной Бухары и Памира освещается в трудах Б. И. Искандарова¹⁰⁰. В 60-е годы таджикские историки изучают социальную и политическую обстановку в полунезависимых бекствах, которым иногда удавалось сохранять номинальную независимость от противоборствующих Бухарского и Кокандского ханств в период до присоединения¹⁰¹. Бекства долгое время отстаивали независимость от посягательств Бухарского эмирата и не без помощи царских войск отрядам эмира удалось весной 1869 г. нанести поражение бекствам Восточной Бухары, в эмират были включены Шахрисабз, Китаб. Туркестанские колониальные власти осуществляли разграничение тех или иных районов, полностью игнорируя национальные, экономические, политические и иные интересы коренного населения.

Первая русская революция получила наиболее широкий отклик в Ходжентском уезде, тогда как революционные идеи в районы, оккупированные эмиратом, проникали с большим трудом и подавлялись деспотическим феодальным правлением. Тем не менее и в пределах бухарского государства, по свидетельству С. Айни, распространялась передовая идеология¹⁰². Усилилось сопротивление таджикских трудящихся эмиратскому угнетению. «Выступления дехканских масс на территории Восточной Бухары и западных районов Памира возникали под непосредственным влиянием и революции 1905—1907 гг. Царские войска, расположенные в пограничных районах Бухары, помогали эмиру и местным бекам в подавлении этих восстаний, вызывавших сильное беспокойство

---

¹⁰⁰ Искандаров Б. И. Социально-экономический и политический строй Восточной Бухары и Памира накануне присоединения Средней Азии к России // История СССР. 1959. № 4. С. 126—137; Он же. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Душанбе, 1960; Он же. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX века (в двух книгах). Душанбе, 1963.

¹⁰¹ Хамраев М. Очерки истории Хисарского бекства конца XIX и начала XX в. // Груды АН ТаджССР. Т. CXIV, 1959; Латыпов Н. Л. К вопросу о социальных отношениях в Дарвазском бекстве накануне установления Советской власти // Груды Кулябского пединститута. Вып. II—III; Назаров Х. Социально-экономический строй Кухистана во второй половине XIX и начале XX в. // Из истории Таджикистана // Сб. работ аспирантов Таджикского гос. ун-та. Вып. I, 1957; Стеценко С. А. Зарождение капиталистических отношений в сельском хозяйстве Ходжентского уезда в конце XIX — начале XX в. // Очерки по истории Таджикистана. Т. I. Душанбе, 1957; Бахрамов В. К вопросу о состоянии хозяйств Шутнага в дореволюционный период // Очерки по истории Таджикистана. Т. 2. Душанбе, 1959. С. 11—30; Мухтаров А. Очерк истории Уратюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964; Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX и начале XX века. Душанбе, 1964.

¹⁰² Айни С. Коротко о моей жизни. Душанбе, 1957. С. 71.

у начальников пограничных войск»¹⁰³. Таким образом, сознавая классовую общность революционного и освободительного движения, царь и эмир выступили против народных масс единым фронтом.

Первым исследователем истории революционного движения в Таджикистане был Садриддин Айни, еще в 1926 г. издавший в Москве «Материалы к истории Бухарской революции». Много лет спустя он коснулся этой темы в своей фундаментальной книге «К истории Бухары. Воспоминания» (М.—Л., 1960), этой же проблеме посвящены интересные работы А. В. Макашова и Т. Каримова¹⁰⁴. История Бухары кануна Октябрьской революции освещается в статьях исследовательницы из Таджикистана К. А. Богомоловой¹⁰⁵.

История общественно-политической мысли во второй половине XIX — начале XX в., представленной именами Ахмад Дониша, Садриддина Айни, Абдулкодира Ходжа Савдо, Возеха и Хайрата посвящены труды З. Ш. Раджабова¹⁰⁶.

Таджикские просветители выступали за внедрение светской системы школьного обучения, за усвоение передовых научных традиций, они «изучали многовековую русскую культуру, были усердными поборниками светского просвещения, учились у передовых людей русского народа непримиримой революционной страстности, пропагандировали идеи дружбы между народами, проповедали просветительные и демократические идеи»¹⁰⁷.

Туркмения

Туркменские историки уже в довоенное время располагали солидной источниковедческой и литературной базой для изучения истории XIX — начала XX в.¹⁰⁸

¹⁰³ История таджикского народа. Т. 2. Кн. 2. М., 1964. С. 228.

¹⁰⁴ Макашов А. В. К истории революционного движения трудящихся Туркестана в 1905—1907 гг. Душанбе, 1959; Каримов Т. Таджикистан в период революции 1905—1907 гг. Душанбе, 1965.

¹⁰⁵ Богомолова К. А. К истории революционного движения в Бухаре. Сообщения ТаджАН. Вып. XXX. Душанбе, 1951; Она же. Бухара в период февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. // Материалы к истории таджикского народа в советский период. Сталинабад, 1954.

¹⁰⁶ Раджабов З. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX — начале XX в. Сталинабад, 1957; Он же. Дружба навеки. М., 1960; Он же. Россия и таджикская литература конца XIX — начала XX в. Сталинабад, 1960; Он же. Просветитель Ахмад Дониш. Душанбе, 1964.

¹⁰⁷ История таджикского народа. Т. 2. Кн. 2. С. 259.

¹⁰⁸ Русинов В. В. Водно-земельная община у туркмен. Ташкент, 1918; Севастьянов И. Странички прошлого Туркмении и сопредельных с нею стран. Ашхабад, 1929; Библиография по Средней Азии (указатель литературы по колониальной политике царизма в Средней Азии). Составитель Н. Я. Вит-Кинд. Под ред. А. В. Шестакова. М., 1929; Библиографический указатель литературы по Туркмении. Вып. 1. Ашхабад, 1937; Козин С. А. Азиатский архив при Институте востоковедения Академии наук СССР. Л., 1934.

Первой попыткой создания сводной работы по истории Туркмении были «Очерки по истории Туркмении и туркменского народа» Г. И. Карпова (Ашхабад, 1940). У Г. И. Карпова много этнографических работ по туркменским племенам, носящих обзорно-справочный характер¹⁰⁹.

В 1957 г. туркменские историки выпустили первый том «Истории Туркменской ССР» под редакцией М. Е. Массона. Во второй книге этого издания прослеживается временной отрезок с кануна присоединения Туркменистана к России вплоть до февральской революции 1917 г. В работе освещается общее положение в стране накануне присоединения, рассказывается об исторических корнях русско-туркменских связей. В ней фактически впервые данная проблема получила такое широкое обобщение.

Естественно, создание коллективом туркменских ученых столь крупного исследования, в котором с марксистско-ленинских позиций освещается один из важнейших исторических этапов развития туркменского народа и подробно рассматриваются предпосылки такого политического акта как вхождение Туркменистана в состав Российского государства и последствия этого процесса в экономической, политической и культурной жизни народа, оказалось возможным благодаря многолетним исследованиям историков в области новой истории республики.

Результаты присоединения туркменские ученые признают в целом положительными: «...Вопреки царизму, в силу сложившихся исторических условий присоединение Туркменистана к России имело по своим объективным последствиям большое прогрессивное значение для туркменского народа»¹¹⁰. Факты, приводимые в работе, свидетельствуют о том, что социальная жизнь Туркменистана, как и других среднеазиатских колоний России, во многом не соответствовала колонизаторским расчетам царских сатрапов. Великодержавные проповеди не смогли воспрепятствовать сближению туркменского и русского народов, и самодержавный политический аппарат был бессильен прекратить проникновение революционных идей российской социал-демократии.

В Туркмении мирное присоединение сочеталось с борьбой трудящегося населения против вооруженной экспансии царизма. Так, жители Марыйского и Пендинского оазисов приняли подданство добровольно, однако население Алаттекинского оазиса, вначале установившее с представителями русских властей контакты, позже начало вооруженное сопротивление. Авторы объясняют это причинами политическими — позицией феодальной верхушки, происками англичан, но, по-видимому, на ход событий повлияли также и причины социального порядка, какие именно — еще предстоит выявить.

Вторая книга первого тома снабжена богатым указателем ис-

¹⁰⁹ Более подробно см.: Указатели Истории Туркменской ССР. Т. 2. Кн. 2. Ашхабад, 1957.

¹¹⁰ История Туркменской ССР. Ашхабад, 1957. Т. 2. Кн. 2. С. 138.

точников и литературы по вопросам, касающимся присоединения Туркмени к России. Включены в указатель и материалы газет двадцатых годов, в которых содержится много сведений о революционном движении в Туркмени в начале нашего столетия.

Многие аспекты проблемы присоединения туркменских земель к России рассматривает в своих трудах А. Каррыев, опираясь на документальные материалы¹¹¹.

В 1963 г. в Ашхабаде была издана монография А. Савокина «Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв.». Автор показывает, что взаимное стремление русских и туркмен к сближению возникло задолго до второй половины прошлого века, когда присоединение было оформлено политически. Часть туркменских племен в годы русско-персидской борьбы уходила в пределы русского государства.

Известный советский историк М. Н. Тихомиров в своем труде «Присоединение Мерва к России» делает вывод о колонизаторской сущности завоевательской политики царской России, но показывает, что отдельные туркменские племена отнеслись к принятию российского подданства благоприятно, несмотря на провокационную деятельность в Туркмени зарубежной агентуры, вдохновителем которой было британское правительство. Именно этим в значительной степени определялся добровольный характер принятия различными туркменскими племенами российского подданства.

Прав Б. Г. Гафуров, отметивший в предисловии к книге, что труд М. Н. Тихомирова, крупного советского ученого, известного специалиста по истории донетровской Руси, является фактически первым серьезным монографическим исследованием на тему присоединения Мерва к России. Большую помощь в издании книги оказали М. Н. Тихомирову В. М. Хвостов, А. Л. Нарочницкий и др.

Среди социальных последствий вхождения туркменских территорий в состав России М. Н. Тихомиров отмечал тот факт, что царизм тормозил хозяйственное развитие народов Туркмени. Однако, сделав Туркмению окраинным районом Российской империи, «он вместе с тем не мог не насаждать одновременно капиталистических отношений, представлявших шаг вперед по сравнению с отсталым, феодальным укладом, господствовавшим в Туркмени»¹¹². М. Н. Тихомиров упустил из виду, что русская буржуазия была кровно заинтересована в создании таких видов промышленности, как горнодобывающая, по первичной обработке сельхозсырья, так что правомернее говорить не об отсутствии промышленного развития, а об одностороннем развитии отрасли.

¹¹¹ Каррыев А. Величайшее прогрессивное значение присоединения Туркмени к России//Коммунист Туркменистана. 1953. № 1: Он же. Вхождение Мургабского оазиса в состав Российской империи//Известия Туркменского ФАН СССР. 1951. № 3. Каррыев А. и Росляков А. А. Краткий очерк истории Туркменистана (От присоединения к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Ашхабад, 1956.

¹¹² Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960. С. 207.

С историографической точки зрения после выхода в свет I тома (книга вторая) «Истории Туркменской ССР» (Ашхабад, 1957) и монографии М. Н. Тихомирова «Присоединение Мерва к России» (Москва, 1960) присоединение туркменских земель к России (конец 60 — середина 80-х годов прошлого столетия) стало рассматриваться как одно из наиболее важных исторических событий в жизни туркменского народа до Великой Октябрьской социалистической революции. Вопреки реакционно-захватническим методам царизма во время завоевания края, его последующей антинациональной, колонизаторской политике, присоединение Туркменистана, как и всей Средней Азии, к России по своим объективным результатам имело прогрессивное значение. Положительно оно сказалось и на экономическом, политическом и культурном развитии Туркменистана в составе Российской империи, и прежде всего на формировании необходимых предпосылок для социального и национального освобождения туркмен с помощью и под руководством пролетариата России.

Именно поэтому разработка вопросов, непосредственно связанных с историей присоединения, имеющего большое научное и политическое значение, остается в центре внимания туркменских историков. При этом учитывалось, что присоединение Туркменистана к России — весьма сложный процесс, в котором переплелись политические интересы царской России, империалистической Англии и соседних с Туркестаном Ирана и Хивы с классовой и межплеменной борьбой внутри туркменского общества. По ряду конкретных причин и обстоятельств процесс вхождения отдельных районов Туркменистана в состав России происходил далеко не в одинаковой форме: одни районы были присоединены мирным путем, другие завсезаны царскими войсками.

Необходимо было продолжить глубокий научный марксистский анализ всех аспектов продолжительного и сложного процесса присоединения туркменских земель к России, строго объективное изучение всего комплекса вопросов, с ним связанных, и раскрыть его двойственный смысл и содержание, его значение в истории туркменского народа. Такое всестороннее изучение данной проблемы предприняли туркменские историки Дж. Давлетов и А. Ильясов. Они пришли к выводу, что несмотря на определенную разработанность данной проблемы недостаточно полно изучены все этапы присоединения, и попытались восполнить этот пробел в совместном исследовании «Присоединение Туркмении к России»¹¹³. Авторы книги делают попытку не только обобщить факты, впервые вводимые в научный оборот, но и осмыслить уже известные факты и таким образом воссоздать более или менее полную картину присоединения Туркмении к России, отразить этот длительный, своеобразный, многоплановый и противоречивый процесс с учетом всей сложности внутреннего и внешнего положения Туркмении.

¹¹³ Давлетов Дж., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад, 1972.

Монография Дж. Давлетова и А. Ильясова написана в основном на архивных источниках, использованы документальные материалы Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА), Центрального государственного исторического архива СССР (ЦГИА), центральных государственных архивов Туркменской, Узбекской и Грузинской ССР, Марыйского областного архива, а также материалы сборников архивных документов. Наряду с архивными источниками в монографии критически использованы многочисленные работы дореволюционных авторов (Н. И. Гродекова, А. Маслова, М. Алиханова-Аварского, В. А. Туган-Мирза Барановского, Л. К. Артамонова, К. К. Абаза, А. Ржевусского, Б. С. Эсадзе и др.), которые в большинстве своем являлись непосредственными участниками завоевания и присоединения Туркмении к России. Ценность монографии заключается также в том, что в ней использованы многочисленные периодические издания 70—80-х годов прошлого столетия. При освещении отдельных вопросов использованы устные сообщения старожилов, материалы рукописного фонда Института языка и литературы им. Махтумкули АН ТССР, работы советских историков, изучавших историю присоединения к России в своих республиках, и прежде всего в соседних с Туркменистаном республиках Средней Азии.

Некоторым важным историческим событиям в период присоединения посвящены также ранние работы А. Ильясова и Д. Давлетова¹¹⁴. О первых промышленных предприятиях Туркмении капиталистического типа рассказывается в исследовании П. Реджепова «Из истории строительства Кызыларватских железнодорожных мастерских»¹¹⁵. Железнодорожное строительство осуществлялось царским правительством не для удовлетворения экономических потребностей местного населения, а как самое удобное транспортное средство для вывоза сырья и полу сырья в метрополию и из соображений стратегического плана. В то же время создание железнодорожных предприятий привело к активизации и росту численности революционно настроенного пролетариата.

Истории возникновения и развития революционного движения в Туркменистане посвящены труды А. В. Пяковского¹¹⁶. Начало социал-демократического движения в Туркменистане было зарегистрировано за несколько лет до революции в России, но именно

¹¹⁴ Ильясов А. Авантюрная деятельность английских агентов в Мургабском оазисе в момент его присоединения к России//Ученые записки Марыйского женского пединститута. Вып. 1. 1957; Давлетов Д. Укрепление позиций царизма на восточном берегу Каспийского моря и присоединение Западного Туркменистана к России//Известия АН Туркменской ССР. Сер. общественных наук. 1962. № 4. С. 3—12.

¹¹⁵ Известия АН Туркменской ССР. Сер. общественных наук. 1966. № 6. С. 16—26.

¹¹⁶ Пяковский А. В. Туркменистан в период первой русской революции 1905—1907 гг. Ашхабад: Изд-во Туркм. ССР, 1955; Он же. Об особенностях революции 1905—1907 гг. в Средней Азии//Доклады и сообщения Института истории АН СССР. М., 1956. С. 9; Он же автор главы VIII «Туркменистан в период первой русской революции (1905—1907 гг.)//История Туркменской ССР. Т. 1. Кн. 2. Ашхабад, 1957, С. 206—701.

революционная ситуация, возникшая после 9 января 1905 г., указывает А. В. Пясковский, дала «мощный толчок к дальнейшему развитию в Туркменистане социал-демократического движения»¹¹⁷. Анализируя значение революционных событий 1905—1907 гг. в Туркмении, автор отмечает проникновение революционных идей в сознание трудящихся масс местного населения. В годы «генеральной репетиции» (выражение В. И. Ленина) будущих битв возросло классовое самосознание трудящихся, укрепился союз между трудовыми слоями русского и туркменского народов. Среди причин поражения первой революции в Туркменистане А. В. Пясковский видит малочисленность промышленного пролетариата и преобладание аграрной стихии, кружковщину в социал-демократии, трудности в установлении контактов между по преимуществу русским по национальности пролетариатом и туркменской сельской беднотой. Эти трудности усугублялись искусственно разжигаемой религиозной и национальной рознью. А. В. Пясковский считает, что в отличие от центральных районов империи, где крестьяне выступали в основном против помещиков, а не против царизма, туркменские дехканы предпочитали выступать против царских властей, но воздержаться от борьбы «со своими» феодалами»¹¹⁸.

Возникновению и оформлению социал-демократического движения посвящена и статья А. А. Рослякова «Возникновение социал-демократических кружков и групп в Туркменистане»¹¹⁹.

Пролетарское движение в годы реакции рассматривается в статье Ю. С. Кузнецова «Рабочее движение в Туркменистане (1910—1914 гг.)»¹²⁰.

Таким образом, историография присоединения туркменских земель к России и последствий присоединения достигла значительных положительных результатов, туркменские историки продолжают работать в этом направлении.

---

¹¹⁷ История Туркменской ССР. Т. 1. Кн. 2. С. 211.

¹¹⁸ Там же. С. 300.

¹¹⁹ Труды Туркменского филиала Института истории партии при ЦК КПСС. Т. 1. Ашхабад, 1955. Разносторонний исследователь и популяризатор истории Туркмении А. А. Росляков теме революции 1905—1907 гг. в Закаспийской области посвятил следующие работы: Революция 1905—1907 гг. в Туркменистане//Коммунист Туркменистана. 1955. № 3 (на русс. и туркмен. яз.); Он же. Нелегальная социал-демократическая печать в Туркменистане в 1905—1907 гг.//К пятидесятилетию первой русской революции 1905—1907 гг. Труды Туркменского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Вып. II. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1956. В этой же книге его статьи: Большевизм Туркменистана в период революции 1905—1907 гг.; Он же. Революционное движение и социал-демократические организации в Туркменистане в дооктябрьский период (1900—март 1917 гг.). Ашхабад: Туркменгосиздат, 1957.

¹²⁰ Известия АН Туркменской ССР. Сер. общественных наук. 1962. № 6. С. 14—25; См.: Он же. Начало революционного подъема в Туркменистане в январе—мае 1905 г.//К пятидесятилетию первой русской революции 1905—1907 гг.; Он же. Забастовочное движение на острове Челекене в 1913—1915 годах//Труды Туркменского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Т. 1. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1955; и др.

Глава V

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ПО ПРОБЛЕМЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ

Публикация письменных источников по истории Средней Азии второй половины прошлого и начала нынешнего веков — проблема далеко не решенная, в этом смысле источниковедение в большом долгу перед историей. К настоящему времени ученые могут воспользоваться такими изданными источниками, как произведения классиков марксизма-ленинизма, партийно-правительственные документы, официальная документация царских властей в Средней Азии, документы местных феодальных правительств, литературно-научные произведения русских ученых различных профилей, побывавших в Средней Азии, произведения прогрессивных представителей общественно-политической мысли Средней Азии.

Первые два вида указанных источников, особенно необходимые для теоретического осмысления исторических событий, сейчас доступны широкому кругу читателей. Сложнее обстоит дело с остальными видами источников, потребность в которых еще остается неудовлетворенной.

В последнее время опубликована «История мангытских государей» Мирзы Абдулазима Сами¹, которая представляет собою замечательный источник по истории мангытской династии в Бухаре. В ней много фактов о внутриполитическом положении Бухарского эмирата.

В 1960 г. таджикские историки опубликовали критический текст «Краткой истории мангытских государей Бухары» Ахмада Дониша², где, в частности, описываются события русско-бухарской войны, показывается невежество эмирского окружения и неоправданная самоуверенность самого правителя Музаффера А. Дониш прекрасно знал политическую атмосферу Бухары, в качестве члена эмирского посольства он участвовал в поездках в Петер-

¹ Мирза 'Абдал'азим Сами. Та'рих-и салатин-и мангитийа. Издание текста, предисловие и примечания. Л. М.Епифановой. М., 1962.

² Дониш Аҳмад Маҳдуми. Рисола е мухтасаре аз таърихи салтанати хонадони мангития. Душанбе, 1960.

бург. Свои впечатления он записывал на родном и русском языке³, который он хорошо знал. Труды А. Дониша содержат большой фактический материал. Он был монархистом, склонялся к сохранению власти эмира на законах шариа и ислама и дальше неопределенных социальных преобразований не шел. Правда, в условиях эмирской Бухары даже программа А. Дониша звучала революционно. Он предлагал заимствовать все положительное у Российского государства и тем самым способствовать укреплению эмирата⁴.

В 1965 г. Л. М. Елифановой был опубликован подробный обзор нескольких рукописных источников периода присоединения⁵. В книге излагается содержание «Трактата» Ахмада Дониша, «Подарок шаху» Абдал'азима Салими, «История Салими» того же автора, «История» Мухаммада Шарифа садр Зийя, «Изложение примеров в обстоятельствах жизни автора» Хамиди Ибн Бака, одажа и письмо бухарского правителя Музаффера турецкому султану. По мнению издателя, изучение нарративных рукописных трудов (они хранятся в Институте востоковедения АН УзССР) «поможет разрешить некоторые вопросы по истории среднеазиатских ханств рассматриваемого времени»⁶. Изучение рукописей позволяет сделать следующие выводы: между ханствами велись кровопролитные войны; от феодальных распри в первую очередь страдало гражданское население; деление на феодальные государственные образования препятствовало консолидации узбеков, таджиков и других народностей Средней Азии, для бухарского эмирата был присущ замкнутый консерватизм. Наконец, источники свидетельствуют о том, что объявленный духовенством газават (священная война) против русских был встречен жителями без большого энтузиазма, приходилось гнать их палками.

В 1935 г. у одного из жителей Ташкента была обнаружена рукопись «Таърихи джадиди Тошкент» («Новая история Ташкента») ташкентского историка Мухаммада Салиха. Обзор источника дан Я. Г. Гулямовым⁷, текст книги не опубликован. Книга отражает точку зрения тех слоев населения, которые противились присоединению среднеазиатских земель к Российскому государству. Я. Г. Гулямов сообщает, что автор описывает жизнь Ташкента в канун присоединения. «СOLIDную часть рукописи занимают подробности военных действий между царскими войсками и гарнизоном Кокандского ханства, начиная от Аральского моря, вернее

³ Дониш Ахмад. Путешествие из Бухары в Петербург. Душанбе. 1960.

⁴ Об Ахмаде Донише см.: Гафуров Б. Г. История таджикского народа. С. 449—451; Улуғзода С. Ахмади Дониш. Сталинабад. Таджикгосиздат. 1946.

⁵ Елифанова Л. М. Рукописные источники по истории Средней Азии периода присоединения ее к России. Бухара — Ташкент, 1965.

⁶ Там же. С. 70.

⁷ Гулямов Я. Новый источник по истории завоевания Туркестана русским царизмом // Известия Узбекстанского ФАН СССР. 1941. № 4. С. 81—83.

от Ак-Мечети (Кзыл Орда) и кончая боевыми эпизодами между бухарской и царской армиями»⁸.

В 1963 г. были опубликованы акты по Ура-тюбинской области, датированные XVIII—XIX вв.⁹, которые отражают социальные отношения в Средней Азии перед присоединением.

В 1967 г. советские историки издали сборник документальных источников из архива хивинских ханов¹⁰, из которого можно многое почерпнуть для разработки вопросов истории и быта каракалпаков, проживавших в Хорезмском оазисе.

Указанному изданию предшествовала работа А. Н. Самойловича, который перевел на русский язык отрывки из хивинских хроник прошлого столетия¹¹, и книга П. П. Иванова «Архив хивинских ханов»¹². К данной группе, пожалуй, уместно отнести и доклад М. Ю. Юлдашева на международном конгрессе востоковедов о расшифровке одного из дел хивинских архивов¹³.

На том же конгрессе с сообщением об источниках по истории Кокандского ханства выступил В. А. Ромодин¹⁴. В свое время в Ленинград были перевезены архивные материалы по истории Коканда. В 1957 г. обзор имеющихся бумаг архива кокандских правителей в Ленинграде был сделан А. А. Троицкой¹⁵. Работа носила характер предварительного обзора и изучение кокандского архива необходимо продолжить с последующей целью издания соответствующего сборника.

Еще до войны Институт востоковедения АН СССР издал сборник иранских, бухарских и хивинских источников XVI—XIX вв. по истории туркменского народа¹⁶.

Следует отметить, что среди советских республик Средней Азии и Казахстана больше всего сборников документальных материалов, источников, а также библиографических пособий по колониальному периоду и революционному движению истории Туркестана, всей Средней Азии издано в Туркмении. В 1937 г. в Ашхабаде выходит «Библиографический указатель литературы по Туркмении», составленный С. А. Ершовым, Г. А. Погосьяном,

⁸ Там же. С. 82.

⁹ Материалы по истории Ура-тюбе. Сб. актов 18—19 вв. М., 1963.

¹⁰ Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков. М., 1967.

¹¹ Самойлович А. Н. Сокращенный перевод отрывков из хивинских хроник 19 в. о хивинско-каракалпакских отношениях//Материалы по истории каракалпаков. Труды ИВАН. Т. VII. М.—Л., 1935.

¹² Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в. (исследование и описание документов с историческим введением). Новые источники для Истории Средней Азии. М.—Л., 1940. С. 5—26.

¹³ Юлдашев М. Ю. Расшифровка 34-го дафтера из архива хивинских ханов (К вопросу о земельных отношениях в Хиве XIX в.). М., 1960.

¹⁴ Ромодин В. А. Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (16—19 вв.) в рукописных собраниях Ленинграда. М., 1960.

¹⁵ Троицкая А. А. Архив кокандских ханов 19 в. Предварительный обзор//Труды публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Т. 2(5), 1957.

¹⁶ Материалы истории туркмен и Туркмении. Т. 2. Вып. XXI. М.—Л.: Институт востоковедения АН СССР, 1938.

через год, в 1938 г. С. А. Ершов совместно с С. Т. Филипповым издает сборник «Восстание 1916 г. в Туркмении (документы и материалы)»¹⁷, а в 1946 г. благодаря усилиям проф. А. Г. Соловьева к другим ученым появляются один за другим три сборника документальных материалов, отражающих вопросы вхождения Туркмении в состав России и начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 и 1908—1917 гг.¹⁸ Эти издания были большим подспорьем для исследователей истории Туркестана и среднеазиатских ханств в колониальный период. В «Красном архиве» в 1928 и в 1939 гг. были опубликованы документы, относящиеся к колониальной политике Временного правительства и русско-туркменским связям в XVIII в.¹⁹, также являющиеся ценными источниками по дооктябрьскому периоду истории Туркменистана.

Среднеазиатские историки продолжают детально изучать документальные данные о связях народов Средней Азии с Россией в канун присоединения²⁰.

В настоящее время перед историками встает вопрос о создании систематизированного обзора находящихся в основных хранилищах страны важнейших документальных материалов, в которых затрагивается проблема присоединения Средней Азии к России и его прогрессивных последствий. Источниковедческий труд подобного рода намного облегчит научно-исследовательскую работу по всестороннему исследованию проблемы.

На Объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России (май—июнь 1959 г., Ташкент), указывалось на далеко не достаточную еще

¹⁷ Ершов С. А., Погосян Г. А. Библиографический указатель литературы по Туркмении. Вып. 1. Ашхабад, 1937; Восстание 1916 г. в Туркмении (документы и материалы).— Составители С. А. Ершов, С. Т. Филиппов; Сюда же следует добавить «Материалы по истории Туркмении». Т. 1—2. М.—Л., 1938—1939, подготовленные Институтом истории при ЦК КП Туркменской ССР.

¹⁸ Россия и Туркмения в XIX в. К вхождению Туркмении в состав России. Сб. документов. Составители А. Г. Соловьев, А. А. Сеннаков. Кн. 1. Ашхабад, 1946; Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 гг. Сб. документов. Кн. 2. Составитель проф. А. Г. Соловьев. Ашхабад—М., 1946; Начало революционного движения в Туркмении. Революционное движение в Туркмении в 1908—1917 гг. Сб. документов. Кн. 4. Составитель проф. А. Г. Соловьев. Ашхабад—М., 1946.

¹⁹ Из истории национальной политики Временного правительства (Украина, Финляндия, Хива. Документы)//Красный архив. Т. 5(30), 1928; Из истории сношения России с туркменами в XVIII в. (документы 1774—1778 гг.)//Красный архив. Т. 2. 1939.

²⁰ Из истории сношения России с туркменами в 18 веке (документы)//Красный архив. Т. 2. 1939; Ибрагимов С. К. Рукопись по истории развития земледелия у казахов в середине 19 века. Вып. 2. Известия АН Казахской ССР. 1955; Мухамеджаров А. Характеристика основных изданных источников по взаимоотношениям Бухарского ханства с Россией в 20—50-х годах 19 века. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ташкент, 1955; Нигматов Т. Н. Характеристика основных изданных источников по взаимоотношениям Хивинского ханства с Россией в 20—50-х годах 19 века. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ташкент, 1955; Казахско-русские отношения в 18—19 веках (1771—1867). Алма-Ата, 1964.

изученность документальных материалов, о чем свидетельствует отсутствие сколько-нибудь полных сборников архивных документов. Для восполнения этого серьезного пробела и тем самым содействия дальнейшему изучению советской исторической наукой вопроса о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России Институт истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР совместно с Центральным государственным историческим архивом УзССР осуществил издание сборника архивных документов «Присоединение Туркмени к России»²¹ под общей редакцией А. Ильясова. В составлении сборника принимали участие сотрудники Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, Центрального государственного военно-исторического архива, Центрального государственного архива Военно-Морского Флота, Центрального исторического архива Узбекской ССР, Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР, Центрального государственного исторического архива Узбекской ССР.

Выявление богатых архивных документов, научное исследование, сопоставление и введение их в научный оборот позволило определить место народов Средней Азии в общемировой истории в период вхождения их в состав России, имевшего прогрессивные последствия.

Институт истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР и Центральные государственные архивы Туркменской ССР и Узбекской ССР были инициаторами публикации серии сборников документов и материалов, посвященных историческим последствиям присоединения Средней Азии к России²². В 1962 г. в Ашхабаде под редакцией Б. Курбанова и Л. Р. Семенович был опубликован сборник документов и материалов «Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркменистане в 1881—1907 годы». Предисловие к сборнику написано Б. Курбановым, одним из составителей предыдущего сборника архивных документов «Присоединение Туркмени к России» (Ашхабад, 1960).

Проблема вхождения Туркмени в состав России разрабатывалась и дореволюционными авторами — современниками и участниками завоевательных походов — Гродековым, Масловым, Куропаткиным, Терентьевым и др.²³ Однако их работы в основном

²¹ Присоединение Туркмени к России (сб. архивных документов). Ашхабад, 1960.

²² См.: Материалы по районированию Средней Азии. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 1. Кн. 1—3. Ташкент, 1926; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв. Л., 1932.

²³ Гродеков Н. И. Война в Туркмени. Поход Скобелева в 1880—1881 гг. Т. I—III. Спб., 1883; Он же. Хивинский поход 1873 г. Изд. 2. Спб., 1888; Желябужский Е. Очерки и завоевание Хивы. М., 1975; Маслов А. Завоевание Ахал-Теке. Очерки из последней экспедиции Скобелева (1880—1881). Спб., 1882; Куропаткин А. Н. Завоевание Туркмени (поход в

посвящены военным действиям царских войск, дипломатическим сношениям царской России с соседними государствами, мероприятиям царской администрации в завоеванных областях. Исключение до некоторой степени составляет книга А. А. Семенова «Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881—1885)»²⁴, в которой сделана первая попытка научной разработки проблемы. При всех недостатках в плане методологической разработки проблемы указанные работы отличаются обилием фактического материала, представляющего научную ценность.

В 50-е годы опубликованы документы русских исследователей Средней Азии²⁵, где отражен один из положительных факторов присоединения — научное освоение Средней Азии, дошедшие до наших дней документы русских ученых, рассказывается о доброжелательном отношении русских к народам коренных национальностей.

Точка зрения русских колониальных властей отражена в книгах и статьях, опубликованных в период после присоединения и до Великого Октября, значительная часть которых не является библиографической редкостью и доступна посетителю библиотеки.

Наиболее интересные свидетельства современников издаются и в послереволюционный период и даже в последние десятилетия. Так, в 1950 г. было завершено четырехтомное издание дневника Д. А. Милютина, военного министра Российской империи, который помогает понять суть и цели российской политики в Средней Азии²⁶. В 1963 г. А. Хасановым были подготовлены к публикации новые документы о положении в Кокандском ханстве в 1875 г.²⁷

Рассматривая исторические источники, следует остановиться на их значении для разработки проблемы историографии присоединения Средней Азии к России. Многие дореволюционные исследователи-ориенталисты в Туркестане внесли большой вклад в создание и развитие советского востоковедения, оставили после себя богатое научное наследие, являющееся бесценным источником.

Среди представителей русской ориенталистики, положивших начало научному изучению истории и культуры народов Средней

Ахал-Теке в 1880—1881 гг.) с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 год. С картами, планами, портретами и рисунками. Спб., 1889; Он же. Туркмения и туркмены. Из военного сборника. Спб., 1879. № 9, 10; Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. Спб., 1906; Куропаткин А. Н. Дневник А. Н. Куропаткина // Красный архив. Т. XXXIV, 1929; Куропаткин А. Н. Из дневника А. Н. Куропаткина (с 6 марта по 15 мая 1917 г.) // Красный архив. № 1(20), 1927.

²⁴ Семенов А. А. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881—1885). Ташкент, 1909.

²⁵ Романовский Г. Д. Сб. документов. Ташкент, 1961; Федченко А. П. Сборник документов. Ташкент, 1956; Северцев Н. А. Сб. документов. Ташкент, 1958.

²⁶ Дневник Д. А. Милютина. 1873—1882. Т. 1—4, М., 1947—1950.

²⁷ Извлечения из всеподданнейшего отчета командующего войсками Туркестанского военного округа за 1875 год о ходе движения киргизов против Кокандского ханства // Ученые записки ист.-юр. ф-та Киргизского ун-та. Сер. истор.. Вып. 7. 1963. С. 157—159.

Азии, включая колониальный период, следует назвать В. В. Бартольда — одного из тех, которые, по меткому определению акад. И. Ю. Крачковского, «никогда не будут забыты в истории нашей культуры, в истории мировой науки»²⁸. В. В. Бартольд не только чрезвычайно плодотворно трудился для утверждения приоритета русского востоковедения в исследовании исторического прошлого народов Туркестана и Средней Азии, но также успешно работал над изучением истории периода вхождения среднеазиатских народов в состав России. Помимо его фундаментальных работ, отражающих раннефеодальный период истории народов Средней Азии, в послереволюционный период появляются оригинальные работы его по новому периоду истории народов Советского Востока: «История культурной жизни Туркестана» с его главами «Оседлый и кочевой быт при русской власти», «Школы», «Русское переселенческое движение», «Городская жизнь», «Туземы и русская власть», «Европеизация управления и туземцы», «Русская власть и ханства. Бухара», «Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских», «Таджики», «Киргизы», «Очерк истории туркменского народа» и др.²⁹

В трудах В. В. Бартольда впервые делается попытка материалистического исследования истории и культуры народов Средней Азии до и после их вхождения в состав России, возникновения и развития хлопководства в крае, определения комплексного и тематического планов научной разработки истории каждой народности региона, их вклада в мировую цивилизацию. Предметом специального исследования ученого стала городская жизнь, развитие ремесел и кустарного дела.

Образцом детального изучения культурного наследия народов национальных окраин России представителями русской ориенталистики следует считать работы В. В. Бартольда «Культура мусульманства», «Улугбек и его время», «Мир-Али-Шир и политическая жизнь», «Могила поэта Низами»³⁰.

Правда, в изучении духовного наследия народов Закавказья и Средней Азии у Бартольда были предшественники. По свидетельству Л. И. Климович, именно русские ученые еще до начала присоединения Туркестана к России заложили основы изучения творчества Низами как культурного явления в истории народов

²⁸ Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1958. С. 143.

²⁹ Бартольд В. В. История русской жизни Туркестана. Л., 1927; Он же. История Туркестана. Ташкент, 1922; Он же. Киргизы (Исторический очерк). Изд. 2. Фрунзе, 1927; Фрунзе, 1943; Он же. Очерк истории туркменского народа//Туркмения. Т. 1. Л., 1929; Он же. Таджики. Исторический очерк//Таджикистан. Сб. статей. Ташкент, 1925. С. 93—111; Он же. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских//Хлопковое дело. 1924. № 11—12.

³⁰ Бартольд В. В. Культура мусульманства. Пг., 1918; Он же. Улугбек и его время. Пг., 1918; Мир-Али-Шир и политическая жизнь//Мир-Али-Шир. Сб. к пятистолетию со дня рождения. Л., 1928. С. 100—164; Могила поэта Низами//ЗВОРАО. Т. XXI, 1913.

Закавказья³¹, литературного наследия великого узбекского поэта Алишера Навои³². С этого времени изучение произведений Навои, родоначальника узбекской литературы, стало обязательным по курсу тюркских языков и наречий, читавшемуся в русских учебных заведениях. Тексты из произведений Навои напечатаны уже в первом томе «Турецкой хрестоматии» М. Березина, изданной в Казани в 1857 г. Русский тюрколог Н. И. Ильинский во «Вступительном чтении в курс турецко-татарского языка», который он начал читать в 1861 г. в Казанском университете, уделил большое внимание Навои, охарактеризовав его как «поэта-патриота» и «почти единственного или, по крайней мере, могущественнейшего бойца за родной язык»³³. Русские же ученые начали изучение творчества Бабур, Мухаммеда Салиха, Махтумкули и других представителей литературы народов Средней Азии, что весьма знаменательно, ибо именно в это время в среднеазиатских ханствах Бухаре, Хиве и Коканде царили произвол, мракобесие, нищета, и мурлы тщательно ограждали массы от творческого наследия Навои и Бабур, якобы за их «любовные и богоотступнические писания». Такая же участь постигла произведения великого классика туркменской литературы Махтумкули. Огромный интерес представляют также работы В. В. Бартольда по истории народов Кавказа и Восточной Европы³⁴.

В. В. Бартольд продолжал традицию изучения истории Средней Азии, начатую его предшественниками — В. В. Григорьевым и Н. И. Веселовским. В Средней Азии он проводил обширную научно-общественную деятельность, поддерживал связи с краеведами, участвуя в работе Туркестанского кружка любителей археологии (1895—1917)³⁵, сотрудничая в «Туркестанских ведомостях», «Окраине», «Русском Туркестане» и других местных органах. Научно-исследовательская работа В. В. Бартольда развивалась очень интенсивно (только до 1913 г. им было опубликовано более 150 работ, не считая статей в энциклопедиях). Собственно имя и научные труды В. В. Бартольда составляют прогрессивную русскую историографию Средней Азии, создающуюся в имперна-

³¹ См. выступление Л. И. Климович на расширенном заседании Отделения гуманитарных наук Академии Наук Узбекской ССР, состоявшемся в Ташкенте 21—27 апреля 1949 г. «О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана». Ташкент, 1951. С. 156.

³² Никитский В. В. Эмир-Низам-эт-дин-Али-Шир в государственном и литературном его значении. Рассуждение. Спб., 1856.

³³ Ученые записки, издаваемые Казанским университетом. 1861. Кн. III. С. 33—38.

³⁴ Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925. Научная общественность страны, особенно среднеазиатских республик, с удовлетворением встретила издание «Сочинений» академика В. В. Бартольда, осуществленного в 60-х годах по постановлению Бюро отделения исторических наук Академии наук СССР от 21 июня 1960 г.

³⁵ См.: Лукин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.). Ташкент, 1958.

листический период развития военно-феодалного капитализма в России и получившую свое подлинное развитие на материалистической основе в период после Великого Октября. В. В. Бартольда как первого историографа Средней Азии отличал высочайший гуманизм, ему чужды были «национальный эгоизм, шовинизм и расизм, презрение к правам и интересам других народов, их национальному культурно-историческому наследию», который разжигает и провозглашает империализм³⁶. Это тоже — одно из прогрессивных последствий присоединения Средней Азии к России.

Так возникла передовая прогрессивная бартольдовская историографическая школа Средней Азии, которую, наряду с русскими учеными, представляла новая советская национальная интеллигенция среднеазиатских республик. Данью заслуженного уважения памяти академика В. В. Бартольда, основателя историографической школы по Средней Азии, является выход в свет в 1981 г. монографии видного историка Б. В. Лунина «Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда. Средняя Азия в отечественном востоковедении»³⁷. В этой книге на широком историческом фоне изучается жизнь, огромное научное наследие и заслуги В. В. Бартольда как выдающегося ученого, исследователя историко-культурного прошлого народов Средней Азии и сопредельных стран. Книга является итогом многолетних изысканий и написана с привлечением обширного круга архивных данных и эпистолярных материалов, частично впервые введенных в научный оборот. Жизнь и труды В. В. Бартольда освещаются в качестве одной из ярких и важных страниц в общей истории формирования и развития отечественного востоковедения конца XIX — начала XX в.

Изучением этногенеза узбекского и каракалпакского народов, народных освободительных движений и классовой борьбы в эпоху феодализма, роли выдающихся мыслителей в развитии духовной культуры народов Средней Азии и их вклада в мировую цивилизацию много и плодотворно занимались современники-соратники, продолжатели дела и ученики В. В. Бартольда — А. А. Семенов,

³⁶ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 131. На прогрессивную, гуманистическую направленность русской литературы о Средней Азии конца XIX в. обратил внимание Г. А. Хидоятов. В книге «Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в.» он пишет: «Русская литература отличалась от английской отсутствием разнузданного шовинизма, культивировавшегося англичанами» и отмечает, что эта черта, наряду с другими особенностями, отражала позиции правящих кругов России в отношениях с Англией и политикой царской России в Средней Азии (см. ук. кн. С. 41—42). А. Ю. Якубовский правильно указывает, что «среди историков-востоковедов, большая часть трудов которых была написана до Великой Октябрьской социалистической революции, трудно найти ученого, который еще не будучи марксистом, так глубоко подходил к изучаемой теме и так приближался в ряде вопросов по своим выводам к марксистским работам, как В. В. Бартольд». — См.: Якубовский А. Ю. Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда. ВЛУ, 1947. № 12. С. 78—79.

³⁷ Лукин Б. В. Жизнь и деятельность В. В. Бартольда. Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент: Фан, 1981.

И. Ю. Крачковский, А. Ю. Якубовский, Н. П. Петрушевский, Е. Э. Бертельс, С. П. Толстов³⁸. Многие из них жили и работали в среднеазиатских республиках, читали лекции в Среднеазиатском государственном университете и в других высших учебных заведениях Ташкента, Душанбе и других городов. Их академические труды по истории и культуре народов Средней Азии, являющиеся шедеврами русского и советского востоковедения, обогатили мировую науку тем, что в отличие от западных школ ориенталистики были свободны от расовых и других теорий «исключительности». Их отличает демократизм, гуманистическое, материалистическое и классовое понимание тех или иных явлений в исторических судьбах народов бывших колониальных окраин России.

Под влиянием А. А. Семенова, Н. Ю. Крачковского, А. Ю. Якубовского, С. П. Толстова о величайших ученых и писателях средневекового Востока — Бируни, Абу Али ибн Сины, Навои и Улугбека ученые национальных республик начали активнее изучать богатое культурное наследие своих народов. Широкое развитие науки и культуры в национальных республиках — бывших колониальных окраинах России, изучение и популяризация богатого культурного наследия народов можно рассматривать и как результат прогрессивного влияния передовой русской науки и культуры, положивших начало зарождению демократической и просветительской мысли народов Средней Азии в период вхождения ее в состав России. Именно благодаря этому стало возможным появление в наше время работ Т. Н. Кары-Ниязова «Очерки истории культуры Советского Узбекистана», «Астрономическая школа Улугбека», Т. Айбека и проф. А. Дейч «Мир идей Алишера Навои», Я. Гулямова «К изучению эпохи Навои», В. Ю. Захидова «Бируни как мыслитель» и др.³⁹

При всех позитивных качествах исторических исследований по проблеме присоединения Средней Азии к России и его последствий в дореволюционный период востоковеды того времени

³⁸ Семенов А. А. Ал-Бируни — величайший ученый средневекового Востока и Запада // Литература и искусство Узбекистана. Кн. I. Ташкент, 1938. С. 106—116; Он же. Абу Али ибн Сина (Авиценна). Сталинабад, 1953; Крачковский И. Ю. Бируни и его роль в истории восточной географии // Бируни. Сб. статей под ред. С. П. Толстова. М.—Л., 1950. С. 55—73; Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941; Он же. Восстание Тараби в 1238 г. (К истории крестьянских и ремесленных движений в Средней Азии) // Доклады группы востоковедов на сессии АН СССР 20 марта 1935 г. М.—Л., 1936 (ТИВАН, XVII). С. 101—135; Он же. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои // Алишер Навои. Сб. статей под ред. А. К. Боровкова. М.—Л., 1946. С. 5—30; Бертельс Е. Э. Навои. Опыт творческой биографии. М.—Л., 1948; Толстов С. П. К вопросу о происхождении каракалпакского народа.— КСПЭ, 1947. Вып. II. С. 69—75; Он же. Бируни и его время // Вестник АН СССР. 1949. № 4. С. 42—57.

³⁹ Кары-Ниязов Т. Н. Очерки культуры Советского Узбекистана. М., 1955; Он же. Астрономическая школа Улугбека. М.—Л., 1950; Статьи Я. Г. Гулямова, М. Т. Айбека и проф. Дейч см. в сб.: Великий узбекский поэт. Ташкент, 1948; Захидов В. Ю. Бируни как мыслитель // Сб. Бируни. М.—Л., 1950. С. 30—54.

(В. В. Григорьев, В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, В. Р. Розен и другие) «в разной степени (это можно смело утверждать) принадлежали к числу ученых, держащихся, вообще говоря, весьма консервативных взглядов в сфере политики и науки и уже во всяком случае бесконечно далеких от революционно-демократических идей передовой русской интеллигенции, а позднее от идей научного социализма»⁴⁰.

Историк, исследующий среднеазиатскую историю конца XIX—начала XX в., не может не обратиться к такому источнику, как труды выдающегося казахского ученого-просветителя Чокана Валиханова⁴¹. Его взгляды на историю причудливо сочетали демократизм и идеализм в понимании исторического процесса; по некоторым вопросам Чокан Валиханов поддерживал колониальную политику петербургского правительства, поэтому его произведения увидели свет еще при самодержавии.

Приобщение среднеазиатских народов к революционному движению — главное прогрессивное последствие присоединения Средней Азии к России. В связи с этим издание источников по революционному движению является первостепенной задачей советского источниковедения; среди этой категории источников важное место занимают личные воспоминания участников революционных событий⁴².

В сборник «Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане» включены воспоминания Султанходжи Касымходжаева, Д. С. Золотаревица, М. И. Тетушкина, К. Ашурова, С. Турсунова, И. Шаджапова. «Тяжелый социальный и национальный гнет царизма, помещиков и капиталистов, — вспоминает С. Касымходжаев, —

⁴⁰ Лунии Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965. С. 49.

⁴¹ Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в 5 т. Алма-Ата, 1961; Сегизбаев О. Мировоззрение Чокана Валиханова. Алма-Ата, 1959; Исаков А. О влиянии русской демократической культуры на формирование мировоззрения Чокана Валиханова. — Труды Института философии и права АН Казахской ССР. Т. 3. Алма-Ата, 1958.

⁴² Сборники: Начало революционного движения в Туркестане. Ашхабад—М., 1946—1947; Из истории распространения марксистско-ленинских идей в Узбекистане. Сб. документов. Ташкент, 1962; Ноябрьско-декабрьская забастовка 1905 г. на Среднеазиатской железной дороге. Документы//Труды Института истории, археологии и этнографии АН УзССР. Т. 4, 1958; Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг. Сб. документов. Алма-Ата, 1955; Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг. Сб. документов. Алма-Ата, 1957; Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане. Сб. статей и воспоминаний. Ташкент, 1955; Свирский С. Я. Революционное движение в царской армии в Туркестане. Ташкент, 1960 (приложение. С. 93—128); Документы о революции 1905—1907 гг. в Туркестане имеются в сб. «Высший подъем революции в 1905—1907 гг.», М., 1955 и «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г.», М., 1955; Манжара Д. И. Революционное движение в Средней Азии в 1905—1920 гг. Воспоминания. Ташкент, 1934; Аникин С. Восстание сапер. Воспоминания участника. Ташкент, 1927; Алиакбаров М. Х. О мемуарах Паллания Юсупова//Общественные науки в Узбекистане. 1968. № 2. С. 71—74; Курилов Д. Т. Листовки над Верным. Воспоминания. Алма-Ата, 1967.

вызывал сопротивление трудящихся масс края. Батраки и бедняки кишлаков, рабочие и кустари городов Узбекистана постепенно поднимались на борьбу против эксплуататоров — «своих» и русских помещиков и капиталистов»⁴³. Интересным источником по истории Средней Азии 1876—1925 гг. являются мемуары видного политического деятеля, первого председателя Совета Министров Хорезмской Народной Советской Республики Палваннияза Юсупова.

Изучение источников по революционному движению в Туркестане в начале столетия заставляет сделать вывод о следующих особенностях тех условий, в которых развивалось это движение: недоразвитость капиталистических отношений, слабость местного пролетариата, влияние национального фактора и воздействие религии ислама. В то же время источники единодушно отмечают революционизирующее влияние русских переселенцев-пролетариев, укрепление дружбы между трудящимися слоями населения всех национальностей, проживавших тогда в Туркестане. «Было совершенно ясно, что в борьбе с революционным движением ставка царских властей и предпринимателей на раскол между русскими и местными национальными рабочими, на противопоставление их друг другу оказалась битой»⁴⁴.

---

⁴³ Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане. Ташкент, 1955. С. 127.

⁴⁴ Пясковский А. В. Революция 1905—1907 годов в Туркестане. М., 1958. С. 573.

Глава VI

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА К РОССИИ

Присоединение Средней Азии к России усугубило уже давно существовавшие на востоке англо-русские противоречия, придав им характер межимпериалистических противоречий. Не теряя самостоятельного значения, эти противоречия составили новую главу международных отношений в которые были втянуты государства чрезвычайно обширного региона: помимо России и Англии такие страны, как Китай (государство Якуббека в Кашгарии), Индия (особенно независимые княжества), Афганистан, Хива, Бухара, Иран и Турция. В политике каждой из этих стран переплетались государственные, национальные, политические и экономические интересы. Но среди них Англия и Россия диктовали и навязывали свои интересы другим государствам, отвергая такое же право их на это.

В то же время правомерно утверждать, что стержнем международных отношений в Средней Азии и на Среднем Востоке второй половины XIX — начала XX в. были межимпериалистические противоречия, которые приводили в состояние столкновения и острого соперничества между Россией и Англией. Одной из ярко выраженных особенностей англо-русских противоречий было то, что Великобритания пыталась разрешить их в свою пользу, прикрываясь жупелом о «русской угрозе» Индии.

Для понимания сути этих противоречий и изучения советской историографии по данной проблеме прежде всего следует опираться на основополагающие труды классиков марксизма-ленинизма.

В статье «Действительно спорный пункт в Турции» (1853) Ф. Энгельс убедительно показывает, что главным стержнем, пружиной, толкавшей английских капиталистов «наступать на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря»¹, явилась настоятельная необходимость непрерывного расширения торговли — этот рок, преследовавший Англию XIX в. Такова была экономическая подоплека агрессивной политики англичан на Востоке в XIX в.

---

¹ Маркс К., и Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 13.

К. Маркс в статье «Торгово-промышленный кризис» (1855) отмечал, что «ост-индийский рынок уже в 1852 г. был настолько переполнен товарами, что лишь совершенно новое расширение торговли через Пенджаб и Синд в Бухару, Афганистан и Белуджистан и оттуда, с одной стороны, в Центральную Азию, а с другой — в Персию позволило с трудом сохранить экспорт на старом уровне...»² Тут, как видно, К. Маркс развивает вышеприведенное высказывание Энгельса относительно стремления английских капиталистов к захвату все новых и новых рынков, и одним из таких рынков намечает Бухару, под которой следует понимать, на наш взгляд, всю Среднюю Азию, точнее все среднеазиатские ханства, являвшиеся в это время самостоятельными государствами, чьи рынки немало интересовали английских капиталистов.

Правда, колониальная политика крупных капиталистических держав, и в первую очередь Англии, в эпоху империализма приобретает новые черты. «К многочисленным «старым» мотивам колониальной политики,— указывал В. И. Ленин — финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья, за вывоз капитала, за «сферы влияния», т. е. сферы выгодных сделок, концессий, монополистических прибылей и пр.— наконец за хозяйственную территорию вообще»³ Это положение, приведенное В. И. Лениным в его знаменитой книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», в которой он дал марксистский анализ империализма как последней фазы капитализма, и показал, что «империализм есть канун социальной революции пролетариата», дает историю возможность ясно понять и критически осмыслить все те международные события, какими наполнена история второй половины XIX—начала XX в.

Для понимания фарисейской сути политики Англии на Востоке имеют важное значение «Хронологические выписки по истории Индии» К. Маркса, его статья «Новые разоблачения в Англии»⁴ и др., в которых К. Маркс своим острым публицистическим пером бичует, высмеивает английский капитализм, разоблачает искажения и фальсификации, к каким часто прибегало английское правительство, особенно Пальмерстон, который, чтобы снять с себя и возглавляемого им правительства ответственность за первую англо-афганскую войну 1838—1841 гг., представил парламенту документы и, в частности, депешу А. Борнса в таком виде, «что они были не только искажены так, что полностью извращался их первоначальный смысл, но фактически подделаны и пополнены вставками, сфабрированными со специальной целью ввести в заблуждение общественное мнение»⁵.

Фальсификация фактов широко практикуется буржуазными правящими кругами и партиями, в чем важную роль играют дея-

² Там же. Т. 10. С. 602.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 421—422.

⁴ Эта статья включена в X том сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 11. С. 548.

тели английского империализма. И недаром еще 20 августа 1918 г. в письме к американским рабочим В. И. Ленин писал: «Если германские разбойники побили рекорд по зверству своих военных расправ, то английские побили рекорд не только по количеству награбленных колоний, но и по утонченности своего отвратительного лицемерия»⁶.

Не случайно такое совпадение. Именно в августе 1918 г., когда писались эти обличительные ленинские строки об «утонченности отвратительного лицемерия» английских разбойников, британский экспедиционный корпус в составе 28 полка легкой кавалерии и 19 пенджабского полка, имевший первоклассное оснащение и укомплектованный кадровыми офицерами под командованием генерала Маллесона пересек границы Ирана и вступил на территорию Закаспийской области. Английские войска захватили Ашхабад и установили контроль на всем протяжении железной дороги от Ашхабада до Красноводска. В течение более чем полугода они хозяйничали в этой области, и лишь натиском Красной Армии и местного населения английское правительство вынуждено было вывести войска с ее территории. В английской историографии утвердилась версия о том, что войска под командованием генерала Маллесона были направлены в Закаспийскую область для защиты британских интересов и, в частности, для «обороны Индии». По этой версии британские войска вторглись на территорию Туркестана для того, чтобы организовать оборону Индии против возможного наступления со стороны Германии, Австро-Венгрии и Турции: британское командование должно было создать на территории Туркестана непреодолимый бастион и нейтрализовать таким образом надвигавшуюся на Индию опасность. С другой стороны, британские историки не склонны придавать этому событию серьезного значения и стремятся представить его как незначительный «эпизод», который не имел никакой политической подоплеки, кроме защиты собственных интересов британской короны⁷.

Лицемерие просматривается во всех исторических сочинениях буржуазных писак типа Роулинсона, Керзона, Мак-Грегора, Сайкса, Марвина, Маллесона и др.—этих ревностных апологетов империализма. Как выглядело все это на практике мы видим на примере гератской проблемы, которая благодаря козням английских колонизаторов должна была стать плацдармом для вторжения в пределы Средней Азии. Почему именно Герат должен был служить плацдармом в предполагаемых действиях англичан в Среднеазиатском регионе можно понять, изучив статью Ф. Энгельса «Англия и Россия в Афганистане».

Благодаря своему географическому положению и природным условиям Гератская провинция и сам г. Герат в течение многих

⁶ Ленин В. И. Соч. Т. 37. С. 50.

⁷ Хидояттов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии.

веков были центром торговых и караванных путей, связывающих Индию, Иран, Афганистан и Среднюю Азию. Поэтому Ф. Энгельс писал, что «три центра культуры, имеющие общим центром Герат, образуют три отдельных группы государств. На западе находится Персия... На востоке находятся государства Афганистан и Белуджистан... на севере Хива и Бухара...»⁸. «Между всеми этими местами,— пишет далее Ф. Энгельс,— существует значительное сообщение, и центром этого сообщения является, естественно, Герат. Дороги, ведущие от Каспийского моря к Инду и от Персидского залива к Амударье, все скрещиваются в этом городе»⁹.

Выгодное географическое положение Герата, расположенного в центре одноименного оазиса, определяло его политическое и стратегическое значение. «Нынешнее политическое положение Герата,— писал Ф. Энгельс,— обусловлено тем, что он является стратегическим центром всей области, лежащей между Персидским заливом, Каспийским морем и рекой Яксартом на западе и севере и р. Индом на востоке...»¹⁰

Подчеркивая это значение Герата, Ф. Энгельс писал: «Герат— это пункт, который в руках сильной державы может быть использован для господства и над Ираном и над Туркестаном, то есть и над Персией и над территорией по ту сторону Оксуса. Обладатель Герата в полной мере получает все преимущества центральной позиции, с которой можно предпринимать наступление по радиусам во всех направлениях с гораздо большей легкостью и большими шансами на успех, чем из какого-либо другого города Ирана или Туркестана»¹¹.

Вот почему Герат на протяжении ряда десятилетий XIX в. являлся одним из важных объектов и центров английской подрывной и экспансионистской деятельности на Среднем Востоке.

Основными источниками, отражающими англо-русские противоречия в Средней Азии и гератский вопрос в XIX в., являются документы Центрального Государственного исторического архива Узбекской ССР в городе Ташкенте (сокращенно — ЦГИА УзССР), Центрального Государственного военно-исторического архива СССР в г. Москве (сокращенно — ЦГВИА СССР) и Архива внешней политики России (АВПР). Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР является одним из крупнейших и важнейших по количеству и значению хранящихся в нем документальных материалов среди государственных архивов республик Средней Азии и Казахстана. В нем сосредоточены документальные материалы учреждений бывшего Туркестанского генерал-губернаторства, охватывавшего территориально нынешние Узбекскую, Туркменскую, Таджикскую, Киргизскую и,

В конце XIX в. (60—70-е гг.). Ташкент, 1969. С. 3—4.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 128.

⁹ См.: Там же. С. 127.

¹⁰ Там же. С. 126.

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 127.

частично, Казахскую ССР. Эти документальные материалы имеют важное значение как историографический источник по истории народов Средней Азии с момента присоединения Средней Азии к России до Великой Октябрьской социалистической революции¹².

Документальные материалы Центрального государственного исторического архива УзССР, накопившиеся в результате деятельности учреждений, организаций, предприятий и обществ Туркестанского края, являются незаменимым источником при изучении истории Средней Азии. Наряду с этим в фондах канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, в делах по дипломатической части канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе, Российского императорского политического агентства в Бухаре собраны богатейшие материалы о присоединении к России Средней Азии, об административном устройстве и экономическом развитии Туркестанского края, а также документы по истории дипломатических и экономических связей России с Хивой, Бухарой и другими государствами Востока, о политической и экономической жизни соседних с Туркестанским краем стран.

Много интересных и ценных материалов, относящихся к внешней политике России на Востоке, содержится в дипломатической части канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. Здесь собраны документы о политических и экономических взаимоотношениях Туркестанского генерал-губернаторства с Хивой, Бухарой, а также с Кашгаром, Кульджой, Афганистаном и Ираном. Дипломатическая часть канцелярии Туркестанского генерал-губернатора систематически составляла «Журналы военных действий и сведения о политических событиях на границах Туркестанского края и в сопредельных ханствах», которые имеют большое значение для истории как Средней Азии, так и Афганистана и Ирана.

В Центральном государственном военно-историческом архиве СССР в Москве сосредоточены богатейшие документальные материалы центральных учреждений Российской империи — Военного министерства и переписывавшихся с ним Министерства иностранных дел, Министерства внутренних дел России и других центральных финансовых и административно-хозяйственных органов Российского государства.

Критическое изучение документальных материалов ЦГИА УзССР и ЦГВИА СССР и их сопоставление позволяют историку выявить основные моменты и черты колониальной политики царизма, внешней политики России и ее отношений со странами Востока.

В Центральном государственном военно-историческом архиве СССР в Москве хранятся ценные материалы по Ирану, Афганистану и Индии, в результате изучения которых становится ясным, как английскими империалистами разрабатывались планы захва-

¹² Центральный государственный исторический архив УзССР. Путеводитель. Ташкент, 1948. С. 3.

та Средней Азии. Эти материалы свидетельствуют также о том, что война 1878—1880 гг., навязанная Англией Афганистану, была предпринята, в частности, с этой целью. В материалах по Ирану, Афганистану и Индии содержатся данные, свидетельствующие о том, что в агрессивных планах Великобритании Герату как плацдарму для захвата Средней Азии придавалось большое значение.

Среди этих материалов особо выделяется папка № 14 фонда ВУА ЦГВИА СССР, носящая название «Выдержки из переписки иностранных представителей, 1878 г.». Здесь хранится копия письма Крэнбруку — статс-секретарю по делам Индии, датированного 9 сентября 1878 г., где описываются английская миссия в Афганистане во главе с Невилем Чемберленом, цели и задачи миссии и дававшиеся ей инструкции. Письмо подписано Литтоном, Арбутнотом, Кларком, Стоксом, Томсоном, Стрэчи и Броуном.

Большой интерес представляют замечания вице-короля Индии Литтона, которые были сделаны по поводу английской политики на Среднем Востоке. Они раскрывают цели и задачи миссии Чемберлена и отражают агрессивную антирусскую направленность политики Англии в Афганистане.

Интересна также инструкция секретаря индийского правительства Лайеля Невиллю Болс Чемберлену от 7 сентября 1878 г. В этом документе, свидетельствующем об агрессивных планах английских империалистов в Афганистане, снова большое место отводится Герату как плацдарму для дальнейшей экспансии Великобритании в сторону Средней Азии.

Материалы, собранные в папке «О положении дел в Афганистане. 1880—1881 гг.» (д. № 6932 фонда ВУА ЦГВИА СССР), позволяют ознакомиться с планами английского правительства по так называемому «совместному» с Ираном владению Гератом и с переговорами, которые вел английский посол в Тегеране с иранским правительством в 1880 г. Осуществив этот план, английские империалисты намеревались вовлечь Иран в свои замыслы по захвату Южной Туркмении.

Гератский вариант по захвату английскими империалистами Южной Туркмении изучен в советской историографии Г. А. Хидятовым, впервые использовавшим в своих исследованиях документы чрезвычайно интересного фонда, числящегося под шифром «Форин Оффис 539», из государственного архива Великобритании «Паблик Рекорд Оффис». Приведенные им документальные материалы по гератскому вопросу свидетельствуют о том, что английским правительством широко использовалась на Востоке дипломатия в осуществлении планов колониального разбоя и территориальных захватов¹³.

¹³ См. раздел «Провал гератского варианта английской дипломатии в Персии» в его книге «Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-е гг.)». Ташкент, 1969. С. 371—387; Халфин Н. А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.). Ташкент, 1957. С. 111—116; Он же. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М., 1965. С. 349 и др.

Во второй половине 80-х гг. XIX в. английские империалисты стремились превратить Герат в действительно военный плацдарм для захвата Средней Азии, создавали здесь военные склады и укрепления, собрали запасы продовольствия, под предлогом проведения афгано-русского разграничения в 1885—1887 гг., ввели туда многочисленный вооруженный отряд и готовились к войне с Россией.

Обширный документальный материал, разоблачающий эти агрессивные действия английских империалистов, содержится в Центральном государственном историческом архиве УзССР.

Кроме неопубликованных архивных материалов по этому вопросу имеется официальное издание Министерства иностранных дел России «Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. 1872—1885 гг.» Спб., 1886, в первой части которого дается обзор переговоров между Россией и Англией по делам Средней Азии, а во второй — приводятся документы, относящиеся к переговорам 1883—1885 гг.

Приступая к обзору исторической литературы, журнальных статей и других опубликованных источников, прежде всего необходимо отметить следующее. В английской буржуазной историографии давно искусственно муссировался тезис об «обороне Индии» от нападения со стороны России. Этот «тезис» служил важным обоснованием политики Англии на Ближнем и Среднем Востоке, удобно прикрывающем захватническую деятельность английских империалистов.

В этой связи следует остановиться на меморандуме одного из идеологов английской наступательной политики на Востоке Роулинсона «О противодействии продвижению России в Средней Азии», приводимом в его книге «Англия и Россия на Востоке» (1875 г.)¹⁴. В своем меморандуме Роулинсон продвижение русских войск в Средней Азии сравнивает с операциями по заложению параллелей против осаждаемой крепости. Таких параллелей, каждая из которых составляла этап на пути продвижения России к Индии, было, по утверждению Роулинсона, три, и последняя из них давала России «ключ к воротам Индии». Достаточно перелистать страницы книги Роулинсона, чтобы увидеть, что каждый агрессивный шаг Великобритании на Среднем Востоке изображается как «ответная мера», в конечном итоге вызванная русской угрозой Индии.

Эта версия о «русской угрозе» Индии использовалась правящими кругами Англии на протяжении всего XIX в., когда они готовили широкую агрессию на Среднем Востоке, одним из объектов которой была Средняя Азия. Особенно активизировались английские империалисты в 80-х годах, избрав в качестве своего

---

¹⁴ Rawlinson H. Memorandum on the Central Asian question (Extract) sent to the secretary of State. London 20. VII. 1868.— См.: Rawlinson H. England and Russia in the East. London. 1875.

пладарма Герат. Английское правительство готовилось к захвату Туркмении и Туркестана. Появился ряд сочинений, которые должны были настроить мировое общественное мнение против России, якобы серьезно готовившейся к захвату Индии и к тому, чтобы положить там конец британскому владычеству. Среди них особо выделяется «Оборона Индии» генерал-квартирмейстера англо-индийской армии генерал-майора Мак-Грегора, изданная в 1884 г., как раз в момент наибольшего обострения англо-русских противоречий в Средней Азии. Эта книга являлась строго секретным документом и предназначалась «власть имеющим» в Англии,— как писал в предисловии автор,— которые должны сохранить ее в «строгой тайне»¹⁵. В своем сочинении Мак-Грегор доказывал реальность так называемой «угрозы» Индии со стороны России, отмечая особое значение в связи с этим Герата — этого «ключа к Индии»: «Нечего скрывать факта, что наконецники сняты с рапиры в борьбе между нами и Россией и что мы (т. е. Англия.— Г. А.) боремся за существование наше в качестве перво-классной державы»¹⁶. И вот одной из необходимых дипломатических мер в борьбе за существование Англии «в качестве перво-классной державы» Мак-Грегор считает установление английского контроля над Гератом, который заключается «в присоединении Афганистана и в образовании из Герата английской пограничной провинции»¹⁷. Если это окажется трудным, то Мак-Грегор предлагает другой план, который состоит в том, что необходимо прийти к соглашению с афганским эмиром относительно занятия Герата английскими войсками «с оставлением афганской администрации»¹⁸. Но буквально через страницу Мак-Грегор считает «безусловно необходимым, чтобы в случае занятия Герата, администрация всей долины была бы также в наших (т. е. английских.— Г. А.) руках»¹⁹.

Другая дипломатическая мера, предлагаемая Мак-Грегором, якобы для обеспечения безопасности Индии — отправление туземных лазутчиков в Хиву, Бухару, Коканд, Кашгар, Гиссар, Кабул, Каратегин (выделено Мак-Грегором.— Г. А.) и к мервским туркменам для выяснения возможности организации восстания против России²⁰.

И, наконец, как последнюю меру для обороны Индии Мак-Грегор считает крайне необходимым «возможно скорее образовать против России коалицию из Англии, Германии, Австрии, Турции, Туркестана, Афганистана и Китая, предложив каждому государству в вознаграждение за его помощь известную часть русской территории»²¹.

¹⁵ Мак-Грегор. Оборона Индии. Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 43. Спб., 1891. С. 2.

¹⁶ Там же. С. 149.

¹⁷ Там же. С. 177.

¹⁸ Там же. С. 178.

¹⁹ Там же. С. 180.

²⁰ Там же. С. 204.

²¹ Там же. С. 207.

Таким образом, Мак-Грегор, сам готовивший войска к войне с Россией, предлагал в 1884 г. для обеспечения, якобы, «обороны» Индии, во-первых, захват Герата и создание там английского плацдарма, во-вторых, засылку эмиссаров и шпионов «с мешками золота»²² в ханства Средней Азии для того, чтобы поднять там антирусское восстание, и, наконец, в-третьих, дабы сколотить против России коалицию во главе с Англией, из ряда европейских и азиатских стран, начиная от Германии, кончая Китаем.

В этом разбойничьем широкомасштабном плане, предлагаемом Мак-Грегором правящим кругам Англии, центральное место занимают Кавказ и Средняя Азия, захват которых предполагалось осуществить в первую очередь. На Кавказе согласно этому плану предусматривалось образование двух государств: одного — христианского, а другого — мусульманского. Что касается Средней Азии, то там, как пишет Мак-Грегор, «ханства Хива, Бухара и Коканд могут быть восстановлены в прежних границах...»²³

Мак-Грегор неоднократно подчеркивает необходимость установления английской власти в Герате и отправки «эмиссаров для возбуждения восстания в ханствах и среди туркмен»²⁴. Свой двухтомный труд, названный «Оборона Индии», Мак-Грегор заканчивал воинственными словами о том, что «никогда не может произойти настоящего решения русско-индийского вопроса, доколе Россия не будет выбита из Кавказа и Туркестана»²⁵.

Из демагогических соображений агрессивные цели и планы английских империалистов, отображенные в книге Мак-Грегора «Оборона Индии», преподносились как «оборонительная» мера.

Эта «оборонительная» концепция и изучение так называемого Гератского плацдарма занимает центральное место в сочинениях видного английского журналиста Чарльза Марвина «Русские в Мерве и Герате» (1883), «Русское продвижение к Индии» (1882), «Мерв царица мира» (1884), Маллесона «Русское государство захватывает Герат» (1884), «Русско-афганский вопрос и захват Индии» (1885) — авторов, спекулировавших на запугивании английского читателя в первой половине 80-х годов XIX в. угрозой Индии со стороны России. Такую трактовку вопроса можно проследить и у других английских авторов — Керзона, Сайкса и др.

Версия о «русской угрозе» Индии раздувалась во всех сочинениях Арминия Вамбери — пештского профессора, выполнявшего роль агента английского империализма. Книга американского генерала Ф. Роденбоу «Афганистан и англо-русское разногласие», изданная в Нью-Йорке в 1885 г., также написана в духе сочинений Роулинсона, Керзона, Марвина и других английских авторов XIX в. С первых же страниц ее Роденбау, сообщая о том, что русские в 80-х годах XIX в. продвигались к Индии через Герат

²² Там же. С. 204.

²³ Там же. С. 209.

²⁴ Там же. С. 210.

²⁵ Там же.

и т. д., утверждает, что Англия вела войну против Афганистана в 1878—1880 гг., «зная, что Кауфман имел намерение идти походом на Кабул, имея в виду британские рубежи» (т. е. Индию.— Г. А.)²⁶.

Лживая версия о «русской угрозе» Индии и псевдооборонительная концепция пронизывают почти все английские издания по истории Востока, вплоть до настоящего времени. Так, профессор Кембриджского университета Н. Н. Дадвелл в своей работе «Кембриджская краткая история Индии», изданной в 1943 г., описывая поход персов на Герат в 1837 г., отмечает: «Персия под русским контролем стремилась вернуть провинции, которые составляли империю Надира и из которых он отправился завоевывать Дели»²⁷.

Некоторые современные индийские историки, получившие английское образование и издававшие свои сочинения на английском языке, находятся под сильным влиянием буржуазной английской историографии. Можно, к примеру, привести статью профессора М. Чаудхури «Политика силы в Афганистане в прошлом и настоящем», напечатанную в февральском номере журнала «Модерн ревью» за 1949 г. в Калькутте.

Агрессивные действия англичан в Афганистане, посылка Борнса в Кабул, аннексия Пенджаба и Синда, захват территорий Кашмира и Пешавара — все это было вызвано, по мнению Чаудхури, «угрозой со стороны русских»²⁸. Он же повторяет фальшивую легенду о том, что английский капитан Шекспир освободил в Хиве многих русских пленных и способствовал заключению договора между хивинским ханом и русским императором»²⁹.

Другой индийский автор — профессор А. Банерджи в своей статье «Отношение Британии к афганской войне» (1863—1868), опубликованной в Калькутте в 1944 г., не дает ничего нового, кроме хронико-династического описания событий, происходивших в Афганистане с 1863 по 1868 г. При этом А. Банерджи повторяет все то, что писали по этому периоду истории Афганистана буржуазные английские историки Кей, Сайкс, Макмунн и др.

Определенный интерес к историографии проблемы присоединения и британской политики на Среднем Востоке представляют книги «Светильник историй» афганского историка Файз Мохаммеда, издавшего этот двухтомный труд в 1913 г. в Кабуле; «Подробная история Ирана» современного иранского историка Аббаса Икбала; «История дипломатических отношений Ирана и Англии в XIX веке», состоящая из четырех томов, была выпущена иран-

²⁶ Hordenbough F. *Afganistan and the Anglo-Russian dispute*. New-York, 1885, p. 9—12.

²⁷ Dodwell H. H. *The Cambridge shorter History of India*. Cambridge. At the University press, 1943, p. 651.

²⁸ Prof. Tmanoranjani Chandhuri. *Power Politics in the Afghanistan Past and Present*. The Modern Review. Calcutta, 1949. February. p. 137—140.

²⁹ Ibid, p. 138.

ским историком Махмудом Махмуди в Тегеране в 1949—1952 гг. Этот труд представляет для историков-востоковедов большой интерес как ценный материал для изучения политической истории Ирана XIX в. В первом томе «Истории дипломатических отношений Ирана и Англии в XIX веке» Махмуд Махмуди описывает проникновение английских агрессоров в Туркестане и экспансию Англии в Афганистане. Особенно интересны те страницы его книги, где показывается, как английские военные и политические агенты, избрав объектом своей подрывной и диверсионной деятельности Туркестан и Туркмению, вели борьбу против России с северо-западных и северо-восточных границ Ирана.

Следует особо остановиться на небольшой брошюре под названием «Государственные вопросы и ответы и укрепление государства» афганского автора Мирза Мухаммед Неби-хана. Эта очень маленькая по объему работа, носящая и другое название — «Сын эмира сына эмира Абдуррахман-хана», была издана на персидском языке в Кабуле. Ее перевод на русский язык, сделанный Яковлевым, вышел в свет в Ташкенте в 1899 г. В этой книге приводится беседа афганского эмира Абдуррахман-хана с вице-королем Индии в 1885 г., в момент крайнего обострения англо-русских отношений, приведшего к Таш-Кепринскому сражению 18 марта 1885 г. Из бесед вице-короля с эмиром видно, что английское правительство готовилось к войне с Россией и в этой войне желало сделать Афганистан своим союзником, пугая его «русской угрозой». Вице-король особое значение придавал Герату как плацдарму для вторжения в Среднюю Азию и борьбы с Россией.

Вместе с тем подробности беседы афганского эмира с вице-королем Индии, приводимые Мирза Мухаммед Неби-ханом, свидетельствуют о том, что Абдуррахман-хан, находясь в своей внешней политике в зависимости от Англии, в то же время вел осторожный дипломатический курс, избегая войны со своим могущественным соседом — Россией. Такая политика афганских правящих кругов по отношению к России стала постоянной, особенно после Таш-Кепринского сражения 1885 г., в котором английские империалисты оставили афганцев, своих «союзников» в предполагаемой войне с Россией, и не пришли к ним на помощь.

Некоторые новые данные о подрывной деятельности английских агентов приводятся в «Истории Туркестана» Муллы Алима Махдум-ходжи, изданной на узбекском языке в 1915 г. в Ташкенте. Эта книга, хранящаяся в Институте востоковедения АН УзССР, представляет определенный интерес для изучения истории народов Средней Азии. Мулла Алим, сотрудничавший в газете «Туркестанские ведомости», был редактором газеты «Туркистон вилоятининг газети» издававшейся на узбекском языке. Он выступал как представитель зарождавшейся местной буржуазии и говорил о большом значении присоединения Средней Азии к России. Сведения, приводимые Муллою Алимом в его книге о крупном английском разведчике Среднего Востока Абдус-Самаде Тавризском,

несомненно, разоблачают британскую агрессию на Среднем Востоке и в Средней Азии в 30—40-х годах XIX в.

В 1924 г. в Москве была переведена на тюркский язык и выпущена «История Бухары или Мавераннахр» А. Вамбери.

Заслуживает также внимания перевод на азербайджанский язык Али Аббасом Мазнаби автобиографии афганского эмира Абдуррахман-хана, изданный в 1914 г. в Баку. В предисловии к переводу Али-Аббас, следуя традиции, восхваляет Абдуррахман-хана и считает себя «счастливым», что перевел автобиографию, написанную «самим» эмиром.

В русской дореволюционной литературе нет специальных работ, посвященных рассмотрению британской агрессии на Среднем Востоке и в Средней Азии в прошлом столетии в связи с так называемым Гератским плацдармом. Исследования, посвященные истории отдельных стран Среднего Востока и англо-русскому соперничеству на Востоке, крайне тенденциозны и нередко находятся под прямым влиянием английской буржуазной историографии.

Так, С. Н. Южаков, указывая на то, что в половине тридцатых годов XIX в. совершенно явно обнаружилось соперничество России и Англии на Среднем Востоке, пишет: «Движение России в глубь Туркестана, умиротворение киргизских степей, занятие нижнего течения Яксарта (Сыр-Дарья) и приготовление к походу на Хиву тревожили англичан, которые опасались, что с утверждением в древних иранских оазисах Согдианы и Хорезма русские получат возможность угрожать английскому владычеству в Индии, этой основе английских богатств и могущества. С другой стороны, громадное влияние, приобретенное Россией в Тегеране после русско-персидской войны 1826 г., и явное покровительство, оказываемое Россией персидским интересам, еще более тревожили англичан, так как это открывало русским еще другой, более короткий и удобный путь в Индию. Надо было во что бы то ни стало создать на пути России могущественные препятствия, соорудить барьер между русской империей и Англо-Индией. Узбекские ханства Средней Азии, Бухара, Хива и Коканд могли бы образовать такой барьер, если бы их можно было бы соединить в коалицию против России и снабдить достаточными материальными средствами, оружием, военными инструкторами»³⁰.

С. Н. Южаков утверждает, что Туркестанские государства, «населенные десятками миллионов воинственного турецкого населения, окруженные еще более воинственными тюркскими кочевниками, связанные единством расы и религии», могли бы действительно стать барьером между Россией и Англией. «Вторым таким барьером должен был быть,— по мнению С. Н. Южакова,— Афганистан, прикрывающий Индию и со стороны Туркестана, и со стороны Ирана, но Афганистан был в это время разделен на мелкие слабые владения и раздираем борьбою двух династий. Та громад-

³⁰ Южаков С. Н. Афганистан и сопредельные страны. Спб., 1895. С. 173—174.

ная и могущественная афганская держава, которая существовала при первых трех шахах саддозайских и простиралась от Каспия до Ганга и от Окса до океана (Индийского.— Г. А.), уже более не существовала, а между тем именно такая держава и могла бы быть действительным серьезным барьером и опорой Индии. Надо было ее восстановить. Английская политика действительно задавалась этими идеями; она стремилась сплотить и вооружить весь Туркестан в антирусской коалиции; восстановить единство и силу Афганского государства, обеспечить его державу и ослабить русское влияние в Тегеране»³¹.

Находясь под явным влиянием английской буржуазной историографии, С. П. Южаков фактически оправдывал британскую агрессию на Среднем Востоке и в Средней Азии еще в 1885 г. Этим же он объяснял первую англо-афганскую войну 1838—1841 гг., в ходе которой английские захватчики добивались расчленения Афганистана на ряд зависимых от Великобритании ханств (Герат, Кабул и Кандахар).

В отличие от Южакова А. Шепелев считает, что в 30—40-х годах XIX в. «в действительности, ничто не угрожало англо-индийскому господству»³². Однако и далее в своей работе он приходит к тому же выводу, что и С. Н. Южаков. «Опасаясь, что движение России поведет за собою, прямо или косвенно, уничтожение политической независимости узбекских владений Средней Азии и тем будет угрожать Индии, британские политики с лихорадочною последовательностью хватаются то за одну, то за другую меру, способную, по их мнению, предотвратить подобное бедствие»³³.

Немало было в русской дореволюционной литературе и открытых сторонников колониальной политики царизма на Востоке, кричащих о «великой миссии» России на Востоке и дававших пищу апологетам британского империализма. Так, Л. А. Б-ич³⁴ в своем очерке «Афганистан и его эмир», помещенном в 256—257 томах «Русского вестника» за 1898 г., то время, когда Россия в силу своей эконопической и финансовой отсталости не могла даже и мечтать о захвате какой-либо части Азии, писал, что «...рано или поздно, сразу ли весь, или по частям, Афганистан должен (подчеркнуто Б-ичем.— Г. А.) попасть в наши руки в силу самой нашей великой миссии в Азии и мы ждем этого не предупреждая событий, не торопя их...»³⁵.

Некоторые из дореволюционных авторов не только весьма пренебрежительно относились к среднеазиатским народам, но и прибегали к крайне шовинистическим выступлениям. Так, генерал-

³¹ Там же. С. 174—175.

³² Очерк военных и дипломатических сношений России со Среднею Азиею. Ташкент. 1881.

³³ Там же. С. 61.

³⁴ Видимо, он Богданович.

³⁵ Б-ич Л. А. Афганистан и его эмир (очерк)//Русский Вестник. 1898. Т. 256—257. С. 130.

майор Гродеков, бывший начальник штаба Туркестанского военного округа, а впоследствии Туркестанский генерал-губернатор, в своей работе «Поездка из Самарканда через Герат и Афганистан (в 1878 году)» писал: «Туркмены — это черное пятно на земном шаре, это стыд человечеству, которое их терпит. Если торговцы неграми поставлены вне законов всех наций, то и туркмены должны быть поставлены в такое положение»³⁶.

Гродеков был одним из тех воинственно настроенных генералов царской армии, которые носились с идеями похода на Индию и захвата Герата³⁷.

В советской исторической литературе в свое время имела хождение версия о «сверхагрессивности» России. В определенной мере здесь сказалось влияние М. Н. Покровского, который в своих трудах недостаточно объективно представил конфликт в Средней Азии. Наступающую силу, в частности, он увидел лишь в лице России, тем самым как бы оправдывая «оборонительную политику» Англии, боявшейся за жемчужину британской короны — Индию. В своих трудах он не мог понять и творчески осмыслить те изменения в международных отношениях, которые произошли в конце XIX — начале XX в. и имели следствием новую расстановку сил на международной арене³⁸.

Утверждение о «сверхагрессивности» России, имевшее своим источником фальсификаторскую западноевропейскую, в частности, английскую буржуазную историографию, объективно замаскировывало колонизаторскую захватническую деятельность английских империалистов, которые свою агрессию и экспансию на Востоке старались прикрыть жупелом «русской опасности». Это отчетливо проявилось во всей захватнической деятельности англичан на Ближнем и Среднем Востоке в XIX в.

Под влиянием М. Н. Покровского историками-марксистами было написано много работ, посвященных политике России в Средней Азии. Основной акцент в этих исторических исследованиях делался на завоевание царизмом Средней Азии. Эта односторонность приводила к игнорированию всей сложности проблемы, уводила от изучения прогрессивных последствий вхождения Средней Азии и Казахстана в состав России и исследования совместной борьбы среднеазиатских и русских трудящихся масс против царизма³⁹.

В результате в советской исторической литературе до середи-

---

³⁶ Гродеков. Поездка из Самарканда через Герат в Афганистан (в 1878 г.)//Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб. Вып. V. 1883. С. 79—80.

³⁷ Гродеков. Записка о путях из Закаспийского края на Герат. Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. V. СПб., 1887. С. 108—119.

³⁸ Покровский М. Н. Избр. соч. в 4-х т. 1965—1967. Кн. 2. Русская история с древнейших времен. Гл. XVII. М., 1965—1967. С. 500—534.

³⁹ Хидояттов Г. А. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. Ташкент: Узбекистан, 1978. С. 78.

ны 50-х годов не было серьезных работ, посвященных британской агрессии на Среднем Востоке и в Средней Азии в XIX в. В этой связи следует остановиться на книге Е. Л. Штейнберга «История британской агрессии на Среднем Востоке», в которой допущены серьезные политические и фактические ошибки. Говоря об английской агрессии на Среднем Востоке в 30-х годах XIX в., автор называет самостоятельные среднеазиатские государства Бухару и Хиву афганскими ханствами⁴⁰.

В той части своей книги, где речь идет о гератском походе иранских войск 1837 г., Е. Штейнберг утверждает, что «гератская проблема с этих пор приобретает первостепенное значение в военной политике Англии и России»⁴¹. Затем он уверяет, что Россия принимала «активное участие» в походе Мохаммед-шаха на Герат⁴². Это глубоко неверно. Россия не принимала активного участия в так называемом гератском конфликте 1837—1842 гг. Царское правительство лишь поощряло — и то только дипломатическим путем — поход персов на Герат потому, что оно было заинтересовано в переходе его в руки каджаров, находившихся в это время под влиянием русской дипломатии, несмотря на все ухищрения англичан.

В действительности Англия в противовес России не только активно вмешалась в гератский конфликт 1837—1841 гг., но и установила над гератским ханством свой протекторат, навязала ему кабальный договор, стремясь сделать его базой для осуществления своих агрессивных замыслов в Иране и Средней Азии. В отличие от Англии ни в «военной политике», ни в агрессивных планах России Герат ни раньше, ни в это и ни в последующее время не приобретал «первостепенного значения».

Кроме того, Е. Штейнберг не вскрывает действительные причины второй англо-афганской войны 1878—1880 гг., даже те слабые попытки разоблачения британской агрессии в сторону Средней Азии он обрывает как раз на том месте и в то время, где и когда действительно начиналась эта агрессия⁴³.

Речь идет о восьмидесятих годах XIX в., когда английские империалисты, не примирившись с фактом присоединения Средней Азии к России, превратили Герат действительно в плацдарм для захвата Туркмении и всего Туркестана.

Е. Л. Штейнберг совершенно необоснованно обходит вниманием Памирский вопрос 1895 г., разрешение которого английские империалисты стремились всецело подчинить своим агрессивным планам, направленным против народов Средней Азии. Те несколько строк, где он говорит о том, что было произведено Памирское разграничение⁴⁴, сводят этот международный вопрос, в котором

⁴⁰ Штейнберг Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951. С. 60.

⁴¹ Там же. С. 62.

⁴² Там же. С. 63.

⁴³ См.: Там же. С. 109—136.

⁴⁴ Там же. С. 135.

столкнулись интересы России и Англии, выступавшей совместно и от имени Афганистана, как бы в мелкий инцидент местного характера.

Е. Л. Штейнберг в своей «Истории британской агрессии на Среднем Востоке» вместо того, чтобы серьезно разоблачить британскую агрессию в этой части Азии, занимается описанием войн англичан с Непалом и Бирмой, которые географически не входят в район Среднего Востока⁴⁵.

Следует еще раз остановиться на том, что некоторые наши советские историки в один голос с буржуазными английскими авторами повторяют фальшивую версию о том, что политика России на Востоке была направлена на захват Индии, что якобы сильно беспокоило английскую буржуазию. Приведем пример.

В стенограмме лекций по истории Англии в 1870—1914 гг., прочитанных С. В. Захаровым в Высшей партийной школе при ЦК КПСС в 1946 г., где говорится о второй англо-афганской войне 1878—1880 гг., читаем, что эта война будто бы «велась для того, чтобы не пустить Россию в Афганистан. Английская буржуазия испытывала сильный страх перед движением «парового русского катка», как англичане называли тогда движение царской России, стремившейся к уязвимым точкам Британской империи, к ее коммуникациям, к Суэцу, а через Афганистан к границам Индии, к этой «жемчужине английской короны»⁴⁶.

Эти и им подобные ошибочные взгляды, по нашему мнению, вызваны тем, что в советской исторической науке недостаточно внимания уделялось разработке вопросов истории британской агрессии на Среднем Востоке и в Средней Азии в XIX в. и разоблачению захватнической политики правящих классов Англии.

В результате роста творческой активности ученых, вызванного XX съездом КПСС и его решениями, увеличилось число исследований, посвященных разоблачению колониальной захватнической политики империалистических держав на Азиатском континенте. В этой связи представляет интерес работа А. Л. Нарочницкого «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860—1895 гг.», которая вышла в свет в год XX съезда КПСС.

Вслед за этим исследованием в 1957 г. появилась монография Н. А. Халфина «Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.)», обогатившая советскую историографию по изучаемой проблеме. В ней и в других исследованиях автором более или менее подробно освещаются основные аспекты вопроса о «русской угрозе Индии» и установлено, что официальные британские круги использовали эту версию для оправдания и маскировки своей экспансии в странах Востока⁴⁷.

⁴⁵ Там же. С. 51—58.

⁴⁶ Захаров С. В. Англия в 1870—1914 гг. М., 1946. С. 15.

⁴⁷ Халфин Н. А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.). Ташкент, 1957; Он же. Британская экспансия в Сред-

Основные направления внешней политики в Азии, в частности на Среднем Востоке, которую английские государственные деятели прикрывали пресловутой версией «угрозы России» и утверждениями о необходимости «обороны Индии» были всесторонне исследованы Г. А. Хидоятовым⁴⁸. В его монографии прослежены отношения между Англией и Россией в данном регионе.

Комплекс вопросов, непосредственно затрагивающий современную историографию присоединения Средней Азии и Казахстана к России, нашел подлинно марксистское освещение в другой монографии этого же автора — «Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм»⁴⁹. В ней показано, как антиистория поставлена на службу антикоммунизму, как в условиях современного мирового развития «будучи не в силах сладить с обострением проблем нисходящей фазы развития капитализма, правящие круги империалистических стран прибегают к средствам и методам, заведомо неспособным спасти общество, обреченное самой историей»⁵⁰.

Буржуазия боится правды истории, которая развивается по определенным законам, показывающим, что коммунизм неизбежно и закономерно восторжествует и одержит верх над капитализмом. В связи с этим буржуазия мобилизует все свои силы, чтобы разработать такую модель истории, которая предоставила бы ей доказательство вечности ее господства и неизменности тех экономических и социальных факторов, на которых покоится ее власть. Вся история, все факты и события волюнтаристски подгоняются под эту модель — создается своего рода антиистория, в которой все перевернуто и искажено.

Особый интерес в работе Г. А. Хидоятова представляют те страницы, где показано как идеологи антикоммунизма, не ограничиваясь искажением истории строительства социалистического общества, предпринимают всевозможные усилия к подрыву доверия к советской историографии. Антикоммунистическая литература пытается создать ложное впечатление о советских историках и их трудах, стремясь представить их необъективными и бессодержательными, создающими надуманные конфликты и искусственные исторические процессы. Смысл этих усилий ясен — аннулировать растущий авторитет советской марксистской исторической науки на мировой арене и создать комплекс недоверия к коммунистической идеологии, дискредитировать советских историков, при-

ией Азии в 30—40-х годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира//История СССР. 1958. № 2; Некоторые вопросы международных отношений на Среднем Востоке в XIX веке в индийской историографии//Советское востоковедение. 1958. № 4; Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в.—начало XX в.). М., 1959; Присоединение Средней Азии к России. М., 1965, и др.

⁴⁸ Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-х гг.). Ташкент: Фан, 1969.

⁴⁹ Хидоятов Г. А. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. Ташкент: Узбекистан, 1978.

⁵⁰ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 12.

присваивая им волюнтаризм, вольное обращение с фактами, искажения истории в угоду партийной линии, т. е. те пороки, которые свойственны самой буржуазной историографии.

Спекулируя на некоторых недостатках работ советских историков, допущенных в период становления подлинно марксистской исторической науки, идеологи антикоммунизма пытаются представить и сегодня советскую историографию в примитивном, убогом свете, исказить освещение важнейших исторических проблем и взамен предложить свою трактовку в полном соответствии с политико-идеологическими целями вдохновителей антикоммунистической пропаганды.

Для всевозможных идеологических мошенничеств антикоммунисты обращаются к дискуссионным проблемам, которые еще не получили окончательного освещения в марксистской исторической науке и вокруг которых советские историки ведут большую исследовательскую работу. Одной из таких проблем является присоединение Средней Азии и Казахстана к России, историография данного вопроса.

Ценность книги Г. А. Хидоятова заключается в том, что он дает развернутый анализ западной буржуазной историографии по проблеме присоединения Средней Азии и Казахстана к России, разоблачает лживые версии и догмы, относящиеся к дореволюционной и современной истории национальных республик Советского Востока. Убедителен вывод автора о том, что вся эта антиистория, в которой все перевернуто и искажено, находится на службе современного антикоммунизма. Работы буржуазных историков, таких как З. Б. Бжезинский, А. Беннингсен, Д. Уилер, Р. Конкуэст, Раковска-Хармстоун, Э. Бекон, Д. Хусон, Л. Тиллет, Э. Аллворт и другие подвергнуты Г. Хидоятовым обличительному анализу. Он указывает, что все эти работы связаны одной нитью, их аргументация шаблонна, доказательства и доводы — трафаретные, логика противоречива и трудно бывает отделаться от мысли, что готовятся они на общей кухне и исходят из единого центра⁵¹.

В рассматриваемой монографии Г. А. Хидоятова, его ранее опубликованной книге «Ленинская национальная программа и современная идеологическая борьба», а также публикациях Х. Ш. Иноятова, К. Новоселова, А. Турсунбаева и др.⁵² показаны

⁵¹ Хидоятов Г. А. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. С. 66.

⁵² Хидоятов Г. А. Ленинская национальная программа и современная идеологическая борьба. Ташкент, 1972; Он же. Правда против лжи. Ташкент, 1964; Иноятов Х. Ш. Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1976; Он же. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962; Он же. Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. М.: Мысль, 1984; Новоселов К. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад, 1962; Турсунбаев А. Против буржуазной фальсификации истории Казахстана. Алма-Ата, 1963; Михайлов Г. Буржуазная фальсификация национальных отношений в Советской Средней Азии//Коммунист Узбекистана. 1986. № 10, и др.

клеветнический характер буржуазной пропаганды, направленной на фальсификацию ленинской национальной политики, антинаучная суть ее методов и приемов. В них дана критика работ современных буржуазных авторов, ставших на службу антикоммунизму по вопросам советской историографии присоединения Средней Азии и Казахстана к России. Работы этих авторов интересны тем, что в них представлены все самые новейшие концепции и направления идеологии антикоммунизма и все современные пропагандистские приемы, используемые в развязанной империализмом «психологической войне», которая не может квалифицироваться иначе, как «особая форма агрессии, информационного империализма, попирающих суверенитет, историю, культуру народов»⁵³.

Как подчеркивается в материалах XXVII съезда КПСС, мы не имеем права забывать о том, что «психологическая война» — это борьба за умы людей, их миропонимание, их жизненные, социальные и духовные ориентиры. Мы имеем дело с искусственным классовым противником, политический опыт которого разнообразен, измеряется по времени веками. Он создал гигантскую машину массовой пропаганды, оснащенную современными техническими средствами, располагающую аппаратом вышколенных ненавистников социализма»⁵⁴.

Высокий профессионализм и культура, наступательность в деле разоблачения идеологических диверсий ненавистников социализма должны быть свойственны общественным наукам и ни в меньшей мере историческим исследованиям, призванным правильно отображать прошлое, беречь и приумножать все гуманистическое и прогрессивное в духовном и материальном наследии народа. Особенно высока ответственность историографии как истории исторической науки, раскрывающей органическую связь между изучением истории и современностью во всех аспектах и конкретных проявлениях этой связи. Вот почему исторические исследования, в которых рассматриваются фальсификация современной буржуазной историографии прошлого и настоящего нашей страны, в частности, Советской Средней Азии, разоблачаются изощренные методы и приемы западных советологов, дискредитирующих социализм, актуальны и отвечают задаче борьбы против идеологических диверсий империализма. В этом плане заслуживает положительной оценки сборник «Фальсификаторы истории», подготовленный Институтом востоковедения АН УзССР⁵⁵. Наряду с критикой буржуазной историографии, искажающей узловые моменты истории Средней Азии и Среднего Востока, в нем делается попытка разоблачения идеологических диверсий империалистических кругов, осуществляющихся в странах мусульманского Востока под фаль-

⁵³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 88.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Фальсификаторы истории (критика буржуазной историографии Средней Азии и стран зарубежного Востока). Ташкент: Фан, 1985.

шивым лозунгом «защиты ислама». Среди ответственных редакторов и авторов сборника — известные советские исследователи данной проблематики — М. М. Хайруллаев, Н. А. Халфин, Г. А. Хидоятов, а также молодые авторы, рассматривающие отдельные аспекты буржуазной историографии восточных стран, разоблачающие концепции буржуазных авторов по некоторым вопросам общественной жизни и современного развития стран Востока. В ряде статей приводятся новые данные по историографии присоединения Средней Азии и Казахстана к России и фальсификации его исторического значения.

Ряд основополагающих глав фундаментального сборника «Россия и Индия», подготовленного известными советскими индологами под руководством Н. А. Халфина и П. М. Шаститко и изданного в Москве в 1986 г. Главной редакцией восточной литературы⁵⁶, тематически близок к задаче разоблачения мнимой версии о «русской угрозе Индии» и критике буржуазной фальсификации присоединения Средней Азии к России. Исследование посвящено экономическим, политическим и культурным связям между Индией и нашей страной со времени возникновения контактов между ними до 1917 г. В нем рассказывается о древних связях Индии и Средней Азии (до VII—VIII вв.), о ранних представлениях об Индии на Руси (XI—XVI вв.), о русско-индийских связях XVII—XIX вв., осуществившихся главным образом через Среднюю Азию. Особое внимание уделяется влиянию на Индию русской революции 1905—1907 гг. Материалы, представленные в данной работе, свидетельствуют о том, что русско-индийские отношения (а они нередко приобретали характер русско-среднеазиатско-индийских связей) всегда были взаимопользовными и неизменно дружественными.

В том же 1985 г. в Алма-Ате был издан сборник тематических научных трудов профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений Министерства просвещения Казахской ССР под претенциозным названием — «Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов»⁵⁷. Хотя по замыслу в работе должна была бы содержаться хоть какая-то критика буржуазной западной историографии, искажающей узловые моменты истории Казахстана и его присоединения к России, в содержании об этом нет ни единого слова и название как бы повисло в воздухе. Правда, впечатление несколько сглаживается, когда знакомишься в общем с положительными статьями Ж. Махашева «К вопросу о прогрессивном значении присоединения Казахстана к России в советской историографии» (с. 19—26 сборника); В. А. Алексеенко «Освещение вопроса «вхождения Средней Азии и Казахстана в состав России»

⁵⁶ Россия и Индия. Ответственные редакторы Н. А. Халфин, П. М. Шаститко. М., 1986.

⁵⁷ Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. Алма-Ата, 1985.

на страницах журнала «Русский Вестник» (с. 26—36 сборника); В. Я. Басина «К историографии дореволюционного Казахстана» (с. 70—80); Несипбаева «Отражение налоговой политики России в Казахстане в трудах и записках Русского Географического Общества» (с. 81—89) и др., которые тем не менее не сглаживают претенциозность названия.

Критическому анализу новейших работ буржуазных авторов по двум важным проблемам — присоединения Средней Азии к России и Октябрьской революции в Средней Азии посвящено новое исследование Г. А. Хидоятова «История и идеологическая борьба»⁵⁸. Выбор этих ключевых проблем отечественной истории в качестве критики антикоммунистической идеологии обоснован тем, что в последнее время они привлекают повышенное внимание буржуазных авторов. Написание работы в таком ключе правомерно, ибо именно в изложении и представлении этих проблем наиболее ярко проявляются порочные методы современной буржуазной историографии, ее научные основы, ее политические цели и задачи, ее идейные истоки и принципы.

Следует отметить завидное постоянство и целеустремленность Г. А. Хидоятова в разработке в советской историографии подлинно марксистской научной и активной критики современной буржуазной историографии по проблемам присоединения Средней Азии к России и Октябрьской революции в Средней Азии и Казахстане. Перечень его работ по данной проблематике — убедительное тому подтверждение.

Новизной мысли, богатством фактического материала отличаются главы, в которых рассматриваются историографические проблемы присоединения Средней Азии и Казахстана к России и его прогрессивные последствия, а также вопросы идеологической борьбы в переходный период в монографии члена-корреспондента АН СССР Э. Ю. Юсупова «Переход к социализму, минуя капитализм»⁵⁹.

В современный период, когда идет острая борьба двух мировоззрений на международной арене, отражающая противоположность двух мировых систем — социализма и капитализма, возрастает роль истории как науки в формировании правильного научного мировоззрения. Неизмеримо возрастает также роль историографии как истории исторической науки, являющейся мостом между прошлым и настоящим.

⁵⁸ Хидоятов Г. А. История и идеологическая борьба. Ташкент: Укитувчи, 1986; Он же. Правда против лжи. Ташкент, 1964; Он же. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. Ташкент, 1969; Ленинская национальная программа и современная идеологическая борьба. Ташкент, 1972; Он же. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. Ташкент, 1978; Он же. Британская экспансия в Средней Азии. Ташкент, 1981; Он же. История и идеологическая борьба. Ташкент, 1986.

⁵⁹ Юсупов Э. Ю. Переход к социализму, минуя капитализм. М.: Наука, 1987.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматривая вопросы становления и развития советской историографии, проблемы присоединения Средней Азии и юга Казахстана к России, следует выделить период с 1917 по 1956 г. и особо 50-е годы, период наиболее интенсивной марксистской разработки вопроса. Начальным этапом в становлении и развитии советской исторической науки и накоплении историографического материала можно считать период с 1917 до середины 30-х годов. Это были годы напряженной борьбы с дворянской буржуазно-либеральной исторической наукой, до революции безраздельно господствовавшей в историографии, но оказавшейся теперь в состоянии явно выраженного идейного кризиса. В этой острой идеологической борьбе победила молодая марксистско-ленинская школа во главе с М. Н. Покровским. Правда, наряду с успехами, в ряде областей исторических исследований имелись недостатки, иные работы несли на себе печать научной незрелости, социологизма, обусловленных слабой фактологической базой, поспешностью выводов и заключений, отсутствием основательной методологической школы исследования.

Историографическое изучение материалов отечественной истории первых десятилетий послеоктябрьского периода подтверждает, что все это неправильно приписывалось М. Н. Покровскому, который незаслуженно был «объявлен главой антимарксистской школы в исторической науке и все его труды подверглись беспощадной критике как проявление вульгарного социологизма, экономического материализма и буржуазной историографии»¹. Вместе с тем бесспорно и то, что М. Н. Покровский в своих исторических сочинениях обошел вниманием марксистско-ленинское положение о прогрессивности вхождения нерусских народов в состав России. Произошло это оттого, что, правильно определяя колонизаторскую сущность политики царизма, М. Н. Покровский не принимал во

---

¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27—31 октября 1961 г. Стенографический отчет. Т. II. М., 1962. С. 185.

внимание социально-экономические факторы, поведение тех или иных классов и общественных групп.

В предвоенный период по мере утверждения марксистско-ленинских методологических основ в советской исторической науке, публикации ранее неизвестных источников шел процесс изучения оценок и суждений В. И. Ленина по вопросам истории народов Советского Востока. Это давало возможность советским историкам уже в те годы правильно понять и осмыслить отдельные моменты прогрессивных последствий присоединения национальных окраин к России. Были сделаны шаги к верному пониманию целей и мотивов продвижения и установления господства царизма в Туркестане, Хиве и Бухаре во второй половине XIX в. Шел процесс переосмысления и переоценки всех достижений исторической науки предыдущих лет, становления новой зрелой марксистской науки.

В научных трудах послевоенных лет предприняты попытки исторического осмысления важнейших событий в истории среднеазиатских народов, в частности, наблюдался повышенный интерес к проблеме присоединения Средней Азии к России. Среднеазиатские историки в содружестве с учеными центральных научных институтов в те годы много сделали для издания обобщающих многолетних исследований, в которых прослеживалось историческое развитие отдельных народов Средней Азии и Казахстана.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, его решения вызвали энтузиазм у советских историков. Благодаря высокой творческой активности ученых энергично изучаются нерешенные вопросы, увеличивается количество выпускаемых монографий, защищаются диссертации на актуальные научные темы, растет удельный вес крупных коллективных исследований.

Новый этап в развитии советской историографии, в том числе исторических изысканий, касающихся всего круга вопросов, связанных с присоединением Средней Азии к России, начинается после XX съезда КПСС. Историкам стали доступнее архивные фонды Москвы, Ташкента, Ашхабада, Душанбе, Тбилиси, Фрунзе, Оренбурга и других городов, что не могло не сказаться положительно на качестве исследований. Метафизический подход к тем или иным событиям, который вел к ложному толкованию их, уступил место подходу диалектическому, когда событие рассматривается в его развитии с учетом по возможности большего числа обуславливающих обстоятельств, и труд ученого базируется на творческом использовании богатого теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма, а также руководящих партийных документов.

Исторические отделы академий наук среднеазиатских республик и Казахстана, сумевшие обеспечить рост кадров историков, после XX съезда КПСС все большее внимание уделяют проблеме присоединения и его последствий, актуальность которой возросла в связи с усилением национально-освободительного движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки, чьи лидеры изуча-

ют историческое развитие социалистических республик Средней Азии и Казахстана, и стремлением этих стран избежать капиталистический путь развития.

Плодотворной разработке проблемы присоединения способствовала Объединенная научная сессия (Ташкент, 1959), посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. В ее работе приняли участие ученые Москвы и Ленинграда, союзных республик, занимавшиеся изучением проблемы вхождения среднеазиатских народов в Российское государство. На сессии был поставлен вопрос о необходимости разработки в историографических исследованиях по проблеме присоединения Средней Азии к России таких важных аспектов, как экономика, социальное развитие, внутренняя и внешняя политика, культура, зарождение революционного движения в крае. Исследовательская работа была сосредоточена в научных-исследовательских институтах республиканских академий наук, а также на исторических кафедрах университетов и других вузов.

В 50—60-х годах значительно активизировалась деятельность советских ученых по исследованию проблемы присоединения Средней Азии к России и его последствий. Значительно возрос теоретический уровень исторических исследований, многие выводы и положения авторов строились на глубоком анализе архивных материалов.

Крупным вкладом среднеазиатских историков в исследование проблемы присоединения следует считать их выводы, сделанные на основе глубокого изучения ленинских работ об империализме, о том, что громадное развитие русского капитализма вглубь и вширь в Среднеазиатском регионе приходится не на время военного завоевания, а на период с 90-х годов XIX в., когда окончательно утверждается военно-политическое господство царизма в Туркестане и только в результате этого начинается интенсивное экономическое освоение Средней Азии: строительство железных дорог, развитие хлопководства и хлопкоочистительной промышленности, полное освоение внутреннего рынка и подчинение его также внешнеэкономическим связям.

Таким образом, правилен будет вывод о том, что главными побудительными мотивами в политике царизма в Туркестане, Хиве и Бухаре в 50—70-х годах, отчасти и в 80-е годы, были политические интересы, и только с 90-х годов экономический фактор стал играть определяющую роль.

Естественно, что процесс присоединения к России протекал не во всех национальных районах края одинаково и прогрессивные последствия его также проявились не одновременно. В этой связи положительным явлением в развитии советской историографии с 50-х годов можно считать то, что проблема присоединения и его последствий успешно стала разрабатываться не только в Ташкенте, но и в столицах других среднеазиатских республик, и даже в некоторых областных центрах, где имеются исторические кафедры высших учебных заведений.

Если до середины 50-х годов история Средней Азии второй половины XIX и начала XX в. исследовалась преимущественно в масштабах всего региона, то теперь публикуется все больше фундаментальных трудов ученых среднеазиатских республик по истории ханств, отдельных районов и городов колониального Туркестана.

Раньше при изучении той или иной исторической проблемы порой чрезмерно использовались дореволюционные труды русских буржуазных историков, которые зачастую фальсифицировали события, стремясь оправдать захватническую политику самодержавия; теперь в исторических работах больше внимания стало уделяться архивным материалам и рукописным источникам, что придает исследованиям советских ученых большую объективность.

Следует отметить, что накануне присоединения к России в Туркестанском крае сложилась чрезвычайно сложная внутренняя обстановка. При сохранении господствующего положения узбеков в среднеазиатских ханствах зрело стремление к самостоятельности других тюркских народностей — казахов, киргизов, туркмен, таджиков. Все они имели общую и самобытную историю (особенно таджики, казахи, киргизы и туркмены), были объединены главным образом по признаку религиозному: исповедовали суннитский толк ислама, феодальная деспотия умело держалась тесного союза с мусульманской иерархией, совместно обеспечивая эксплуатацию всех слоев трудящихся. Дехканские массы же, ремесленники, кочевники-скотоводы, торговцы поклонялись двум богам одновременно: феодалам, наместникам и эмиру либо хану, а также духовенству.

При этом властелины и их сатрапы во всех трех ханствах ограждали вакуфные земли, делали богатые приношения и отчисления из казны в пользу духовенства, показывая тем самым себя покорными слугами всевышнего и заставляя трудящиеся слои беспрекословно подчиняться судьбе «предначертанной им богом».

В это смутное время закидывали сюда свои щупальца английские колонизаторы, стремясь овладеть этим обширным краем. После Крымской кампании не прочь была установить свой сюзеренитет и Порта, вознамерившись объединить под своим началом мусульманские страны всей Центральной Азии.

Этим обусловлена существующая в настоящее время в историографии «децентрализация» проблемы присоединения Средней Азии к России и его последствий. Такой тщательный анализ необходим для плодотворного решения остающихся спорных вопросов. Для этого необходимо участие творческих сил из всех национальных республик Средней Азии и Казахстана, и в этом плане усиление исследовательских работ по периоду присоединения в национальных республиках — явление весьма положительное в советской историографии нового времени.

Таким образом, советские историки на основе принципов марксизма-ленинизма подвергли глубокому научному анализу со-

бытия, связанные с присоединением Средней Азии и Казахстана к России и сделали соответствующие выводы в отношении сущности и значения вхождения в состав Российского государства обширной среднеазиатской территории, населенной узбеками, казахами, таджиками, киргизами, туркменами, каракалпаками и другими народностями.

В послевоенные годы в советской историографии преодолены ошибки субъективистского характера прошлых лет. Историки следуют указанию В. И. Ленина о том, что «необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без *единого* исключения...»². В отличие от большинства дореволюционных работ о включении Средней Азии и Казахстана в состав России исследователи советской исторической школы не ограничиваются простой констатацией фактов и сумм описанием событий, но осмысливают их теоретически, определяя, что они являются частью «единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»³.

Правда, к чести историков Узбекистана следует отметить, что ими уже начата кропотливая работа по новому осмыслению ряда страниц истории республики и всего Среднеазиатского региона с тем, чтобы «оценить прошлое с чувством исторической правды»⁴.

Об этом свидетельствует выпущенный в свет Институтом истории АН УзССР сборник «История и историография национально-освободительных движений, второй половины XIX — начала XX в. в Средней Азии и Казахстане»⁵. В этом сборнике, составленном по материалам проходившего в декабре 1987 г. в Ташкенте межреспубликанского совещания, посвященного актуальным проблемам и нерешенным задачам изучения истории национально-освободительных движений, рассматривается процесс вызревания политических и социально-экономических предпосылок народных движений в Средней Азии в конце XIX — начале XX в., освещаются движущие силы и особенности выступления трудящихся, степень участия в них различных социальных групп населения региона и спорные вопросы истории национально-освободительного движения этого времени. Сборник посвящен Андижанскому восстанию 1898 г. и определению его места в национально-освободительном движении народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX в. Авторами статей являются Э. Ю. Юсупов, Б. В. Лунин, Х. З. Зияев, К. У. Усенбаев, Ж. К. Касымбаев, А. С. Садыков, Ж. Жакыпбеков и др. Следует считать правильным вывод авто-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 351.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 58.

⁴ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 14.

⁵ История и историография национально-освободительных движений второй половины XIX — начала XX в. в Средней Азии и Казахстане: итоги, поиски, перспективы изучения. Ташкент: Фан, 1989.

ров о том, что, несмотря на сложность и противоречивость событий 1898 г., они отражали в своих истоках проявление массового недовольства дехканства Ферганы. Восстание 1898 г., в силу объективных и субъективных факторов возглавленное представителем косных феодально-клерикальных кругов, по своей сущности носило явные черты антиколониального выступления масс и тем самым вливалось в общее русло освободительного движения, подрывающего устои колониального режима царизма в Средней Азии.

В историкографическом плане следует отметить также коллективную работу «Политические процессы в Туркестане 1905—1917»⁶. Исследование охватывает важнейшие проблемы освободительной борьбы в Туркестане почти на всем протяжении ее пролетарского этапа — с 1905 по 1917 г. Историко-революционный процесс в Туркестане рассматривается параллельно с карательными действиями царизма, позволяющими оценить не только все разнообразие сил и способов подавления, которое применяло самодержавие в крае, но и силу народной борьбы за самостоятельное развитие, силу прогрессивных национально-освободительных движений в крае.

История как научная дисциплина всегда находится на передовой линии идеологической и политической борьбы прогресса и реакции. Если до Великой Октябрьской социалистической революции историки в империалистических странах «были равнодушны» к участи среднеазиатских народов⁷, то в новейшее время стала заметна поистине «трогательная забота» буржуазных ученых о развитии среднеазиатских народов. Стоит ли говорить, что подобная «забота» — вовсе не случайность, она преследует определенные политические цели, главная из которых — дискредитация Советской власти, советского социалистического строя. Казахский историк А. Турсунбаев в 1963 г. писал: «В настоящее время нет, пожалуй, ни одной значительной проблемы истории Казахстана, как и других советских республик, которую реакционная буржуазная историография не пыталась бы фальсифицировать в тех или иных формах в угоду господствующим в капиталистических странах монополиям»⁸.

Процесс присоединения Средней Азии к России может быть правильно понят как часть мирового поступательного процесса. Главный вывод о международном значении присоединения Средней Азии к России заключается в том, что в результате этого трудящиеся региона, руководимые российским пролетариатом, включились в общее революционное движение, направленное против царизма и приведшее в конечном итоге к победе Великого

⁶ Абдурахимова Н. А., Садыков А. С., Шамамбетов Б. Ш. Политические процессы в Туркестане 1905—1917. Нукус: Каракалпакстан, 1988.

⁷ См. Новоселов К. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад, 1962. С. 5.

⁸ Турсунбаев А. Против буржуазной фальсификации истории Казахстана. Алма-Ата, 1963. С. 5.

Октября. Международное значение присоединения Средней Азии и юга Казахстана к России состоит в том, что вопреки целям и методам царизма объединение сил всех нерусских народов и народностей с могучими силами русского народа в борьбе против национального и социального гнета подготовило общий фронт всероссийского революционного движения во главе с пролетариатом и его ленинской партией, привело в итоге к освобождению всех народов Российской империи.

Во исполнение постановления ноябрьского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС, определившего задачи «неуклонного претворения в жизнь одобренных партийной конференцией мер в области межнациональных отношений, наиболее полного учета как специфических интересов различных наций и народностей, так и задач сохранения и упрочения важнейшего завоевания Великого Октября — братской дружбы народов СССР»⁹, целесообразно организовать в Ташкенте, как это бывало в 40—50-х годах, Всесоюзную конференцию историков по истории и историографии проблемы присоединения нерусских народов к России и его прогрессивных последствий. Тем более, что в последние 10—15 лет в связи с ослаблением идеологической работы в республике накопилось много нерешенных вопросов в деле усиления воспитательной роли общественных наук, решению которых в значительной мере помогло бы совещание историков Средней Азии и Казахстана с привлечением ученых Москвы, Ленинграда и других братских республик. Можно связать это с идеей проведения нового Всесоюзного совещания историков, которую выдвинули академики М. Минц, А. Самсонов, член-корреспондент АН СССР Ю. Поляков и др. Настало время показать неразрывность преемственности поколений, силу и духовное интернациональное единство советских людей, их верность революционным завоеваниям. Необходимо неукоснительно следовать ленинской политике партии по решительному совершенствованию патриотического и интернационалистского воспитания трудящихся, углублению братских связей со всеми республиками Советского Союза.

---

⁹ Правда. 1988. 29 ноября.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Международное значение присоединения Средней Азии к России	11
Глава II. Становление и развитие советской историографии проблемы присоединения Средней Азии к России	33
Период с 1917 по 1956 г.	33
Период от XX съезда КПСС — до начала 80-х годов	50
Глава III. Основные аспекты историографии: экономика, социальное положение, внутренняя и внешняя политика, культура, зарождение революционного движения	60
Глава IV. Историография проблемы в республиках Средней Азии и Казахстана	82
Глава V. Публикация источников по проблеме присоединения	116
Глава VI. Критика буржуазной фальсификации присоединения Средней Азии и Казахстана к России	128
Заключение	149

Гулям Ахмеджанович Ахмеджанов

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

*Утверждено Ученым советом Ташкентского ордена Трудового
Красного Знамени государственного университета им. В. И. Ленина,
Научным советом Министерства народного образования УзССР*

Редактор *Л. М. Ярошевская*
Художник *В. Мочалин*
Художественный редактор *А. И. Сазонов*
Технический редактор *Н. Абдурахимова*
Корректор *С. Капустина*

ИБ № 4634

Сдано в набор 08.08.89. Подписано к печати 28.09.89. Р00699. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,75. Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 1000. Заказ 182. Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700347. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР: 700170. Ташкент, проспект М. Горького, 79.